

МИХАИЛ РЫЖИК

США В ПОИСКАХ БОЛЕЕ СОВЕРШЕННОГО СОЮЗА

Как живут
американцы сейчас,
к чему они готовятся,
и что из этого
может получиться

НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО
ИНСТИТУТ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ПРОГРАММА АМЕРИКАНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

М.И. Рыхтик

США В ПОИСКАХ БОЛЕЕ СОВЕРШЕННОГО СОЮЗА

**Как живут американцы сейчас,
к чему они готовятся,
и что из этого может получиться**

Исторические очерки

© Рыхтик М.И. 2002
Нижний Новгород 2002

УДК 32
ББК 65.6; 66.3

Р 59

Рыхтик М.И.

США в поисках более совершенного союза: как живут американцы сейчас, к чему они готовятся, и что из этого может получиться: Исторические очерки. – Нижний Новгород: ИФ ННГУ (Программа американских исследований), 2002. — 156 с.

В книге на основе оригинальных источников и литературы анализируется современное американское общество, история формирования внешнеполитической стратегии США в конце XX века. Особое внимание уделяется эволюции позиции республиканской партии по вопросам национальной безопасности и оборонной политике.

Работа рассчитана на специалистов-международников, преподавателей и студентов, специализирующихся по истории США и международным отношениям, читательскую аудиторию.

Под общей редакцией д.и.н., академика О.А.Колобова

Рецензенты: д.п.н., профессор А.А.Сергунин
д.и.н., профессор А.С.Макарычев

УДК 32
ББК 65.6; 66.3

© Рыхтик М.И., 2002

Мы, народ Соединенных Штатов, дабы образовать более совершенный союз, установить правосудие, гарантировать внутреннее спокойствие, обеспечить совместную оборону, содействовать всеобщему благоденствию и закрепить блага свободы за нами и потомством нашим, торжественно провозглашаем и устанавливаем настоящую Конституцию для Соединенных Штатов Америки.

Конституция США

ВВЕДЕНИЕ

Уже на протяжении многих лет российское общество демонстрирует стойкий интерес к Соединенным Штатам Америки, их экономическому, политическому опыту. К сожалению, очень часто это проявление носит конъюнктурный характер, о чем свидетельствует наличие крайне противоречивых оценок США в России — от восторженно апологетического до резко негативного. По справедливому замечанию одного из авторитетных американистов В.Согрина, политический опыт США оброс в нашей стране всевозможными мифами и идеологемами.

Предлагаемая читателям книга принадлежит к несколько забытой в наши дни форме — исторические очерки. Автор, используя многочисленные материалы и наблюдения, полученные от многочисленных поездок в США, решил предложить на суд читателя свои оценки важнейших элементов современного американского общества.

При анализе доступных документов внешнеполитических ведомств России и США складывается впечатление, что нынешнее поколение аналитиков, экспертов и политиков очень трудно расстается с догмами, принципами и концепциями, господствовавшими в недалеком прошлом. Это характерно как для отечественных, так и для западных специалистов, которые с трудом отказываются от устаревших подходов к анализу современных процессов.

Сегодня мы являемся свидетелями формирования новой структуры международных отношений, которая характеризуется наличием пока еще мало понятными, но тем не менее уже сформировавшимися тенденциями. Характеризуя эту структуру, следует говорить о глобализации и регионализации, интеграции и фрагментации, гуманизации и росте насилия и терроризма. От того, какие из этих тенденций станут доминирующими, во многом зависит содержание будущих международных отношений. Новые условия существования в окружающем мире требуют иных подходов к организации бытия.

Причем перед субъектами этих отношений стоят две задачи: определить новые цели и найти пути решения старых задач в новых условиях. Насколько готово к этому современное американское общество — этот вопрос будет постоянно возникать при прочтении всех представленных здесь очерков.

Нынешнее руководство страны вынуждено будет принять такую национальную стратегию, которая, сохраняя существующее сегодня достаточно хрупкое равновесие между традиционными центрами силы — государствами, одновременно определила бы внешнюю политику США с учетом новых тенденций. Продолжение политики сдерживания Ирака или поддержание процесса расширения НАТО необходимо, в частности, для решения вполне традиционных задач — защиты американских интересов на Ближнем Востоке и в Европе. Однако предстоит решить куда более сложную задачу — разработать стратегию, реализация которой будет осуществляться на двух новых уровнях системы международных отношений: государство — международные институты и государство — индивид. Глобальные финансовые структуры или такие люди, как Билл Гейтс, Ли Кашин или Усан бен Ладен, способны оказывать серьезное функциональное влияние на международную систему, что и заставляет государства вносить корректировки в свои внешнеполитические доктрины. Государство настойчиво пытается «придерживать» слишком ретивых новых игроков. Борьба американского суда с «Майкрософт» может быть рассмотрена также в контексте противостояния между традиционным центром силы и новым претендентом. Государства также стремятся выйти на новый организационный уровень борьбы с терроризмом, создавая межгосударственные структуры, предназначенные для нейтрализации этой угрозы. Активность нового президента России В.В. Путина по созданию антитеррористического центра в рамках СНГ как нельзя лучше свидетельствует об этом.

Разрабатывая будущую внешнеполитическую стратегию, необходимо четко представлять, какой будет структура международных отношений через десять–двадцать лет и какой будет своя собственная страна. Трудно говорить о нормальных взаимоотношениях, если мы изначально исходим из разных теоретических посылов. Среди российской интеллектуальной элиты совсем недавно утвердилось мнение, что современный мир — многополюсный, или же, чтобы быть более точным, — современная система международных отношений характеризуется наличием нескольких центров силы. Более того, этот тезис нашел отражение в официальных государственных документах. Однако данное утверждение не только не отвечает современному положению дел, но и не признается на официальном уровне в США. Сегодня американцы строят свою национальную стратегию исходя из того, что Америка является единственным лидером и фактически единственным центром силы, обладающим экономическим, политическим, военным, технологическим, информационным и культурным преимуществом. И это с их

стороны вполне логично и правильно, ибо соответствует действительности¹. Если национальная стратегия России работает на тезисе о многополярности мира, то для начала надо, как минимум, эту многополярность создать (если хватит ресурсов).

Не секрет, что официальная доктрина — это во многом публичный документ, выполняющий вполне определенные политические цели как на внутреннем, так и внешнем рынке. Официальная доктрина несет очень большую рекламно-пропагандистскую нагрузку, и поэтому надо осторожно подходить к представленным в ней формулировкам. Наибольшую ценность для прогнозирования будущей политики США представляет анализ структуры расходов на оборонные нужды, ибо это реальность с отсрочкой реализации на 5–10 лет. Цифры, представленные в военном бюджете, свидетельствуют, во-первых, о готовности США вести обычную войну в стратегически важных районах мира, во-вторых, о серьезной подготовке к ведению информационных войн, которые, по мнению американских стратегов, станут неотъемлемой характеристикой межгосударственных отношений в среднесрочной перспективе². Однако они же говорят о том, что в самих США идет серьезная борьба между теми, кто считает революцию в военном деле свершившимся фактом и теми, кто не хочет торопиться расставаться с привычными статьями расходов на оборонные нужды³. Понятие «мягкая безопасность», завоевавшее популярность среди либеральных политологов, вызывает некоторое раздражение у военных, которые на формальном уровне не хотят признавать значимость нового содержания термина «безопасность».

Особое внимание следует уделять роли внутривластных факторов, влияющих на процесс принятия внешнеполитических решений в США. Структура американского общества меняется, за этим неизбежно последуют организационные, бюрократические и политические изменения. Мы должны ожидать смену внешнеполитической элиты в США, где на место «говорящим с акцентом» З.Бжезинскому, Г.Киссинджеру и другим политикам придет новое поколение экспертов. На наш взгляд, нынешний президент не совершит кадровой революции в США, но республиканец привел в кабинеты власти более практичных и рациональных политиков, которые, по оценке одного из признанных специалистов республиканской партии США В.Никонова, более удобны для России.

Мы уделяем особое внимание структурной перестройке вооруженных сил США, которую начал Дж. Буш-старший. На рубеже веков Америка столкнулась с системной проблемой. Она во многом продолжает готовиться к войне, которую мало кто собираются вести в будущем. По крайней мере, эксперты Пентагона очень критично относятся ко многим решениям политиков, которые вынуждены по чисто внутривластным причинам продолжать финансирование программ закупки «устаревшего оружия».

Книга не претендует на всесторонний охват проблем внешней политики США на рубеже веков, мы сознательно отказались от хронологического подхода к изложению материала, для того чтобы сконцентрироваться на важнейших, по нашему мнению, структурных факторах, влияющих на формирование американской внешнеполитической доктрины. Сегодня, когда Соединенные Штаты находятся на пути формирования более совершенного союза, учитывающего новые реалии, отличающиеся от периода «плавленного котла», нам важно понять суть формирующегося «нового союза».

Молодым американцам на заметку

Книга посвящена теме, которая по сложившейся за последние годы у нас традиции требует комплексного подхода к изучению, ибо выполнена на стыке конкретно-исторической проблематики и политологии. Это определяет специфику историографической части работы, заключающуюся в следующем.

Во-первых, западная литература по политологии исключительно обширна и трудно поддается всеобъемлющему анализу; во-вторых, относительно слабая обеспеченность архивными документами, которые просто в силу временного фактора не могут дать всей полноты происходивших событий, ибо сохраняют гриф секретности; в-третьих, недостаток архивных документов с лихвой компенсируется огромным количеством документов, доступных через Интернет. В настоящее время заинтересованному исследователю доступны практически все существующие открытые документы, среди которых материалы конгресса США, Белого дома, государственного департамента и других ведомств, ответственных за выработку внешнеполитических решений. Более того, сегодня участник тех или иных событий может, не дожидаясь публикации своих мемуаров (на что обычно уходят годы), представить свои работы в электронном виде. Все это требует особого подхода к классификации и анализу такого рода материалов.

Автор использовал несколько групп источниковых материалов для написания данной работы: юридические и нормативные акты; опубликованные материалы конгресса; документы исполнительной власти (в их числе документы, находящиеся в фондах национального архива и архива национальной безопасности в городе Вашингтоне); документы и материалы научно-исследовательских центров; мемуары.

Среди материалов законодательной власти особый интерес представляют стенограммы слушаний комитетов по иностранным делам, по делам вооруженных сил, по делам разведки и ассигнованиям обеих палат конгресса. Именно они отвечают за разработку законодательства по вопросам внешней политики. По тематике слушания могут быть самыми разнообразными: по

ежегодным посланиям президента и министра обороны, по национальной стратегии и оборонному бюджету, по региональным направлениям внешней политики, по проблемам конверсии и пр.

Стенограммы слушаний комитетов, позволяют проследить преемственность и закономерность эволюции процессов в толковании внешней политики и национальной безопасности США, определении основных приоритетов национальной стратегии и квалификации главных угроз национальным интересам. Эта группа уникальных источников позволяет классифицировать позиции различных групп по важнейшим проблемам современных международных отношений. Однако при работе с этими материалами следует учитывать тот факт, что идеи, высказываемые как независимыми экспертами, так и членами действующей администрации в ходе слушаний не всегда отражают реальные позиции и действия правительства. Почерпнутая информация должна всегда сверяться с материалами исполнительного ведомства, имеющими силу указа или директивы. Особую ценность представляют бюджетные слушания. Здесь мы имеем конкретные цифры и факты, позволяющие с большой долей точности говорить о реальном положении дел в сфере национальной безопасности.

Наиболее подробно и систематически отражают историческую действительность отчеты о дебатах, публикуемые в периодически издающемся вестнике "Конгрешнл Рекордз". В тексты выступлений членов конгресса включается самый обширный материал (перепечатки статей, интервью, письма и др.), дополняющий понимание исследователя о социально-политическом климате, окружающем процесс принятия решений по важнейшим вопросам американской внешней политики.

Большое значение имеют документы Генерального счетного управления и Библиотеки конгресса, содержащие высококачественные оценки специалистов по самым различным вопросам. Эти доклады знакомят нас с детально аргументированной и лишенной эмоций позицией квалифицированных специалистов по важнейшим проблемам обеспечения национальной безопасности⁴. Следует отметить, что доступ к этим документам в наши дни очень облегчен. Практически все открытые документы GAO (General Accounting Office) доступны через Интернет.

В работе активно использовались материалы СНБ из фондов архива национальной безопасности США⁵. В этих документах мы обнаружили большое разнообразие видов источников: меморандумы, директивы, аналитические записки, телеграммы и депеши. Изучение этих материалов воссоздает полную картину эволюции подходов американских правящих кругов к определению национальных интересов и приоритетов в конкретных исторических условиях.

Процесс формирования национальной стратегии хорошо прослеживается по опубликованным официальным материалам в серии "Еженедельные

собрания президентских документов" и "Текущие документы по внешней политике США"⁶. Указанные подборки материалов содержат тексты заявлений, посланий, стенограммы пресс-конференций президентов и членов администрации и пр. Они скомпонованы тематически в хронологическом порядке и снабжены качественным научно-справочным аппаратом.

Необходимо отметить документы и материалы военных ведомств⁷. Именно здесь мы находим информацию о конкретном наполнении национальной стратегии и военной стратегии США, можем отследить эволюцию подходов военных экспертов к проблеме обеспечения национальной безопасности, а также определить основные методы защиты национальных интересов.

Документы и материалы научно-исследовательских центров и общественных организаций дают возможность проследить эволюцию позиций внешнеполитической элиты по изучаемым вопросам. Чаще всего представители различных политических школ и направлений аккумулируются вокруг «своих» научно-аналитических институтов (РЭНД, Центра стратегических и международных исследований, Фонда наследия, Университета национальной обороны, КАТО института и пр.)⁸. В 1996 г. Д.Ньюсом определил 10 ведущих «мозговых центров», игравших заметную роль в определении американской внешней политики. Среди них Карнеги Эндаумент (основан в 1910 г.); Брукингский институт (основан в 1927 г, приоритетным направлением является разработка либеральной внутренней политики); Американский предпринимательский институт (создан в 1943 г. для разработки прав, ориентированной на большую и средний бизнес политики, традиционно рассматривается оппонентом Брукингса); Центр стратегических и международных исследований (был смоделирован по примеру лондонского Института стратегических исследований в 1962 г., исследования Центра традиционно носили ярко выраженный антисоветский характер); Институт изучения политики (основан в 1963 г. Маркусом Раскиным и Ричардом Барнетом, занял место на левом фланге политического спектра, интеллектуально работает на демократическую партию); Фонд наследия (функционирует с 1973 г., считается наиболее агрессивным консервативным аналитическим институтом, обслуживающим республиканскую партию); антиинтервенционистский, либертарианский Като институт; Объединенный центр политических и экономических исследований (основан в 1970 г. для изучения проблем, затрагивающих интересы афроамериканцев); Центр национальной политики (связан с именем Э.Маски, создан в 1982 г.); Институт мира (основан и финансируется конгрессом США в 1985 г.). Известный калифорнийский «мозговой центр» Рэнд Корпорейшенз изначально концентрировался на изучении проблем, затрагивающих интересы американских ВВС. В настоящее время исследования этого института затрагивают широкий спектр военно-стратегических проблем. Особое место также занимают проблемы, непо-

средственно связанные с жизнью одного из крупнейших штатов Америки - Калифорнии. Все вышеназванные «мозговые центры» имеют свои сайты, где размещены не только формальные сведения об их деятельности, но и представлены некоторые работы, позволяющие судить о деятельности ведущих аналитических институтов США.

Отдельной группой источников являются использованные в книге мемуары. Они включают в себя воспоминания отдельных советских и российских государственных и политических деятелей – прежде всего М.С.Горбачева, А.Ф. Добрынина, А.А.Громыко, А.А.Козырева, а также западных государственных деятелей – Дж.Буша, М.Тэтчер, Дж.Бейкера, Р.Хатчингса, непосредственно участвовавших в формировании внешнеполитического курса государств, определявших пути развития международной системы в последние десятилетия XX века. Они дают представление об атмосфере принятия решений, скрытых мотивах тех или иных политических акций.

Отечественные и зарубежные исследования. Публикации по этой теме распадаются на две группы: 1) теоретические работы по международным отношениям и политологии; 2) конкретные исследования историко-политического профиля.

На развитие отечественной историографии по международным отношениям заметное влияние оказало соперничество между Институтом мировой экономики и международных отношений и Московским государственным институтом международных отношений. Коллеги академика Н.Н. Иноземцева в 70-80-е годы опубликовали работы, где приводились фрагменты западных авторов, придерживавшихся системного подхода в изучении международных отношений⁹, что способствовало проникновению в общественно-политические науки СССР передовых методологических подходов изучения международных проблем, разработанных западными коллегами. В свою очередь в МГИМО МИД СССР под руководством А.А.Злобина и М.А.Хрусталева сложилась школа системно-структурного анализа, способствовавшая развитию теории международных отношений в Советском Союзе¹⁰.

Большую помощь автору в разработке темы оказали труды отечественных ученых и исследователей по истории международных отношений в целом и внешней политики США в частности. Среди них работы Г.А. Арбатова, А.Н.Гончаренко, Н.Н.Иноземцева, В.В. Журкина, Р.С.Овчинникова, О.А.Колобова, Ю.М.Мельникова, А.А.Кожошина, С.М.Рогова, А.А.Сергунина, А.Н.Уткина, Г.С.Хозина, А.Д.Богатурова, А.С.Манькина, Г.А.Трофименко, И.Л.Шейдиной¹¹. Эти авторы внесли большой вклад в изучение различных аспектов американской внешней политики в годы холодной войны. Были разработаны основные методологические подходы изучения внешней политики США, процесса принятия внешнеполитических решений, международных отношений в целом.

Работы А.А.Мишина, Н.В.Сивачева, А.С.Манькина, В.А.Печатнова, А.Ю.Мельвиля, посвященные анализу политических институтов и власти США, имеют большое научное значение и сегодня, поскольку закладывают базу для понимания основных процессов политической истории Америки.

Особый интерес представляют работы, посвященные изучению конкретных направлений внешней политики США в области советско-американских отношений¹², иностранной помощи¹³, научно-технической политики¹⁴.

В 90-х годах в условиях идеологической свободы были опубликованы работы, которые продолжали традиции структурного анализа изучения международных отношений. Среди них мы бы выделили исследования С.Е.Благоволина, Н.А.Косолапова, А.В.Кортунова, С.В.Кортунова, К.В.Плешакова, А.А.Мурадяна.

Особое место в отечественной историографии занимают работы, посвященные изучению проблем национальной и международной безопасности, которые активно разрабатывались зарубежными коллегами. Вопросы безопасности стали широко обсуждаться у нас уже после распада Советского Союза. Причем сама проблема рассматривалась преимущественно в традиционных плоскостях - мир после холодной войны и обеспечение военной безопасности в нем, диалектика военных и невоенных средств обеспечения национальной безопасности. В основном дискуссия развернулась на страницах научных журналов. Особого внимания заслуживают работы Н.Спасского, Н.Косолапова, В.Батюка, В.Москвина, К.Плешакова, А.Кортунова, А.Богатурова, Д.Евстафьева¹⁵. 90-е годы принесли новое содержание в изучение американской внешней политики. Большое количество российских исследователей получило возможность стажироваться в западных учебных научных заведениях. На страницах «толстых» журналов появились статьи, посвященные внешней политике США и актуальным проблемам международных отношений в целом, основанные на архивных документах, ставших доступными многим российским исследователям. Кратковременная открытость советских архивов не дала ожидавшегося результата. Основная масса документов СССР так и осталась недоступна большинству отечественных исследователей.

Тем не менее наравне с хорошо знакомыми специалистам изданиям появились новые, которые заняли пустующие ниши в отечественной политологии (либеральный *Pro et Contra*, умеренно консервативный Нижегородский журнал международных исследований). Особо хотелось бы выделить серию научных докладов Московского общественного научного фонда.

В последнее время появились новые работы, изданные ИСКРАН, которые стали восполнять недостаток монографических исследований по социально-политическим и правовым аспектам новейшей американской истории. Монографии «США на рубеже веков»¹⁶ и «Политическая система США: ак-

туальные измерения»¹⁷ дают представление о современных процессах, происходящих в американском обществе. Особняком стоит книга профессора В.В.Согрина «Политическая история США. XVII-XX вв.»¹⁸, которая претендует на изложение новой концепции американской политической истории.

Заметный вклад в развитие отечественной американистики внесли нижегородские ученые. О.А.Колобов и его ученики на протяжении многих лет плодотворно работают над изучением процесса принятия внешнеполитических решений в США, уделяя особое внимание проблемам национальной безопасности и перспективам американо-российских отношений. За последние годы в Нижнем Новгороде было опубликовано несколько интересных работ, привлечших внимание как отечественных, так и зарубежных американистов¹⁹. В Нижегородском госуниверситете были подготовлены и защищены несколько кандидатских и докторских диссертаций по истории и внешней политике США (В.Б.Захаров, А.А. Сергунин, М.Г.Макарычева, А.С.Макарычев, В.Н.Коньшев, С.В.Субботин, А.С. Вишняков).

Из работ, выполненных на стыке теории и конкретно странового анализа хотелось бы выделить монографию А.Д.Богатурова, посвященную политике великих держав на Тихом океане²⁰. Определенный интерес представляет работа известного американиста А.И.Уткина «Американская стратегия для XXI века». В ней автор достаточно полно представил содержание основных дискуссий среди внешнеполитической элиты США по актуальным проблемам современных международных отношений²¹.

Зарубежная историография. Среди интересных зарубежных работ общетеоретического профиля хотелось бы выделить классические работы по теории международных отношений К.Уолтца, Х.Булла, К.Дойтча, Г.Киссинджера, Р.Кохайна, Д.Ная, С.Хофмана, в которых в той или иной степени рассматриваются вопросы безопасности, анализируются такие понятия, как стабильность, национальный интерес, национальная и международная безопасность.

Появление первых специальных исследований по проблеме национальной безопасности можно приурочить к революционным переменам в американской внешней политике и новым достижениям в военных технологиях (изобретение и использование в военных целях атомного оружия). Начальный период характеризуется мощным влиянием парадигмы реализма, не оставившей места ни идеализму, ни изоляционизму межвоенного периода. Именно реалисты обратили особое внимание на роль силы в международных отношениях и обосновали важность самого понятия "национальный интерес"²². Реалистическая школа обеспечила политическую и интеллектуальную базу для исследования проблем безопасности в ядерный век, теории сдерживания, доктрины гибкого реагирования, ограниченной ядерной войны. Реалисты первыми подошли к вопросу контроля над вооружением (ан-

титеза разоружению) как фактору, способствующему установлению ядерного паритета²³.

"Золотой век" изучения проблем безопасности ассоциируется с такими именами, как А.Уолферс, П.Бок, М.Берковитц, Х.Булл, Г.Моргентау и др.²⁴. Именно тогда были заложены базисные принципы изучения теории и практики национальной безопасности.

В конце 60-х — начале 70-х гг. интерес общественности к этим вопросам значительно угас. Вызвано это было войной во Вьетнаме и начавшейся разрядкой в советско-американских отношениях. Однако в этот период появляется целый ряд ценных работ, посвященных процессу принятия решения в области национальной безопасности, разрабатывается так называемая "бюрократическая парадигма"²⁵.

В конце 1970-х годов появляется целый ряд молодых перспективных исследователей, начавших публиковать свои работы в только что основанных научных журналах: "Международная безопасность" (с 1976 г.), "Журнал стратегических исследований" (с 1978 г.), "Сравнительная стратегия" (с 1978 г.). К изучению этих проблем подключаются университеты (в 50—60-е гг. центр исследований был в так называемых мозговых центрах, например РЭНД или других, имеющих правительственные контракты). Издательства Корнельского университета и Принстонского университета приступили к изданию серии исследований ("Исследования в области безопасности" и "Международная история и политика" соответственно). Данное обстоятельство, безусловно, способствовало развитию более свободной и объективной дискуссии по важнейшим аспектам национальной и международной безопасности²⁶.

Вторая половина 80-х — начало 90-х годов ознаменовалось большой активностью в изучении проблем безопасности. Появились исследователи, настаивающие на более широком толковании самого термина безопасность, не ограничиваясь только военными аспектами. Безопасность, по мнению многих исследователей, должна включать экономические аспекты (Т. Моран и Р.Кохэйн)²⁷, экологические (Н.Браун)²⁸, демографические (Н.Эберштадт, С.Саркесьян)²⁹.

Теоретические аспекты национальной безопасности нашли наиболее глубокое отражение в работах К. Грея, Р.Кохэйна, Д. Найя, М.Мандельбаума, У. Ростю, С.Линн-Джонса, Б.Бузана, З. Бжезинского, Г. Киссинджера, С.Хофмана и др. Авторы в разной степени раскрывают влияние географических, национальных, структурных и иных факторов на процесс формирования доктрины национальной безопасности. Особый интерес вызывает монография Б.Бузана, посвященная анализу влияния военных технологий на международные отношения³⁰.

В последние годы в США идет особенно острая дискуссия о будущем международных отношений и роли Соединенных Штатов в новой склады-

вающейся системе. Апологеты однополярности достаточно благожелательно смотрят на сохранение гегемонии США, которая должна быть просто принята международными сообществом³¹. Однако алармисты не видят в однополярности стабилизирующий элемент. Ч.Купчан и его последователи уверены, что система, базирующаяся на американской гегемонии, не может просуществовать долго³². Односторонность, по мнению многих ведущих аналитиков, подкосит любое государство, и Соединенные Штаты в этом не являются исключением³³.

Анализируя влияние взаимозависимости на стабильность и неконфликтность международной системы, ведущие специалисты, среди которых К.Уолтц, М.Браун, Ш.Линн-Джонс, полагают, что вероятность конфликта вполне обоснована. Многие члены международного сообщества по-прежнему испытывают неприязнь и даже страх друг перед другом.

В последние годы среди либерально настроенных исследователей можно наблюдать определенную обеспокоенность по поводу некоторого поправления американской внешней политики. Особенно это сказалось, по их мнению, на политике в отношении России³⁴. Такое положение стало закономерным этапом роста популярности неизоляционистских идей, которые в некотором объеме готовы воспринять американское общество сегодня.

Подводя итог, следует с сожалением говорить и малочисленности отечественных работ по заявленной теме. В этой связи стоит опасность преувеличенного отношения к западной историографии, которая не только обширна, но и очень разнопланова. Предлагаемая работа, это еще один шаг в развитии российской американистики, которая все более уверенно выходит из кризиса 90-х годов. Мы отнюдь не претендуем на всеобъемлющий анализ, однако надеемся, что работа послужит отправной точкой дальнейших научных изысканий.

Примечания

¹ Richard J.Harknett The Risks of a Networked Military. Orbis. Vol. 44. № 1. Winter 2000. P.127-130.

² The Military Balance 1998/99/ IISS, Oxford University Press. 1998. P.15-16, 18.

³ Andrew P.N.Erdman The U.S. Presumption of Quick, Costless Wars. Orbis. Vol. 43. № 3, Summer 1999. P. 366.

⁴ U.S. General Accounting Office. Security Assistance. Foreign Military Sales Debt Refinancing. NSIAD-89-175. Wash.:GAO, August 1989. 23 p; U.S. General Accounting Office. Foreign Investment. Analyzing National Security Concerns. NSIAD-90-94. Wash.:GAO, March 1990. 28 p; U.S. General Accounting Office. Foreign Assistance. AID Can Improve Its Management of Overseas Contracting. NSIAD-91-31. Wash.: GAO, October 1990. 44 p; U.S. General Accounting Office. National Security: Perspectives on Worldwide Threats and Implications for U.S. Forces. NSDIAD-92-104, April 1992. 57 p; U.S. General Accounting Office. Foreign Aid. Overseas Private Investment Corporation's Management of Loans. NSIAD-88-161, May 1988. 27 p; U.S. General Accounting Office. Security Assistance. Update of Programa and Related Activities. NSIAD-89-78FS, De-

- ember 1988. 97 p; U.S.General Accounting Office. Department of Defense:Improving Management and Meet the Challenges of the 1990s. NSIAD-90-57. 42 p; U.S.General Accounting Office. International Terrorism. FBI Investigates Domestic Activities to Identify Terrorists. GGD-90-112, September 1990. 47 p.
- ⁵ The National Security Archive. Washington D.C. Special Collection of Presidential Directives on National Security from Truman to Clinton; National Security Archive. Washington D.C. Unpublished Documents. Federal Transcripts Collection; National Security Archive. Washington D.C. Document Subject Files Collection.
- ⁶ Weekly Compilation of Presidential Documents (WCPD), 1989–1992; American Foreign Policy. Current Documents (AFP), 1989–1992. Wash.:GPO, 1990–1993.
- ⁷ Joint Chiefs of Staff, Joint Warfare of the U.S.Armed Forces (Joint Pub 1). Wash.:NDU Press, November 11, 1991; Joint Chiefs of Staff, 1990 Joint Military Net Assessment. Wash.:GPO, 1990; Joint Chiefs of Staff, 1991 Joint Military Net Assessment. Wash.: GPO, 1991; Joint Chiefs of Staff, National Military Strategy of the United States. Wash.:GPO, January 1992. 26 p; Department of Defense Annual Report, Fiscal Year 1991, Wash.:GPO, 1990; Department of Defense Annual Report, Fiscal Year 1992, Wash.:GPO, 1991; Department of Defense Annual Report, Fiscal Year 1993, Wash.:GPO, 1992.
- ⁸ A Safe and Prosperous America. A U.S. Foreign and Defense Policy Blueprint. Ed. by Holmes K. Wash.: The Heritage Foundation, 1993. 83 p.; America's Peace Dividend. Income Tax Reductions from the New Strategic Realities. A Cato Institute White Paper. Was.:CATO Institute, August 7, 1990. 65 p.; Changing Our Ways: America and the New World / Carnegie Endowment National Commission on America and the New World. Wash.: Carnegie Endowment for International Peace, 1992. 90 p.; Discriminate Deterrence. Report of The Commission On Integrated Long-Term Strategy. Wash.: GPO, January 1988. 70 p.; National Science Board. Science and Engineering Indicators, 1991. Wash.: GPO, 1991. 344 p.; Reassessing U.S. Strategic Forces: An Interim Report. CSIS Congressional Study Group on Future Strategic Systems. Wash.:CSIS, November 1990. 18 p.; Strategic Assessment 1995. U.S. Security Challenges in Transition. Institute for national Strategic Studies. National Defense University, 1995. 206 p.; Strategic Assessment 1996. Instruments of U.S. Power. Institute for National Strategic Studies. National Defense University, 1996. 224 p.
- ⁹ Современные буржуазные теории международных отношений. Критический анализ / Отв. ред. В.И.Гантман. М.: Наука, 1976; Система, структура и процесс развития современных международных отношений / Отв. ред. В.И.Гантман. М.: Наука, 1984.
- ¹⁰ Хрусталева М.А. Системное моделирование международных отношений. М.: Международные отношения, 1987.
- ¹¹ Арбатов Г.А. Глобальная стратегия США в условиях НТР. М.: Мысль, 1976. 452 с.; Богданов Р.Г. США: военная машина и политика. М.: Наука, 1983; Гончаренко А.Н. Прогнозирование в системе "национальной безопасности": Дис. ... д-ра ист. наук. Киев: КГУ, 1988; Иноземцев Н.Н. Внешняя политика США в эпоху империализма. М.: Политиздат, 1960. 760 с.; Колобов О.А. и др. Процесс принятия внешнеполитических решений: исторический опыт США, Государства Израиль и стран Западной Европы. Н.Новгород: Изд-во ННГУ, 1992. 240 с.; Кокошин А.А. Прогно-

зирование и политика. Методология, организация и использование прогнозирования международных отношений во внешней политике США. М.: Международные отношения, 1975. 176 с.; Кокошин А.А. США в системе международных отношений 80-х годов: гегемонизм во внешней политике Вашингтона. М.: Международные отношения, 1984. 303 с.; Кокошин А.А., Рогов С.М. Серые кардиналы Белого дома. М., 1986. 356 с.; Мельников Ю.М. Внешнеполитические доктрины США. М.: Наука. 1970. 494 с.; Мильштейн В.М. Военно-промышленный комплекс и внешняя политика США. М.: Международные отношения, 1975. 239 с.; Овинников Р.С. Зигзаги внешней политики США. М.: Политиздат, 1986. 399 с.; Петров Д.Д. "Американизм": идеологический ракурс. М.: Мысль, 1980. 165 с.; Рогов С.М. Советский Союз и США: поиск баланса интересов. М.: Международные отношения, 1989. 343 с.; Сергунин А.А. США: Аппарат президента по связи с конгрессом и внешняя политика. Н.Новгород: Волго-Вят. кн. изд-во, 1990. 318 с.; Спасский Н.Н. Основные направления эволюции доктрины национальной безопасности США. Дис. ... д-ра п. наук. М.: Дип. академия, 1992.; Трофименко Г.А. США: политика, война, идеология. М.: Мысль, 1976. 358 с.; Уткин А.И. Стратегия глобальной экспансии: внешнеполитические доктрины США. М.: Международные отношения, 1986. 158 с.; Уткин А.И. Американская футурология международных отношений в XX веке. М.: Наука, 1990. 171 с.; Хозин Г.С. США: космос и политика. М.: Наука, 1987; Шейдина И.Л. Невоенные факторы силы во внешней политике США. М.: Наука, 1984. 351 с.

¹² Подлесный П.Т. Американские концепции развития отношений с СССР. М.: Наука, 1984; Попова Е.И. Внешняя политика США в американской политологии. М.: Наука, 1987; Катасонов Ю.В. США: военная политика и бюджет. М.: Наука, 1984.

¹³ Уткин А.И., Хвостов В.В. Дипломатия и оружие. М.: Наука, 1987; Субботин С.В. Документы Генерального счетного управления как источник изучения процесса формирования и осуществления внешне-экспортной политики США // Процесс формирования региональных направлений внешней политики великих держав в новое и новейшее время. Горький: Горьковский университет, 1987. С.80-86.

¹⁴ Хозин Г.С. США: космос и политика. М.: Наука, 1987.

¹⁵ Евстафьев Д.Г. Военная стратегия США в "постсоветский период" (по страницам американских официальных документов) // США ЭПИ. № 11, 1992. С. 39-47; Косолапов Н. Сила, насилие и безопасность: современная диалектика взаимосвязей // МЭМО. № 11, 1992. С. 1-7; Он же. Национальная безопасность в меняющемся мире: к дискуссии о содержании понятия // МЭМО № 10, 1992. С. 5-19; Москвин В. Национальная безопасность и военная реформа // МЭМО. № 4, 1992. С. 5-13; Спасский Н. Новое мышление по-американски // МЭМО. № 12, 1991. С. 5-24.

¹⁶ США на рубеже веков. М.: Наука, 2000.

¹⁷ Политическая система США: актуальные измерения. М.: Наука, 2000.

¹⁸ Согрин В.В. Политическая история США XVII-XX вв. М.: Издательство «Весь мир», 2001.

¹⁹ Сергунин А.А. США: аппарат президента по связи с конгрессом и внешняя политика. Н.Новгород: Волго-Вятское кн. изд-во, 1990; Колобов О.А., Корнилов А.А., Грачев С.И., Международный терроризм и политика США. Н.Новгород: ИСИ, ННГУ, 1999; Колобов О.А. Международные отношения: избранное. Н.Новгород: ННГУ, 1998; Макарычев А.С. Идеи для политики. Эволюция системы внешнеполитической экспертизы в США (середина 1940-х – начало 1990-х гг.). Н.Новгород:

- Изд-во ННГУ, 1998; Колобов О.А., Балуев Д.Г., Гаврилов В.А., Иванов О.П., Корнилов А.А., Макарычев А.С., Макарычева М.Г., Рыхтик М.И., Хохлышева О.О. Россия—США—НАТО: динамика современных взаимоотношений и возможности преодоления кризиса доверия. Москва-Новгород: ИСИ ННГУ, 2000.
- ²⁰ Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория становления международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945-1995), М.: Конверт — МОНФ, 1997.
- ²¹ Уткин А.И. Американская стратегия для XXI века. М.: Издательская корпорация «Логос», 2000.
- ²² Morgentau H. *Politics Among Nations: The Strugles for Power and Peace*. N.Y.: Knopf, 1948; Morgentau H. *The Impasse of American Foreign Policy*. Chicago: University of Chicago Press, 1962.
- ²³ Более подробно см. Pages E. "The Evolution of Deterrence Theory: A Review of the Literature" // *International Studies Notes*, Vol. 16. № 2 Spring 1991. P. 60-65.
- ²⁴ Wolfers A. *Discord and Collaboration*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1962; Bock P. and Berkowitz M. "The Emerging Field of National Security" // *World Politics*, Vol. 19, N. 1 October 1966. P. 122-136; H.Bull. "Strategic Studies and Its Critics" // *World Politics*, Vol. 20, № 4 July 1968. P. 593-605.
- ²⁵ Allison G. *Essence of Decision: Explaining the Cuban Missile Crisis*. Boston: Little, Brown Co., 1971; Halperin M. *Bureaucratic Politics and Foreign Policy*. Was.: Brookings, 1974; Steinbruner J. *The Cybernetic Theory of Decision*. Princeto: Princeton University Press, 1972.
- ²⁶ Waltz K. *Theory of International Politics*. Reading, Mass.: Addison-wesley, 1979; Gilpin R. *War and Change in World Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1981; Van Evera S. "The Cult of the Offensive and the Origins of the First World War" // *International security*, Vol. 9, N. 1 Summer 1984. P. 58-107; Ullman R. "Redefining Security" // *International Security*, Vol. 8, N. 1 Summer 1983. P. 129-153.
- ²⁷ Moran T. "The Globalization of America's Defense Industries: Managing the Threat of Foreign Dependence" // *International Security*, Vol. 15, N.15 Summer 1990. P. 57-99; Cohen R. and Wilson A. *Superpowers in Economic Decline: U.S. Strategy for the Transcentury Era*. N.Y.: Crane Russak, 1990.
- ²⁸ Brown N. "Climate, Ecology and International Security" // *Survival*, Vol. 31, № 6 November/December 1989.
- ²⁹ Eberstadt N. "Population Change and National Security" // *Freign Affairs*, Vol. 70, N. 3 Summer 1991. P. 115-131; Sarkesian S. "The Demographic Component of Strategy" // *Survival*, Vol. 31, № 6. November/December 1989. P. 549-564.
- ³⁰ Buzan, *Strategic Studies: Military Technology & International Relations*, Macmillan, International Institute for Strategic Studies, 1987.
- ³¹ M.Lynn-Jones and S.Miller, *America's Strategy in a Changing World*, Cambridge, 1993.
- ³² C.Kupchan *After Pax Americana. Bening Power, Regional Integration, and the Sources of a Stable Multipolarity* // *International Security*, Fall 1998, p.41.
- ³³ Ch. Maynes "Principled" Hegemony // *World Policy Journal*. Su7mmer 1997; S.Huntington, *America's Changing Strategic Interests* // *Survival*, January-February 1991.
- ³⁴ PONARS Policy Memo, Program on New Approaches to Russian Security, Davie's Center, Harvard University, 1999.

ГЛАВА 1

ВЛИЯНИЕ ИДЕОЛОГИИ НА ВНЕШНЮЮ ПОЛИТИКУ США

Специфика современных дебатов между консерваторами и либералами в США заключается в отсутствии между ними реальных серьезных противоречий по экономическим вопросам. Однако они проходят на фоне актуализации споров по моральным и социальным проблемам. На смену традиционным подходам к анализу внешнеполитических проблем, пришли исследования, авторы которых стараются уйти от однозначных трактовок и разрабатывают «многоуровневые» подходы для объяснения международных процессов. За последние годы многие аналитики стали уделять больше внимания психологическим, культурным аспектам, гендерным, экологическим проблемам. Более того, политики подхватили эти идеи, пытаясь заменить традиционную лексику холодной войны, привлекая общественность к решению актуальных проблем современного мира, что внушило некоторым аналитикам мысль о кардинально меняющейся парадигме международных отношений. Пожалуй, 1990-е годы стали лучшим временем во взаимоотношениях между наукой и политикой. Особенно это характерно для США, где противоречия по экономическим проблемам сгладились, некоторые исследователи говорят даже о достигнутом консенсусе, а разногласия по поводу ценностей, вопросам морали и культуры, напротив, углубились¹.

Идеология американской внешней политики. Можно считать пророческими слова Георгия Арбатова, произнесенные им в 1987 г. Тогда он предупредил Вашингтон о наступающих трудных временах, ибо «мы вскоре можем лишиться вас столь привычного для Америки образа врага»². Холодная война способствовала формированию американской теории внешней политики и развитию теории международных отношений вообще. Этот период истории международных отношений привел к возвеличиванию роли идеологии в американской внешней политике. Однако некоторые исследователи, среди которых Т.Бэйли, А.Шлезингер, находили в американской внешней политике все, кроме идеологии: «Идеология просто не соответствует характеру прагматичной Америки»³, «У внешней политики США есть цели, но нет идеологии»⁴.

С конца 70-х годов в американской историографии отмечается тенденция более здравого изучения влияния идеологии на поведение государств.

Многие обратились к философско-теоретическим аспектам вопроса. По мнению достаточно авторитетного исследователя этой проблемы У. Карлс-нса, невозможно измерить удельный вес влияния идеологических императив на внешнюю политику государств⁵. В современной политической науке нет четких доказательств существования прямой связи идей/идеологий на поведение индивидов и социальных групп. Таким образом, логически вытекает вопрос о возможности существования идеологизированной внешней политики государства.

К сожалению, многие наши исследователи, комментируя внешнеполитические инициативы США, не утруждаются разделять внешнеполитическую риторику, которая действительно наполнена идеологическими штампами, и внешнюю политику, сферу реальных и практических действий государства. Однако мы так же должны согласиться с утверждением, что внешняя политика не может быть свободна от идеологии. Задача эксперта - определить, какая именно идеология и на каком этапе осуществления внешней политики оказывала и будет оказывать влияние на поведение США.

Разрекламированное окончание холодной войны привело некоторых американских политиков к выводу о завершении противостояния двух идеологий. В этой борьбе победу одержали американские ценности и идеалы. Подобное утверждение очень близко к тезису об исключительности Америки, который не очень любят большинство американских историков и политологов. Более того, с углублением тенденций глобализации и распространением демократических принципов «американская исключительность растворяется», что нивелирует традиционный аргумент сторонников культурного консерватизма.

Принято считать, что в основе дискуссий по вопросам внешней политики, так или иначе, лежит противостояние между либеральной и консервативной парадигмой. Существует несколько классификаций групп идей, концепций и направлений внешнеполитической мысли США⁶, которые характеризуют современный политический спектр Соединенных Штатов. С победой У.Клинтонна можно ассоциировать реанимацию идеализма в США. Однако, по мнению Р.Холбрука, традиционное противостояние между идеалистами и реалистами ушло в прошлое. «На протяжении долгого времени наши стратегические интересы и проблемы прав человека совпадали и дополняли друг друга. Короче говоря, американская внешняя политика должна объединять идеи Теодора Рузвельта и Вудро Вильсона»⁷. Такую же оценку внешней политике США в период администрации У.Клинтонна дает российский исследователь А.С.Макарычев⁸.

* * *

Либералы во внешней политике США уже более 200 лет вынуждены маневрировать между «выборочным вовлечением» и вмешательством в меж-

дународные процессы. Либеральные «невовлеченцы», выросшие на идеях американской исключительности и особой миссии США, дали толчок развитию интернационалистским идеям, завоевавшим американскую внешнюю политику после 1945 г. Тогда был удачно использован опыт Т.Рузвельта, который для того, что бы подчеркнуть дистанцию от принципов «ограниченного вовлечения», назвал сторонников этих идей — изоляционистами. Либеральную составляющую внешней политики США выразил М.Кокс. Она заключается в «создании при доминирующей роли США таких условий, в которых будут процветать принципы демократического капитализма»⁹. В 90-е гг. вновь был поднят вопрос о наиболее эффективных путях достижения такого мира.

В качестве традиционных оппонентов либеральной идеологии в США выделяются альтернативы — от реализма до консерватизма и изоляционизма.

Реализм, в основе которого абсолютизация роли силы и особое отношение к такой категории, как национальный интерес, нужно рассматривать не как альтернативное течение, а скорее как закономерное развитие оногo в условиях холодной войны¹⁰. Г.Киссинджер, которого трудно назвать либералом, пришел к выводу, что эффективность силы в международных отношениях повышается с ее легитимизацией и гармонизацией с американскими либеральными ценностями¹¹. Неореалисты, пришедшие на подмогу традиционным реалистам, приняли некоторые доводы либералов, признав множественность переменных величин, определяющих будущую структуру международных отношений, где возможно формирование «смешанной системы».

Консервативное направление в США отождествляется с национализмом, враждебностью «международному коллективизму» и программам экономической помощи другим странам. Консерваторы также являются сторонниками адекватно-высоких расходов на оборону. Консерватизм, со своим обоготворением индивидуализма и скептическим отношением к роли международных институтов, может рассматриваться в качестве альтернативы либерализму¹². Выразителями консервативных идей в 90-х гг. стали республиканцы, занявшие жесткую позицию по ключевым пунктам внешнеполитической стратегии администрации У.Клинтонна.

Последнее десятилетие было достаточно непредсказуемым периодом в партийно-политической жизни США. Неожиданное поражение республиканцев в 1992 г. сменилось разгромом на парламентских выборах 1994 г. демократов, которые восстановили свои позиции в 1996 г. Идеи, предложенные Н.Гингричем и его соратниками в «Контракте с Америкой» были настолько радикальны, что напугали «старых» рейгановских республиканцев¹³. За передовой фразеологией «Контракта» просматривались социалдарвинистские идеи радикального консерватизма, трактующего социально-ориентированное государство как непозволительный балласт, сковывающий Америку в критический период глобальной экономической конкуренции.

Внешнеполитической тематике отводилось мало внимания в этом манифесте консерватизма. Однако республиканцам пришлось включиться в дискуссию по международным проблемам.

Современные споры по внешнеполитическим проблемам в США — это не противостояние изоляционистов и интервенционистов. Это, скорее, поиск наиболее приемлемых критериев для американского активного участия в решении международных проблем. Пожалуй, можно согласиться с мнением Дж.Дамбрела, считающего, что употребление термина «изоляция» стало лишь элементом обвинительной риторики между теми, кто спорит по внешнеполитической тематике. Знаменитый «Контракт с Америкой» республиканской партии, скорее, можно охарактеризовать как минималистский, а не изоляционистский, ибо в его основе — приоритет национального над интернациональным и приоритет односторонних действий на международной арене над участием США в многосторонних операциях в составе коалиций или под эгидой какой-нибудь организации.

В конце XX века можно было наблюдать некоторую растерянность среди консерваторов, которые, удачно справившись с кризисом 70-х гг., сумели завоевать ведущие позиции при формировании внешней политики США в 80-е гг. Однако, как отметил Г.Киссинджер, многие консерваторы не смогли понять сути структурных изменений, произошедших в мире и потерялись на политическом небосклоне¹⁴. Справедливости ради следует заметить, что сторонники «вильсонизма», активно выступавшие в защиту моральных критериев поддержания мирового порядка, вышли за рамки реальности. Их особое отношение к борьбе «добра и зла» давало ложные ориентиры для внешнеполитической стратегии. История доказала, что внешняя политика — это сложный эволюционный процесс, где один этап логически вытекает из предыдущего. В середине 90-х гг. маятник качнулся, и мы стали свидетелями очередной активизации дебатов на консервативном поле¹⁵. Возникла необходимость подготовить новую теоретическую базу для республиканской партии, готовившейся занять Белый дом.

Основные вопросы, где проявилось противостояние республиканской и демократической партии по международным проблемам: степень вовлеченности США в международные дела, роль военной силы и условия применения американских вооруженных сил для разрешения региональных конфликтов, роль международных институтов и расширение НАТО, структура оборонных расходов и ПРО, зарубежная экономическая помощь. Среди региональных направлений основные расхождения проявились в вопросах американской политики в отношении России и Китая. По всем этим вопросам республиканцы и демократы предлагали альтернативные варианты.

Несмотря на это, следует учитывать тот факт, что стремление каждой партии вовлечь в свои ряды большее количество сторонников, требовало расширения консенсуса в платформах как демократов, так и республикан-

цев. Эту тенденцию последних десятилетий отмечают большинство отечественных, так и зарубежных исследователей¹⁶. Именно это обстоятельство объясняет поражение на выборах тех политиков, которые придерживались крайних идеологических принципов. Однако это не означало, что крайние идеи не находили в США своих сторонников. Последнее десятилетие XX века вывело на политическую сцену новых «радикальных» лидеров как левого, так и правого толка.

В 1992 г. неожиданно популярным стал лозунг «Вначале Америка» (America First), который поднял участник президентской кампании П. Бьюкенен. Эту идею один из лидеров консервативного крыла республиканской партии впервые озвучил в своей статье в 1990 г.¹⁷ Он предлагал определить в качестве приоритета политики будущего президента — решение внутренних проблем Америки, ограничивая международную деятельность США, пока не будут прямо затронуты жизненно важные интересы страны. П. Бьюкенен предложил вывести американские войска из Европы и Восточной Азии, а безопасность Израиля и нефтедобывающих стран Ближнего Востока вывести за рамки жизненно важных интересов США. Американская дипломатия, по его мнению, должна убедить союзников в Западной Европе и Японии взять на себя большую часть забот по обеспечению региональной безопасности. По сути, главным внешнеполитическим инструментом изоляционистов будет дипломатия, а использование военной силы в международных отношениях должно быть ограничено. Представленные выше идеи олицетворяли новое издание изоляционизма, который имел сторонников как среди консерваторов, так и либералов. Хотя изоляционизм традиционно ассоциировался с консерватизмом¹⁸, однако, как показали результаты исследования М.Нунана, это утверждение не соответствует действительности¹⁹.

Сторонники изоляционизма в США — это в основном поклонники реализма. Тем не менее идеи изоляционизма характерны и для идеалистов, которые были противниками глубокой вовлеченности в международные дела по моральным причинам. Новые изоляционисты не хотели занимать отстраненную позицию в международных делах опять же по моральным причинам. Они вынуждены были взять на вооружение идеи реализма. Чтобы быть изоляционистом, ты должен придерживаться традиционного реалистского представления о роли силы в международных отношениях, ибо для чистоты теории они нуждаются в замене исчезнувшей советской угрозы. Эту роль могут выполнять либо «государства-парии», либо тоталитарная Россия, либо какие-то асимметричные угрозы. Однако лучше всего на эту роль подходил терроризм, который в американской шкале угроз национальной безопасности стал занимать более важное место. Все эти идеи были разработаны в период правления республиканской администрации Дж.Буша-старшего, сумевшей подготовить теоретическую базу для внешней политики уже демократической администрации.

Ответ изоляционистов прост, поскольку с распадом Советского Союза больше нет силы, способной угрожать территориальной целостности и суверенитету США, то, значит, ее нет вообще, а, следовательно, нужно говорить об изменении финансовых потоков, направляемых в военный и гражданский сектора экономики, в пользу последнего.

Однако наибольшую популярность приобрели не столь радикальные идеи, которые Р.Хаас назвал минималистскими²⁰. Представители этого лагеря очень скептически смотрели на возможность появления какой-либо силы в Евразии, способной стать гегемоном, захватив для этого необходимое количество богатства и ресурсов. Минималисты очень активно использовали достижения школы геополитики, которая большое внимание уделяла географическим факторам. Океаны, отделяющие США от Евразии, существенно усложняют задачу любому гипотетическому противнику. Их аргументы традиционны и замыкаются на констатации серьезных преимуществ США над другими странами. Экономика США составляет примерно четверть валового мирового продукта. Это самая богатая страна в мире, имеющая относительную независимость в ресурсах, по сравнению с другими крупнейшими державами. Все их аргументы приводят к одному выводу – США сегодня одна из самых безопасных стран.

Однако в теории минималистов есть одно слабое место – это ядерная атака, решение о которой принято иррациональным актором. Не существует четких стопроцентных доказательств рационального политического поведения человека. Даже при наличии у США мощных сил ядерного возмездия, они не вправе исключить иррационально принятого лидером какой-либо страны нанести ядерный удар по территории Америки. Проблема иррациональности в процессе принятия внешнеполитических решений сегодня достаточно широко обсуждается, а оккупация Ираком Кувейта в 1991 г. дала новый толчок для развития дискуссии. Именно минималисты были одними из первых сторонников выхода из существующего режима ПРО. Они предлагают делать упор на собственные силы, а, следовательно, необходимости проводить такую политику, которая свела бы к минимуму угрозу несанкционированного и иррационального запуска ракет, нацеленных на американские города. Для этого предлагалось поддерживать основные компоненты сил ядерного сдерживания, оказывая финансовую помощь разведывательному сообществу, которое должно работать на обеспечение ядерной безопасности США. Причем упор делался на человеческий фактор, которым последнее десятилетие несправедливо пренебрегали в угоду развития электронных, информационных и иных технических средств ведения разведки.

Другой постулат минималистов – стой в стороне от конфликтов, которые прямо не затрагивают национальные интересы, ибо некоторые силы специально будут втягивать в то или иное противостояние, чтобы спровоцировать ответный удар непосредственно по территории США. Таким образом, Со-

единенные Штаты не должны глубоко втягиваться в международные дела и тогда у террористов не будет повода для активизации своей деятельности. Главный тезис – не провоцируй.

Они также проявляют осторожность в отношении идеи американского лидерства. Если оно сулит какие-нибудь дивиденды, соразмерные с издержками, значит оно приемлемо. Если же лидерство приводит к потерям (людским, финансовым, территориальным и т.д.) – оно неприемлемо и не нужно. Таким образом, перед союзниками США встает вопрос о выборе средств защиты своих интересов и безопасности, если в Вашингтоне начнут просчитывать различные варианты. Такая перспектива навряд ли устроит страны, которые претендуют на создание системы коллективной безопасности. ЕС уже заявил о поиске «своей оборонной идентичности», отличной от НАТО.

Любопытно, что активными сторонниками минималистских идей в 90-е гг. стали члены известного Совета по внешней политике и многие средства массовой информации. В период обсуждения проблемы расширения НАТО, некоторые члены этой влиятельной организации опасались, что расширение зоны ответственности на Восток оскорбит и унизит Россию, заставив ее принять адекватные меры по обеспечению собственной безопасности. Однако администрация У.Клинтон взяла на вооружение тезис конструктивистов, активно защищая идею расширения Североатлантического союза, — и победила.

Надо заметить, что стремление американцев сократить свое присутствие за рубежом вызвало серьезные опасения у некоторых их союзников. В первую очередь озабоченность высказали страны Тихоокеанского региона. Руководитель Центра стратегических и оборонных исследований Австралийского национального университета в Канберре сказал, что «друзья США в регионе видят неуклонное сокращение влияния Соединенных Штатов в регионе, склоняясь к изоляционизму». «Одновременно, — продолжает австралийский исследователь, — все страны региона, за исключением Китая и Северной Кореи, считают США единственным гарантом поддержания стратегического равновесия на Тихом океане»²¹. Оказалось, что чисто внутреннее решение, а повышенное внимание Белого дома к идеям минималистов — это результат влияния внутривнутриполитических факторов, привело к серьезным военно-стратегическим изменениям на региональном и глобальном уровнях. Сокращение американского присутствия автоматически приводит к повышению роли Китая в регионе, что нарушает сложившийся баланс и соответственно может вызвать неожиданные решения других государств региона (Японии, Южной Кореи, Тайваня, Австралии и др.).

Особую роль в развитии американской внешнеполитической мысли играет идеализм. Его чаще всего ассоциируют с именем президента В.Вильсона, который обозначил знаменитые 14 принципов, на основе которых предлагалось обустроить мир после Первой мировой войны. По мнению

Т.Смита, наилучшее подтверждение вильсоновских идей – это интеграция Западной Германии и Японии в сообщество демократических, рыночных государств²². Внешнеполитическая доктрина Дж.Картера так же часто ассоциируется с идеализмом, когда речь идет об особой позиции администрации по вопросу о правах человека. Появившаяся после окончания холодной войны доктрина «демократического мира» так же носит элементы традиционного идеализма. Однако, по мнению, Дж.Дамбрелла, вильсоновские идеи в их традиционном прочтении потерпели поражение в США, когда администрация Дж.Буша отказалась принять Программу Маршалла-2 для оказания экономической помощи странам бывшего социалистического лагеря, и в первую очередь России, чтобы ввести их в глобальное сообщество государств с рыночной экономикой²³.

Во внешнеполитической стратегии президентов В.Вильсона, Ф.Д.Рузвельта, Дж.Кеннеди, Дж.Картера можно отыскать элементы миссионерства. Стремление «исцелять» грехи Старого Света, нести бремя просвещения остального мира как раз и характеризует идеалистов, которых В.А.Кременюк относит к «глобалистам»²⁴. Заметим, что эта деятельность, которая часто сопровождалась финансово-материальной помощью другим странам, всегда вызывала недовольство консерваторов в самих США. Тем более, это порой приводило к трениям между Вашингтоном и странами, насильственно ошастливленными таким вниманием. Мессианиззм, как показывает история, очень часто может доходить до насилия, и тогда навязывание своих рецептов спасения «нецивилизованных обществ» приводит к кровопролитным конфликтам: Сомали, Гаити, Югославия, страны Латинской Америки, Ирак. Американское общество больше не может мириться с человеческими жертвами, ради достижения непонятных внешнеполитических целей.

Однако и среди современных американских политиков есть те, кто, по крайней мере, на словах, сохраняют верность идеям Вильсона, акцентируя внимание общественности на таких вопросах, как права человека, идеалы свободы, гуманитарные аспекты. Это стало характерной особенностью внешнеполитической риторики представителей администрации У.Клинтон. М.Олбрайт, С.Тэлбот и сам президент часто прибегали к этим аргументам для оправдания участия США в многосторонних коалициях на основе принципа взаимозависимости. «Интернационалистам» пришлось серьезно поработать, убеждая американское общественное мнение в необходимости продолжения такого курса. М.Олбрайт вынуждена была предпринять уникальную для США поездку по стране, выступая в разных штатах с одной и той же речью. Она объясняла необходимость оказывать помощь другим странам. Ни один из госсекретарей до нее на это не решался. Попытка приблизить среднего американца к проблемам внешней политики увенчалась провалом. Поездка, по оценкам президента Института изучения внешней поли-

тики (Филадельфия) Х.Шихермана, имела нулевой эффект. Действительно, американцев, большинство из которых не имеют даже паспорта для совершения зарубежной поездки, проблемы далеких стран не особенно интересуют.

Мадлен Олбрайт и была выбрана Клинтонем с целью сделать внешнюю политику более открытой для американской общественности. На фоне «сонного» У.Кристофера она очень ярко комментировала важнейшие международные проблемы. Об ООН она сказала: «Бюрократия организации выросла до слоновых размеров». Обращаясь к гаитянской хунте, она выдвинула ультиматум – либо добровольный уход, либо им придется уйти все равно, но уже под внешним давлением. В отношении Китая госсекретарь предложила сохранить режим наибольшего благоприятствования, но зато выступила против развития торговли с Кубой²⁵. Бывший глава аппарата Белого дома Леон Панета прямо указал причину выбора на пост главы государственного департамента М.Олбрайт. Администрация надеялась, что ее талант и коммуникативные способности помогут наладить отношения с конгрессом и популяризовать внешнеполитическую тематику вообще²⁶. Первое, что удалось М.Олбрайт – это добиться уважения одного из самых ярких противников Белого дома, влиятельного сенатора республиканца Джеси Хелмса. Ярый консерватор и противник внешней и оборонной политики У.Клинтон, он с большим вниманием относился к аргументам нового госсекретаря. Решить вторую задачу она смогла лишь частично, традиционный изоляционизм американцев преодолеть оказалось куда более сложной, чем предполагал Клинтон²⁷.

Особое внимание администрации Клинтон к проблеме распространения демократии свидетельствовало о возвращении к идеям Вильсона. Распространение демократических ценностей было записано в стратегии национальной безопасности США. Однако, так же как и в период Картера, когда Америка возродила худшие традиции политики сдерживания, администрация Клинтон очень легко расставалась с либеральными ценностями, принимая вполне прагматичное решение о предоставлении Китаю статуса наибольшего благоприятствования в торговле, несмотря на обнародованные факты нарушения прав человека в этой стране. Эта же администрация возродила торговлю оружием с зарубежными странами, выведя ее на уровень 60–70-х гг., когда в Белом доме находилась администрация Р.Никсона.

Защищая политику «распространения демократии» во всем мире, ее сторонники говорили о большей эффективности достижения национальных интересов подобным образом, поскольку она требовала меньших затрат. «Более демократичный мир будет более безопасным и процветающим»²⁸. Либеральные институционалисты, активно участвуя в дебатах о «воинственности демократических режимов», настаивали на проведении более активной внешней политики по формированию «благоприятного глобального ок-

ружения», возродив традиции администрации Картера по проблемам прав человека. Джесика Мэтьюс, в прошлом сотрудник аппарата СНБ в администрации Картера, призвала Вашингтон занять ведущую роль, координируя ответные действия международного сообщества на «возможные вызовы взаимозависимости». Она так же выступала за более широкое толкование понятие «безопасность»²⁹. По мнению бывшего посла Р.Гарднера, в начале 90-х гг. в США сложился двухпартийный консенсус по проблеме прав человека. Ведущие политики обеих партий заявили о том, что нарушение прав человека в каком либо государстве не должно рассматриваться как чисто внутренняя проблема³⁰. Об этом официально заявляли как консерваторы (Дж.Киркпатрик), так и либералы (Э.Лэйк, У.Кристофер).

Однако в период правления администрации Дж.Буша произошло еще одно неординарное событие. Впервые Вашингтон пошел на прямое использование вооруженных сил за рубежом по настоятельной просьбе представителей одного из штатов. Речь идет о штате Флорида, который подвергся «массированной атаке» со стороны гаитянских иммигрантов. Внутренние проблемы стали играть особую роль в процессе выработки внешнеполитических решений.

Моралисты одержали серьезную победу во время дебатов по расширению НАТО. Те немногочисленные представители неореалистического направления, которые резко критиковали администрацию за принятое решение (среди них наиболее резкую позицию занимал профессор Пенсильванского университета А.Рубинштейн), потерпели поражение в конгрессе. Они доказывали, что Польша не входит в зону стратегически важных интересов США, на которую должны распространяться гарантии безопасности.

Внешнеполитическая риторика очень часто заслоняет истинное содержание инициатив американских президентов. На уровне планирования и формулирования целей и задач внешней политики мы можем отметить достаточно высокую степень влияния идеологии. В 1980—90-е годы в академической сфере США большой популярностью пользовались различные пост-позитивистские школы, однако рекомендации представителей этого направления не могли стать основой для принятия конкретных внешнеполитических решений. В области практической политики традиционные идеи не-олиберализма (транснациональный институционализм как одна из разновидностей) и неореализм господствовали в умах политиков.

США и окружающий мир. В середине 1990-х годов особое внимание приобрели вопросы, прямо или косвенно связанные с формированием новой национальной стратегии США. Надо отметить, что этот процесс активно начался еще в администрации Дж.Буша-старшего, однако, придя к власти, в том числе и на волне критики оборонной программы республиканцев, демократы вынуждены были начать новый этап с обсуждения важнейших теоретических проблем национальной и международной безопасности³¹.

Инициаторами дискуссии в академической среде можно считать исследователей, принадлежавших к неолиберальной традиции в международных отношениях. Рост влияния их идей происходил параллельно с их приходом во власть. Это было абсолютно новое время в международных отношениях. Распад СССР уже произошел и, как следствие, ушло в прошлое открытое военное противостояние двух систем. Биполярная структура была разрушена. Впереди неопределенность.

Либералы, с подачи гарвардских профессоров Джо Ная и Роберта Коухейна, начинают рассматривать систему международных отношений через призму взаимозависимости³². Вследствие увеличивающейся взаимозависимости, военная сила теряет эффективность как средства достижения внешнеполитических целей государства. Одновременно с этим либералы не отрицают важности такого понятия, как «безопасность» для государства, ибо каждое из них борется за свое выживание. Государства стремятся к «абсолютным приобретениям» в условиях экономической взаимозависимости в разных областях (однако в реальности существуют области, где основным стимулом поведения государств является «относительная выгода»). В этих условиях они идут на создание международных институтов для «управления взаимозависимостью и повышения эффективности международной кооперации». Так общество и политики получили новую парадигму и были втянуты в дискуссию о меняющейся роли международных институтов, сфера эффективности которых тем не менее носит ограниченный характер.

Следует отметить, что эти вопросы разрабатывали не только представители либеральной школы. О роли военной силы и значении альянсов много писали реалисты (количество которых, по мнению некоторых исследователей, в США в настоящее время не велико). Им сам бог велел разрабатывать эти сюжеты, ибо понятие силы — одно из ключевых во всей реалистической теории международных отношений³³. Государства, согласно реалистам, очень ревностно относятся к распределению силы в международной системе. Они беспокоятся об относительном выигрыше других государств и стараются по возможности защитить свои позиции в существующей структуре. Альянсы в такой ситуации создаются лишь по необходимости, с целью защиты своих позиций в структуре международной силы, когда они не в состоянии сделать это автономно.

Реалисты в начале 1990-х годов оказались в очень невыгодном положении. Их обвинили не только в неспособности предвидеть кардинального изменения системы международных отношений на рубеже 80—90-х годов, но они так же не были очень убедительны, отвечая на два важнейших вопроса в развернувшихся дебатах — о роли военной силы и о будущем альянсов и международных институтов. Это были не просто научные вопросы, они имели конкретное практическое воплощение, от решения которых зависело, например, содержание военного бюджета страны, а следовательно, и

оборонные заказы крупнейших компаний военно-промышленного комплекса США.

По традиции американский реализм часто используется сторонниками либерального интернационализма с их мессианскими идеями. Текст известного документа СНБ-68 проникнут жесткой реалистической лексикой, одновременно говорится о необходимости избавиться от «злого человека» в Москве. Похожие явления наблюдаются и в большинстве важнейших документах администрации Клинтона, которая, исповедуя, по сути, либеральные идеи, очень часто прибегала к использованию базовых принципов реалистической теории.

Реалистов очень серьезно критиковали за сужение темы в изучении проблем безопасности. В начале 1990-х гг. специалисты, занимавшиеся этими вопросами, не смогли адекватно ответить на новые вызовы безопасности, по традиции концентрируясь на военной составляющей.

Либеральные институционалисты удачно вписались в ситуацию, сложившуюся в официальном Вашингтоне. Реалисты, со своими концепциями «равновесия сил»³⁴ или «равновесия угроз» не могли дать убедительного объяснения происходящим процессам. Согласно теории реалистов, НАТО должно было бы распастись в условиях отсутствия угрозы, что было озвучено и на слушаниях в сенате в 1990 г.³⁵ Понятно, что такое объяснение не могло удовлетворить политиков и военных.

Однако и либералы, строго говоря, не могли объяснить некоторые важнейшие события в международных отношениях 90-х годов. Например, расширение НАТО и выбор именно Чехии, Венгрии и Польши в качестве первых кандидатов для членства в альянсе. Согласно анализу Франка Шиммельфеннига, именно конструктивисты лучше других справились с этой задачей.

Конструктивизм рассматривает расширение международных институтов как процесс «международной социализации»³⁶, под которым понимается «распространение международных ценностей и идеалов на внутреннюю политику и процесс принятия решений». На институциональном уровне успешная социализация означает интеграцию норм и ценностей сообщества в конституцию и внутренние законы, а на когнитивном уровне – прямое влияние означенных ценностей на внутреннюю политику государств. Конструктивисты считают, что НАТО – это специализированная организация, своего рода «военная ветвь» Евро-Атлантического и Западного сообщества, где господствуют либерально-демократические ценности и нормы. Отрицая «эгоцентризм» сторонников рационалистского подхода, конструктивисты, тем не менее удачно подхватывают главные их тезисы и, с точки зрения чистоты теории, выигрывают интеллектуальный спор у представителей «традиционных» школ американской политологии.

В дальнейшем политики, сознательно или нет, использовали тезисы конструктивистской концепции не только для оправдания расширения НАТО, но и для обоснования новой стратегической концепции НАТО. В начале

1999 года внутри альянса развернулась широкая дискуссия вокруг содержания новой концепции, которая должна была заменить документ, одобренный только в 1991 г. Важнейшие нововведения, которые проталкивали США и Великобритания: объявление одной из функций альянса «кризисное реагирование», другой — расширение «зоны ответственности».

Надо заметить, что российские эксперты не смогли противопоставить такой аргументации достойных контрдоводов. Нам нужно было «бить в теорию», которая легла в основу официальной риторики как Вашингтона, так и Брюсселя. Мы же использовали логику реалистической школы, которая потеряла в настоящее время авторитет среди американских ученых и политиков. Отчасти это стало следствием неразвитости теории международных отношений в России, где, в отличие от Запада, эти вопросы только сейчас начинают обсуждаться на теоретическом уровне.

В начале 1999 администрация У.Клинтона официально выдвинула идею расширенного толкования роли альянса в Европе и мире. Вашингтон предложил официально признать «кризисное реагирование» одной из важнейших функций НАТО, упорно убеждая своих союзников заменить принцип защиты «общей территории» принципом защиты «общих интересов». Таким образом, был взят курс на «глобализацию» НАТО. В сочетании с поддержанной многими европейскими союзниками идеей расширения «зоны ответственности», в альянсе сложился относительный консенсус по вопросу о принятии новой стратегической концепции, которая вызвала вполне обоснованные опасения в России. НАТО превращается в инструмент защиты и продвижения «общих ценностей, принципов и интересов». Те, кто не разделяют этих принципов, не могут быть приняты в альянс, а тех, кто их нарушает в «новой зоне ответственности», могут ожидать карательные акции.

Конструктивисты видят в основе структуры и целей деятельности международных организаций не просто желание эффективного решения проблем, а отражение «целей, норм, правил и принципов, господствующих в обществе и определяющих поведение этих институтов». Во внешней среде, международные институты, по мнению конструктивистов, будут стремиться «к борьбе с конкурирующими ценностями и идеалами», стараясь расширить сообщество, которое они представляют.

Возвращаясь к временно затихшей дискуссии по вопросу о расширении НАТО, мы ставили перед собой цель понять логику аргументации ведущих научных школ, оправдывающих эту политику. Что, с точки зрения либералов, конструктивистов и реалистов, альянс дает свои членам и тем, кто может быть в него принят?

Действительно, новые члены НАТО «не добавили безопасности» старым членам НАТО, ибо не могут предложить что-либо, что последние не имеют. Вновь принятые страны также не испытывали прямой военной угрозы со стороны какой-либо превосходящей державы в регионе, ибо ни одно из них

не имело в тот момент наступательной оборонной доктрины. Если подразумевать Россию в качестве угрозы, то две из вновь принятых стран не имеют даже общей с ней границы. Да и с военной точки зрения граница между Калининградской областью и Польшей очень уязвима для какой-либо военной операции со стороны Российской Федерации. Трудно ожидать, что Россия сможет организовать эффективную военную операцию против Польши с этой территории.

Существует также теория о превышении так называемых «разумных количественных пределов», за которым следует развал организации. Крепость военных союзов, как показывает история, имеет определенную зависимость от некоторых количественных показателей. Таким образом, сама организация страдает от бесконтрольного расширения, приводя ее в конечном итоге к распаду. Именно такое понимание сущности современных процессов в международных институтах лежит в основе недавно высказанной идеи о принятии России в НАТО, что приведет к развалу последней. Автор этой идеи – известный американский исследователь России Майкл МакФол выбрал столь неординарный для ученого способ эпатажа, чтобы привлечь внимание общественности к охлаждению американско-российских отношений в последнее время.

Итак, подводя некоторый итог, можно сказать, что ушедшая администрация У.Клинтонна придерживалась неолиберальных принципов. Широко трактуя национальные интересы США, демократы включили в категорию «жизненно-важных интересов» такие регионы, как Каспий, Средняя Азия, Балканы. Это, в свою очередь, заставило политиков активно вмешиваться в дела, происходившие в этих отдаленных от территории США регионах.

Либеральные институционалисты считали, что Соединенным Штатам не следует действовать в одиночку на международной арене. Вовлечение в решение международных проблем существующих институтов и организаций, по мнению теоретиков этой школы, укрепляет режимы многосторонней безопасности и повышает авторитет международного права. Однако на практике Вашингтон использовал эти организации лишь для легитимизации своих действий. Наиболее яркие примеры – гуманитарная интервенция в Косово³⁷, военные операции на Гаити.

В конце правления администрации У.Клинтонна, неолиберальная парадигма начала терять свою популярность. С приходом к власти республиканской администрации Дж.Буша-младшего в американской внешней политике появятся новые «старые» принципы. Республиканцы готовились к смене власти в Белом доме.

Примечания

- ¹ См. подробнее: Культурный консерватизм в США / Перм. ун-т., Пермь, 1995.
- ² С.Кеглей и Е.Винкопф. World Politics: Trend and Transformation. N.Y., 1995. P.98.

- ³ A. Shlesinger, jun., The Cycles of American History. London, 1987. P.67.
- ⁴ T. Bailey, A Diplomatic History of the American People. N.Y., 1954 P.806-807.
- ⁵ Carlsnaes, W. Ideology and Foreign Policy. Problems of Comparative Conceptualization. Oxford: Basil Blackwell Publishers, 1987.
- ⁶ См. подробнее: Макарычев А.С. «Мозговые центры» и внешняя политика США в период первой администрации Клинтонна. Актуальные проблемы американистики. ИИНовгород: ИФ ННГУ, 1997. С. 100-115.
- ⁷ R. Holbrooke, To End a War, N.Y.: Random House, 1998. P. 367.
- ⁸ Макарычев А.С. Указ. соч. С. 112
- ⁹ M. Cox, US Foreign Policy after the Cold War: Superpower without a Mission? London, 1995. P.5.
- ¹⁰ T. Smith, America's Mission: The United States and the Worldwide Struggle for Democracy in the Twentieth Century. Princeton, 1994.
- ¹¹ H. Kissinger. The Diplomacy, N.Y., 1994.
- ¹² А.Макарычев выделяет три крупные группировки на «консервативном поле»: «консервативные реалисты», активистско-интернационалистское крыло, изоляционим. А.С.Макарычев. Указ. соч. С.103-104.
- ¹³ См. подробнее: Политическая система США: Актуальные измерения. М., 2000. С. 41-45.
- ¹⁴ H. Kissinger, Between the Old Left and the New Right. Foreign Affairs, May/June 1999., pp.99-118.
- ¹⁵ W. McDougall, Editor's Column, Orbis, Winter 1998, pp.2-8; H. Sichernan, Correspondence: On American Power, The Weekly Standard, February 16, 1998, G. Bauer, A Conservative View of American Foreign Policy, Institute of Politics Forum, John F. Kennedy School of Government, Harvard University, Cambridge, Mass., April 13, 1998.
- ¹⁶ Согрин В.В. Политическая история США XVII- XX вв. М.: Изд-во «Весь мир», 2001. С. 289.
- ¹⁷ Patrick Buchanan. America First - and Second. National Interests 19, Spring, 1990. P.77-82.
- ¹⁸ J. Dumbrell. The Making US Foreign Policy, N.Y., 1997. P.8.
- ¹⁹ M. Noonan. Conservative Opinions on U.S. Foreign Policy, Fall 1999. P.624.
- ²⁰ Выступление Р.Хааса на конференции ЦСМИ «Национальная стратегия США: столкновение взглядов». Вашингтон, ноябрь 1997 г.
- ²¹ International Herald Tribune, December 18, 1996.
- ²² T. Smith. Op.cit. P.62-66.
- ²³ J. Dumbrell, Op.cit., p. 10.
- ²⁴ США на рубеже веков. М., 2000. С.29.
- ²⁵ International Herald Tribune, December 9, 1996.
- ²⁶ Ibid
- ²⁷ Подробнее об этом смотри в ст. А.Эрдмана: Andrew P.N.Erdman. The U.S. Pre-emption of Quick, Costless Wars. Orbis. Summer 1999. P. 363 - 381.
- ²⁸ L. Diamond, «Promoting Democracy» in Wittkopf, ed., The Future of American Foreign Policy. N.Y., St Martin's, 1994. P. 106.
- ²⁹ J.T. Mathews, «Preserving the global environment», in Wittkopf, ed. The Future of American Foreign Policy. P. 110.
- ³⁰ US Foreign Policy After the Cold War. Cambridge, Mass., MIT Press, 1992. P.357.

³¹ Roles, Missions and Functions of the Armed Forces of the United States. Hearing before the Committee on Armed Services. House of the Representatives. 103 Congress, February 24, 1993. U.S. GPO, 1993; The Use of Force in the Post-Cold War Era. Committee on Armed Services. House of Representatives. 103 Congress. March 3, 4, 1993. U.S. GPO, 1993; Role of U.S. Armed Forces in the Post-Cold War World. Hearing before the Committee of Foreign Relations. U.S. Senate. 103 Congress. February 10, 1994. U.S. GPO, 1994.

³² Robert O. Keohane, Joseph S. Nye Jr., Power and Interdependence. World Politics in Transition. Boston: Little, Brown, 1977.

³³ Kenneth N. Waltz. Theory of International Politics. New York: Random House, 1979.

³⁴ См.: Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. М., 1997 (глава 2).

³⁵ Gunther Hellman, Reinhard Wolf. Neorealism, Neoliberal Institutionism and the Future of NATO. Security Studies 3.N1 (autumn 1993).

³⁶ Frank Schimmlfennig. NATO Enlargement: A Constructivism Explanation. Security Studies. Vol. 8, Number 2/3, Winter 1998/Spring 1999.

³⁷ См. подробнее: Косово: международные аспекты кризиса/ Под ред. Д.Тренина и Е.Степановой; Моск. Центр Карнеги. М.: Гендальф, 1999.

ГЛАВА 2

ПОИСК НОВЫХ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ОРИЕНТИРОВ

Формирование внешнеполитической стратегии происходит в конкретных внутренних и внешних условиях, влияющих в той или иной мере на сам процесс и, конечно же, на его содержание. Внешняя политика США в начале 1990-х годов в большей степени находилась под влиянием внешних факторов, но, начиная с 1994 года, внутренние факторы стали оказывать все большее влияние на формирование внешней политики.

В конце 1980-х годов эксперты попытались обратить внимание общест-венности на появившиеся новые угрозы и вызовы безопасности. На многочисленных международных встречах, конференциях и саммитах стали обсуждаться новые направления политики безопасности. Первая проблема, с которой столкнулись американские эксперты, – выбор новых ориентиров для европейской политики.

На исходе XX века все более очевидным становилось завершение периода существования евроцентричного мира. Со времен античности международные связи замыкались или концентрировались на Европу. Все, происходившее в Европе, благодаря ее экономической, военной и интеллектуальной мощи отражалось на остальном мире. В настоящее время мы являемся свидетелям проявления новой тенденции, когда события, например, в Азиатско-Тихоокеанском регионе воздействуют на события в Европе. Потенциал этого региона огромен, здесь проживает две трети населения планеты, он дает две трети мирового ВВП и более трети мирового торгового оборота. Не на Европу, а на АТР теперь приходятся наиболее высокие темпы прироста американской торговли (объем торгового оборота США с его странами превышает 400 млрд. долл.) и инвестиций. Однако, несмотря на это, Западная Европа сохраняет большое значение для США. Удельный вес Америки в мировой экономике начал медленно снижаться. Именно Европейский союз по этому показателю обогнал США. Но в период президентства Дж.Буш-старшего эти тенденции еще только становились «видимыми» для политиков. Внешнеполитическая инерция требовала первоначального решения именно европейских проблем, которые действительно были очень острыми. Распад социалистического лагеря и появление новых действующих лиц на европейской арене заставили Вашингтон взяться за разработку новой стра-

тегии для Европы. Необходимо было дать четкий ответ на вопросы о будущем НАТО, ОБСЕ и отреагировать на изменившуюся конфигурацию сил в регионе (объединение двух Германий нарушило равновесие, регулируемое Вашингтоном, между Францией, Великобританией и ФРГ).

После достаточно сложного для американских дипломатов Парижского саммита Конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе в ноябре 1990 г., в ноябре 1991 г. предстояла встреча глав государств стран НАТО в Риме. На ней предполагалось принять новую «стратегическую концепцию» и завершить процесс формирования «обновленного альянса», о чем была достигнута предварительная договоренность на Лондонской встрече в июле 1990 г. В декабре 1991 г. происходит знаменитая встреча в Маастрихте (Нидерланды), где принимается соглашение об экономическом и политическом союзе стран Западной Европы. Европейский совет преобразуется в Европейский союз.

В июле 1992 г. на саммите ОБСЕ достигается соглашение об участии этой организации в разрешении конфликтов, угрожающих безопасности Европы.

Темпы «строительства» новых институтов на европейском континенте поражали как академическое сообщество, так и политиков. В пылу развернувшихся дискуссий очень часто терялось понимание всей хрупкости и неустойчивости появляющейся структуры. Более того, в ходе дебатов между европейцами и американцами было потеряно, на наш взгляд, ощущение реальности. Мало кто понимал, зачем и для чего строились или модифицировались «старые институты периода холодной войны». Трудно не согласиться с одним из непосредственных участников выработки европейской политики США Робертом Хатчингсом. Оценивая этот период с точки зрения формирования новой системы безопасности в Европе он писал, что все участники тех дискуссий были скорее похожи на инженеров, обсуждавших проблемы организации производства, забыв, что международные отношения и дипломатия требуют кардинально иных механизмов решения проблем¹. Созданные в пылу эйфории институты и разработанные механизмы показали свою неэффективность как в предотвращении возникновения угроз безопасности в Европе, так и в создании долгосрочных, надежных доверительных отношений между Западом и Россией.

В середине февраля 1989 г. администрация Дж.Буша приступила к разработке своей национальной стратегии. С этой целью была сформирована специальная группа, состоявшая из экспертов двух министерств: государственного департамента и Пентагона. Однако основная нагрузка легла на внешнеполитическое ведомство. Тогда же в поездку по столицам западноевропейских союзников отправился государственный секретарь Дж.Бейкер с целью проведения консультаций по основным вопросам международной политики. Большинство из них, за исключением Великобритании, выказали

желание увидеть существенные изменения во внешней политике США, с учетом серьезных перемен происходивших как в странах Центральной и Восточной Европы, так и в Советском Союзе². Особую позицию заняли лидеры Франции и Германии. Они выступили за уступки со стороны альянса в вопросе о тактическом ядерном оружии³. Подобная ситуация, по оценке государственного секретаря, могла привести к расколу между союзниками, что потребовало обратить самое пристальное внимание на укрепление союзнических отношений⁴.

В мае, как раз перед встречей на высшем уровне стран членов НАТО, эксперты государственного департамента закончили внутриведомственное исследование и вышли с рекомендацией проведения политики, получившей название "status quo plus"⁵. По-прежнему признавалась необходимость сохранения status quo в Европе, что, по мнению экспертов, отвечало национальным интересам США в регионе. Тем не менее американские эксперты предложили обратить особое внимание на реформы, осуществлявшиеся Горбачевым в СССР, и по мере их продвижения, вносить коррективы в политику США⁶. Основные положения предложенной специалистами государственного департамента концепции были следующие: концентрация усилий США на региональных проблемах и интеграция Советского Союза в мировое сообщество западных демократий⁷. Концепция в дальнейшем стала называться — "за пределами сдерживания". Однако подготовленный документ не давал ответов на конкретные вопросы военных, что помогло бы наполнить четкими рекомендациями военную стратегию в рамках новой национальной стратегии США. «Мы подготовили много вариантов, но не дали четких советов по конкретным проблемам», — признал один из представителей внешнеполитического ведомства⁸.

Дж.Бейкер выделил две причины провала своего ведомства в подготовке нового стратегического анализа. Во-первых, костяк рабочей группы составили сотрудники предшествовавшей администрации, которые привнесли в новую администрацию не только опыт и профессионализм, но и старые идеи и традиции. Во-вторых, президент не учел силы бюрократической инерции. Чиновники по определению, считает Бейкер, не могут смириться с идеями, которые противоречили бы всему тому, что они делали на протяжении многих лет⁹.

Повторилась ситуация начала 1960-х годов, когда государственный департамент не смог выполнить поручение президента Дж.Кеннеди и подготовить эффективный ответ на Берлинский кризис 1961 г. Это, в свою очередь, способствовало концентрации всего процесса разработки новой национальной стратегии в Белом доме.

Вопреки рекомендациям специалистов внешнеполитического ведомства, весной в Хамтрэмке, штат Мичиган, президент Дж.Буш заявил о готовности

США «принять» изменения status quo на европейском континенте. "Соединенные Штаты никогда не признавали законность существования разделенной Европы. Мы не признаем сфер влияния, если это отрицает суверенное право на самоопределение. Холодная война началась в Восточной Европе, и закончиться она должна там же"¹⁰. Объявлялось также о готовности США оказать поддержку процессу политических и экономических реформ в странах Восточной Европы. Более того, выражалась уверенность, что подобные изменения выгодны и Советскому Союзу¹¹.

Другой проблемой, завладевшей вниманием Дж.Буша в первые месяцы его президентства, были переговоры по сокращению обычного вооружения в Европе. Сокращение советского военного присутствия стало необходимым условием для оказания американской помощи процессу либерализации, в первую очередь это относилось к Польше и Венгрии¹². Таким образом, появление "хамтрэмской концепции" можно считать началом пересмотра американской стратегии, получившей потом название «гранд стратегия институционализма»¹³.

В марте же 1989 г. проведенное сотрудниками министерства обороны исследование, основанное на секретных данных разведки, показало, что советские войска, расположенные в Восточной Европе отказались от поддержания режима постоянной боевой готовности¹⁴. Это значит, что армия стран Варшавского договора не готовилась первой начать боевые действия в Европе, более того, СССР сознательно шел на смягчение напряженности в регионе. Таким образом, уже в начале 1989 г. вышшие чины администрации знали, что у войск НАТО значительно увеличилось время предупреждения атаки на континенте. Советская армия в Восточной Европе отказалась от наступательной стратегии на европейском театре военных действий¹⁵. Однако, как свидетельствовал на слушаниях заместитель командующего американских сил в Европе Т.Ричардс, данное обстоятельство не должно было смущать политиков, занятых в то время пересмотром победоносной национальной стратегии¹⁶. Наличие более продолжительного стратегического предупреждения глобальной войны с центром в Европе позволило военным начать разработку программы реконституции вооруженных сил. Эта программа впоследствии заняла важное место в новой стратегии национальной безопасности США. Со второй половины 1989 г. в объединенном комитете начальников штабов наконец то вплотную стали изучать новые геополитические и финансовые тенденции, влиявшие на формирование национальной стратегии. Основные работы и исследования, раскрывавшие позиции высокопоставленных военных, были объединены под общим названием "Взгляд в 90-е годы". Потребности новой стратегии, говорилось в этом документе, будут зависеть либо от определения тех непредвиденных случайностей, характерных для "постхолодного" мира, либо от выявления сценариев использования армии в рамках планируемых сокращений оборонного бюджета¹⁷.

Среди них выделяли два сценария: 1) реставрация агрессивного характера советской внешней политики и 2) необходимость защищать жизненно важные интересы в разных регионах одновременно¹⁸. Распад Советского Союза потребовал внесения изменений в разрабатываемую стратегию. Было предложено пойти на сокращение стратегических вооружений и внесение корректив в программы модернизации и закупки вооружений. Однако материалы, подготовленные в Пентагоне, не получают широкой известности. Некоторая информация о проводимых исследованиях просочилась на страницы газет лишь в ноябре 1989 г., и поэтому все критические замечания прессы и оппозиционных политиков достались рекомендациям, подготовленным государственным департаментом.

В течение всего 1989 г. президента Буша обвиняли в неспособности предложить новую внешнеполитическую концепцию. На критику, звучавшую со всех сторон как в конгрессе¹⁹, так и в средствах массовой информации²⁰ Буш отвечал тем, что он сознательно не торопится, ибо примет лишь те идеи, которые имеют реальную основу и будут работать²¹.

В серии официальных выступлений весной 1989 в Техасе, Бостонском университете, Академии береговой гвардии, а также на пресс конференциях в Европе президент тем не менее обрисовал свое видение национальной стратегии США в условиях менявшегося мира. Суть нового подхода заключался в официальном признании уменьшения роли США в мире и возросшем влиянии новых центров силы – Западной Европы и Японии. Он предложил отойти от советско-американской конфронтации и попытаться интегрировать Советский Союз в сообщество демократических стран²². В Восточной Европе он признал ведущую роль западноевропейских государств по сравнению с Америкой, чьи интересы и обязательства в этом регионе не так глубоки. Именно тогда было заявлено о необходимости укрепления системы международной безопасности, первые очертания стала приобретать стратегия коллективной безопасности²³. В Европейском союзе президент США видел эффективный механизм, способный трансформировать политику и экономику стран Восточной Европы и привести к созданию "общего европейского дома"²⁴.

Анализируя тексты выступлений президента и других представителей администрации, можно сделать следующие выводы: во-первых, уже в первой половине 1989 г. в Вашингтоне официально признали появление нового экономического центра в Западной Европе, способного разделить с Соединенными Штатами бремя ответственности за безопасность в регионе. Во-вторых, выражалось понимание неизбежного сокращения прямого влияния США и признавалась возрастающая роль Германии и Франции. Именно в этот период были озвучены новые направления внешнеполитического курса США: активизация переговорного процесса по сокращению обычного воо-

ружения в Европе и программы предоставления помощи странам разваливающегося социалистического лагеря.

Однако, несмотря на это, до конца 1989 г. в администрации не появилось цельного видения новой национальной стратегии. Более того, в октябре 1989 г. администрация потерпела серьезную неудачу во внешнеполитической сфере, не сумев осуществить переворот на Панаме, что еще более подорвало авторитет действующей администрации.

Осенью же этого года в политических кругах США развернулась серьезная борьба по вопросам разработки новой внешнеполитической линии в отношении перемен, происшедших в Европе. Немалая часть экспертов, близких к республиканской партии, была обеспокоена тем, что в условиях ослабления советской угрозы, размывания идеологических барьеров в отношениях между Востоком и Западом, могут укрепиться позиции демократов, более чутких к экономическим, социальным, глобальным переменам в международных отношениях²⁵.

Со стороны демократов, в свою очередь, усиливались призывы к администрации Буша не ограничиваться в основном реакцией, пусть осторожной и разумной, на далеко идущие изменения, а предложить долгосрочную стратегию, нацеленную на поиски новых путей сохранения американских позиций в Европе, перестройку отношений с союзниками, налаживание сотрудничества с восточноевропейскими странами²⁶.

Новый импульс дебатам дала публикация 4 января 1990 г. газетой "Нью-Йорк Таймс" заключительной части статьи "Конечный кризис Советов" за подписью "Мистер X", помещенной в зимнем номере (за 1990 г.) журнала "Дедалус", являющегося органом Американской академии наук и искусств. Статья привлекла к себе внимание самим фактом появления на свет под псевдонимом, призванным, очевидно, послужить напоминанием о статье "Истоки советского поведения", опубликованной в 1947 г. в журнале "Foreign Affairs" и ставшей, как известно, философским обоснованием поворота США к стратегии "сдерживания" Советского Союза. Но главное все же — содержащийся в статье набор идей, которые во многом шли вразрез как с общей концепцией политики администрации Буша, так и сферой её практических действий.

В самом сжатом виде суть позиции неизвестного тогда автора статьи можно свести к следующим моментам. Во-первых, утверждалось об обреченности перестройки в СССР и тщетность любой помощи, которую может предложить Запад Москве. Во-вторых, конструктивная роль Запада в отношении стран бывшего социализма должна была состоять в том, чтобы облегчить бремя гонки вооружений и одновременно осторожным образом содействовать постепенному формированию структур частного бизнеса в советской экономике, экономического и политического плюрализма в целом. США, по мнению автора, могли бы содействовать созданию свободных эко-

номических зон (на условиях МВФ) в таких регионах СССР, как Прибалтика, Армения или Дальний Восток²⁷.

Итак, в конце 1989 г. — начале 1990 г. консервативные силы попытались сгруппироваться и оказать влияние на процесс формирования новой национальной стратегии.

В это же время госсекретарь Дж.Бейкер сделал несколько официальных выступлений, содержание которых свидетельствовало о продолжении поиска в администрации новых концепций и идей. В Берлинском пресс-клубе 12 декабря 1989 г. и в Совете по международным отношениям 30 марта 1990 г. впервые было заявлено, что новая национальная стратегия США будет нацелена на использование плодов мирных революций в странах Восточной Европы, создание механизмов и поддержание институтов, обеспечивающих продолжение происходящих изменений²⁸. В этих выступлениях мы находим относительно сжатые по форме, но обстоятельные по содержанию определения главных стратегических направлений американской доктрины национальной безопасности. В последующие месяцы ни один из членов администрации не подверг пересмотру концептуальные положения, представленные Бейкером в конце 1989 — начале 1990 гг.

"За пределами сдерживания лежит демократия"²⁹. Заявляя об этом, Дж.Бейкер дал сигнал к началу принципиальных изменений в характере американской национальной стратегии. Основное внимание предлагалось уделить "новой миссии — распространению и консолидации демократии в мире"³⁰. Вместо того чтобы ориентировать американскую внешнею политику на сдерживание советской военной экспансии и влияния, Соединённые Штаты, по мнению Бейкера, должны были сосредоточить свои усилия и ресурсы для достижения "новых"³¹ целей: создание "международного демократического сообщества"³². По существу, долгосрочной задачей США объявлялось создание регионального политического порядка, в котором "свободный человек и свободные правительства" будут составлять "кирпичики" будущей системы безопасности³³. Выполнение этих задач предусматривалось в первую очередь в Европе, которая только что пережила "шок", вызванный "падением Берлинской стены". Столь пристальное внимание к Старому свету обусловлено той значимостью, которую Европа представляет для безопасности США. Следует учитывать и тот факт, что события, прокатившиеся по странам социалистического лагеря, заставили политиков больше внимания уделять этому региону. К тому же именно к этому региону, настоятельно рекомендовали обратить самое пристальное внимание ведущие эксперты и аналитики еще до церемонии инаугурации президента³⁴.

В этих выступлениях Бейкер охарактеризовал процесс демократизации как ключевой механизм создания будущей "постхолодной" Европы. Распространение либеральных ценностей и институтов будет иметь стимулирую-

ший эффект на внутреннем и международном уровнях. Демократизация, по мнению некоторых экспертов, как раз и служила основным сдерживающим фактором разрастания международных конфликтов³⁵. "В демократическом обществе правит закон. Оно более терпимо и защищает права индивидуума от агрессивного меньшинства и тиранического большинства. Саморегулирующийся элемент, характерный для демократий, дает надежду на предсказуемое корректирование внешнеполитического курса. Демократия позволяет достичь гармонии в международных отношениях. Свободные люди, разделяющие демократические ценности, вряд ли пойдут войной друг против друга"³⁶.

Столь сильная вера в невоинственность демократических режимов особенно характерна для членов администрации У.Клинтон, однако, как видим, она не была чужда и политикам, которых трудно назвать либералами. Тем не менее не стоит преувеличивать значение данного факта в период пребывания в Белом доме Дж.Буша. Появление этого тезиса вполне логично для американской традиции, учитывая, что само выживание Соединенных Штатов напрямую увязывается не только с прочностью демократических институтов и традиций в самих США, но и с распространением этих идей в мире. Таким образом, речь идет о некоторой смене приоритетов в методах, что стало следствием изменения ситуации в мире.

Содействие экономическим преобразованиям в Европе³⁷, а также укрепление региональных систем безопасности также выделялось в качестве новых направлений национальной стратегии. Для обоснования этого положения Бейкер использовал термин "политическая геометрия". "Геометрия учит нас, что треугольник наиболее прочная фигура. Политическая геометрия учит нас, что свободное общество должно подкрепляться экономическим прогрессом и общей безопасностью. Только стратегия, которая ставит целью защиту демократии, с одновременной поддержкой экономических реформ и созданием системы международной безопасности позволит добиться успеха..."³⁸

Для достижения основных целей этой стратегии предусматривалось укрепление позиций международных институтов. В выступлении в Берлинском пресс-клубе госсекретарь много внимания уделил роли НАТО, СБСЕ и ЕС в укреплении безопасности в регионе.

Теоретически высказанные госсекретарем идеи укладывались в концепцию «демократического институционализма». Её основные компоненты: распространение демократии и усиление позиций международных институтов в решении политических, военных, экономических и социальных проблем. Необходимость этого, заключалась в стратегической важности региона для американских национальных интересов. Исторически, войны и революции, происходившие на европейском континенте, порождали ситуацию,

представлявшую прямую или косвенную угрозу безопасности США и ее экономическому благополучию.

В течение всего 1989 г. шла работа над текстом Национальной стратегии США, который президент должен ежегодно представлять в конгресс согласно Акту Голдуотера-Николса от 1986 г. Проблемы с прохождением кандидатуры Тауэра на пост министра обороны не позволили этому ведомству вплотную приступить к данной работе в первой половине 1989 г. В этом же году произошли серьезные геополитические изменения, анализ которых инерждал окончание работы над докладом. В феврале 1989 Советский Союз выводит последние подразделения своей 110-тысячной армии из Афганистана, полностью оставляя этот стратегически важный регион. Тогда же Москва объявляет об одностороннем сокращении численности своих вооруженных сил на 500 000 человек. Далее последовали революции в странах Восточной Европы. В апреле в Польше была легализована Солидарность, в октябре Венгрия официально отказывается от следования марксистской идеологии. Все это вынудило экспертов пересматривать уже подготовленные главы новой стратегии.

Большие сложности возникли и с предвыборными обещаниями Дж.Буша. В апреле 1989 г. президент заявил о необходимости потратить на оборону в 1991-1994 гг. 1.25 трлн. долл.³⁹ Однако экономические и политические условия не позволяли это выполнить, учитывая обещание не повышать налоги и необходимость выполнения плана Грэма-Рудмэна, предусматривавшего ликвидацию дефицита федерального бюджета к 1993 г. Администрация соглашается с решением конгресса сократить первоначально запланированные исполнительным ведомством расходы на оборону в 1990 г. на 14 млрд. долл.⁴⁰ Таким образом, целый комплекс организационных, внутриэкономических и международных проблем задержали появление новой национальной стратегии, которая была опубликована только в марте 1990 г.

В самом документе делалась попытка охватить все изменения, произошедшие в СССР и странах Восточной Европы. Однако куда более осторожно авторы подошли к обсуждению возможных ответов со стороны США на эти изменения. Документ производит достаточно странное впечатление. В нем подробно описаны происходящие в мире изменения и достаточно неуверенно представлены изменения, которые должны произойти в средствах и методах, используемых США для защиты своих национальных интересов⁴¹.

Парадоксально, но и второй доклад по стратегии национальной безопасности США 1991 г. появился с опозданием. Причиной тому события в СССР и война на Ближнем Востоке. Вторжение Ирака в Кувейт, работа по созданию международной коалиции, заключение договоров по стратегическому и обычному вооружению, фундаментальные изменения в советско-

американских отношениях, окончательный распад Варшавского договора — все это отвлекло экспертов СНВ от подготовки всеобъемлющего доклада, способного стать основой новой национальной стратегии, представляемой президентом. Работа была закончена лишь в феврале 1991 г., а сам документ был опубликован уже в августе⁴².

Происходившие в мире события заставили авторов доклада сконцентрироваться на советско-американских отношениях как отправной точки для обсуждения национальной стратегии в целом. Более того, именно здесь предпринимается попытка расширить само понимание национальной безопасности. В чисто военном отношении региональный конфликт в ней определялся как организационный принцип построения американских вооруженных сил и заявлялось о пересмотре некоторых компонентов ядерного сдерживания⁴³. Политически документ предлагал сконцентрироваться на проблемах контроля над распространением оружия и уделять больше внимания конфликту Север-Юг, а не Запад-Восток. Больше чем в любом другом таком же документе, здесь говорилось о необходимости рассматривать экономическое благосостояние США в контексте национальной безопасности. Экономическая безопасность включалась в дефиницию национальной безопасности, несмотря на то что конкретные программы по усилению конкурентоспособности американских фирм и товаров, а также решения проблемы бюджетного дефицита отсутствовали совсем⁴⁴. Хотя закон 1986 г. и обязывал исполнительную власть предложить конкретные механизмы решения проблем обеспечения национальной безопасности.

Лишь в середине 1990 г. появляются документы, которые характеризовали общие направления новой официальной стратегии национальной безопасности США и особенно военной стратегии. В речи президента Дж.Буша в Аспинском институте 2 августа 1990 г. концепция национальной безопасности была сформулирована им кратко и в общих чертах с тем, чтобы в последующие месяцы ее могли развить официальные представители⁴⁵. Оборонная политика, согласно этой стратегии, будет основываться на четырех главных принципах: сдерживание, передовое присутствие, кризисное реагирование и реконституция.

В выступлении президента Буша было поднято множество сложных вопросов. Среди наиболее важных отметим следующие. Как Соединенные Штаты будут определять новые национальные цели и задачи собственно военного планирования и для планирования военных программ? Каковы новые требования к разведывательным службам и к процедуре принятия решения? Каковы промышленные аспекты новой стратегии национальной безопасности в области технологии, научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, инвестиционной политики и реконституции промышленного потенциала?

В соответствии с американской формой правления, провозглашение политики администрацией ещё не есть провозглашение государственной политики. Для того чтобы заявить о появлении новой национальной стратегии, необходимо привлечь решения конгресса по оборонному бюджету.

Однако американское руководство не смогло и не успело по целому ряду объективных и субъективных причин⁴⁶ переложить более-менее обозначенные президентом концептуальные положения на язык обновленных практических подходов по актуальным проблемам международной жизни. Еще первый оборонный бюджет, подготовленный администрацией Буша, хотя и предусматривал сокращение численности армии на 25%, суммарные расходы на оборону планировал сократить только на 10%⁴⁷. Буш также не соглашался на закрытие какой-либо из оборонных программ, начатых еще в период Р.Рейгана. Он даже пошел на небольшое увеличение расходов на программы ПРО, приобретение новых систем стратегического оружия, дополнительные ассигнования на научные исследования в оборонной сфере⁴⁸, что неизбежно вызвало критику со стороны оппозиции в конгрессе⁴⁹.

Консерватизм администрации Буша в вопросах национальной безопасности проявился и в отношении администрации к проблеме контроля над ядерным вооружением. После подписания в декабре 1987 г. договора по РСМД в Белом доме не наблюдалось особой активности в ускорении переговорного процесса по сокращению стратегического оружия⁵⁰. Хотя договор и был подписан летом 1991 г., его условия, по мнению известного исследователя М.Кокса, отвечали представлениям Буша о том, как должно проходить разоружение⁵¹. Согласно этому договору обе державы сохраняли около 15000 ядерных боеголовок, что в два раза больше чем они имели в 1972 г. (год подписания ОСВ-1), и примерно столько же, сколько СССР и США имели в 1979 г.⁵² В целом, существование Советского Союза и обострение кризиса в районе Персидского залива позволили администрации придерживаться главного своего принципа в вопросах национальной безопасности — "чем меньше изменений тем лучше". Это особенно стало заметно в предложенном конгрессу в начале 1991 г. и 1992 г. пятилетнем оборонном плане, где и были определены главные направления новой национальной стратегии США на период до конца XX столетия. Явное лидерство в определении новых параметров национальной стратегии занял государственный департамент, руководитель которого предложил несколько новых концепций, способных, по его мнению, скорректировать внешнеполитический курс США в ближайшее десятилетие.

У администрации У.Клинтонна была еще более сложная задача. Завоевав Белый дом на волне повышенного внимания к внутренним проблемам, новый президент вынужден был признать, что невозможно не тратить много времени на международные отношения. Демократы Клинтонна просто не

могли игнорировать тот факт, что США – крупнейший экспортер мира, что американские фирмы и корпорации владеют большой долей мирового экспорта, что четверть американского ВВП зависит от мировой экономики. Нельзя было оставить без внимания те конфликты, в которые уже были вовлечены вооруженные силы США. Необходимо было продолжать работу по контролю над соблюдением режима нераспространения оружия массового поражения. Таким образом, и к «непрофессионалу» Клинтону пришло понимание, что Америка – это страна, без которой невозможно обойтись в мире, а коль так, значит придется решать проблемы внешней и оборонной политики в усиленном режиме.

У.Клинтон был первым президентом в истории США, рожденным после Второй мировой войны. Он обещал предложить новую внешнюю политику, которая отвечала бы изменениям, произошедшим как в самих Соединенных Штатах, так и в мире в целом. Однако то, что сразу пришлось сделать новой администрации, так это взять на вооружение «старый» тезис о неизбежности лидерства Америки в международных отношениях. Были обозначены «новые» цели внешней политики — продвижение демократии и либеральных рыночных ценностей. Взяв за основу стратегического планирования совсем не верное с исторической точки зрения утверждение, что демократии не воюют друг с другом, Клинтон постарался максимально защитить экономические интересы США, поддерживая агрессивную внешнеэкономическую деятельность американских корпораций. М.Кантор, один из советников Клинтона, высоко оценил создание Национального экономического совета, которые эффективно координировал внешнюю и внутреннюю экономическую политику. «Клинтон стал первым президентом, который использовал торговлю в качестве моста между внешней и внутренней политикой»⁵³.

Глава внешнеполитического ведомства У.Кристофер и советник по национальной безопасности А.Лэйк настояли на продолжении активного участия США в разрешении региональных конфликтов. Особый интерес для новой администрации представлял ближневосточный мирный процесс. И последнее, команда У.Клинтона посвятила много времени анализу и поиску наиболее эффективных методов нейтрализации таких угроз, как терроризм и распространение оружия массового поражения. Особую популярность приобретает доктрина асимметричных угроз.

Однако практически сразу по вступлению в должность, президент столкнулся с необходимостью решать конкретные внешнеполитические проблемы: Сомали, Гаити, Босния. По общему признанию У.Клинтон и У.Кристофера, их политика по отношению к кризису в Югославии была малоэффективной и не адекватной⁵⁴. Авторитет Клинтон на европейском континенте после первого югославского кризиса был очень низким. Ситуация стала исправляться только в 1996 г., когда Вашингтон занял непоколебимую позицию по разрешению кризиса.

В отношении России Клинтон практически продолжил политику предшествовавшей администрации, делая ставку на одного лидера – Б.Н.Ельцина. Очень скоро президента станут обвинять в том же, в чем обвинили Дж.Буша, который, в свою очередь, «видел только М.Горбачева». Безусловной победой администрации можно считать ратификацию сенатом договора СНВ-2, который был подписан еще предыдущей администрацией.

В отношении Китая Клинтон продолжил политику республиканской администрации и предоставил статус наибольшего благоприятствования в торговле, несмотря на многочисленные факты нарушения прав человека Пекином.

Еще в 1989 г. произошел коренной перелом политики США по отношению к Китаю. С одной стороны, подавление демократических выступлений в Пекине было воспринято как свидетельство укрепления тоталитарной политической системы, неприемлемой для демократических Соединенных Штатов. Однако, как мы говорили выше, в Вашингтоне не рассматривали идеологию в отрыве от реальных проблем и интересов. И поэтому Вашингтон стал рассматривать Китай в качестве самодовлеющего фактора региональной и глобальной политики. Принимая во внимание глубокую заинтересованность в Китае как экономическом партнере, а также обращая внимание на многочисленное китайское население в самих США, Вашингтон вынужден был выбрать достаточно противоречивый курс, в котором должны сочетаться принципиальность и прагматичность. Американцы вынуждены были признать невозможность прогнозирования результатов процесса трансформации, происходящего в Китае. Социалистический Китай мало походил на Советский Союз, его трудно было объявить новым врагом, таким, каким был СССР. С ним надо сотрудничать, но при этом постоянно обращать внимание на принципиальные расхождения в позициях. Критикуя Пекин за нарушение прав человека, отказ либерализовать политические институты, Вашингтон тем не менее не решается как-либо «наказать» Китай за это. Таким образом, приоритет пока отдается не принципиальности, а прагматизму.

Итак, в 90-е годы в США шел активный поиск новых ориентиров для внешнеполитической стратегии. Очень большая работа была проделана администрацией Дж.Буша, которая отличалась высоким профессионализмом и осторожностью по сравнению с первой командой У.Клинтон. Мощный организационный и интеллектуальный потенциал, накопленный на рубеже 80—90-х годов, помог Вашингтону избежать принятия необдуманных скоропалительных решений в сфере обеспечения национальной безопасности, что позволило Америке достаточно безболезненно перейти в режим работы в условиях «постхолодного» нового мирового порядка». Вашингтонские стратеги поняли, что окончание советско-американского противостояния привело к перераспределению силы. Военная составляющая уступила пер-

венствующую роль экономической, научно-технической, информационной. Новая стратегия хоть и базировалась на тезисе безусловного лидерства США во всех трех областях (военной, экономической, научно-технической и информационной), тем не менее признавала возросшую конкурентоспособность новых центров силы. К сожалению, России этого не удалось.

По мнению многих экспертов, пришедшая в Белый дом администрация Дж.Буша-младшего в теоретическом плане будет ориентироваться на неореалистические принципы, которые включают приоритет национальных интересов, свертывание международных обязательств и концентрации на внутренних проблемах. После активной интервенционистской политики администрации У.Клинтоня эксперты вполне обосновано ожидали более умеренной политики, особенно в области использования вооруженных сил за рубежом. Уже в ходе предвыборной кампании республиканские лидеры призывали к сокращению американского военного присутствия. Однако многие из этих лозунгов широко использовали и демократы в борьбе с администрацией Буша-старшего. Первый год пребывания новой администрации у власти даст ответ на многие вопросы. Однако, по нашему мнению, процесс сокращения зарубежного присутствия для США будет достаточно болезненным.

Примечания

- ¹ Hatchings R., Op. Cit. P.272.
- ² Baker. Op.Cit. P.
- ³ В апреле 1989 г. несогласие Германии с англо-американской позицией по вопросу модернизации стратегического ядерного оружия достигло своего апогея в выступлении президента Р. фон Вайцзекера в Копенгагене. Europe After An American Withdrawal. Economic and Military Issues. Ed. by J. Sharp, 1990. P. 12.
- ⁴ Ibid
- ⁵ WCPD, May 12, 1989. P. 700.
- ⁶ Ibid.
- ⁷ Ibid.
- ⁸ The New York Times, June 4, 1989. P. B14.
- ⁹ Baker. Op.Cit. P. 35.
- ¹⁰ AFP, 1989. P. 318–319.
- ¹¹ Ibid. P. 320
- ¹² AFP, 1989. P. 272.
- ¹³ Spiezo K. Beyond Containment: Reconstructing European Security. London: Lynne Rienner Publishers, 1995. P. 21–25.
- ¹⁴ Nunn S. Nunn 1990: A New Military Strategy // Significant Issues Series. The Center for Strategic and International Studies, Washington D.C. Vol. XII, N. 5. 1990. P. 19.
- ¹⁵ International Security Environment. Hearings before the Committee on Armed Services U.S. Senate, 101st Congress, 1st Session. April 5, 1989. Wash.:GPO, 1989. P. 489.
- ¹⁶ Ibid
- ¹⁷ 1991 Joint Military Net Assessment, March 1991.
- ¹⁸ Ibid.

¹⁹ Демократы в конгрессе потребовали от президента перейти от простого реагирования на события к разработке долгосрочной национальной стратегии, определившей новые методы защиты национальных интересов в условиях многополярного мира. Ibid. P. 85–89, 283–284.

²⁰ Авторитетный обозреватель газеты «Вашингтон Пост» Д. ХOFFман выразил общую негативную оценку деятельности администрации в области национальной безопасности: "Она способна только реагировать на быстро происходящие события, вместо того чтобы одновременно подготовить всесторонний анализ ситуации и предложить долгосрочную национальную стратегию". The Washington Post, August 13, 1989. P. B4. См. так же: The New York Times, June 4, 1989. P. E30.; The New York Times, January 4, 1989. P. E2.

²¹ The Washington Post, May 26, 1989. P. A1.

²² WCPD, May 12, 1989. P. 700.; WCPD, May 21, 1989. P. 748; WCPD, May 31, 1989. P. 813.

²³ Ibid.

²⁴ WCPD, May 21, 1989. P. 748.

²⁵ Heritage Foundation

²⁶ Nunn 1990: A New Military Strategy... P. 18–19;

²⁷ The New York Times. January 4, 1990.

²⁸ American Foreign Policy: Current Documents. Wash.: GPO, 1989. P. 297.

²⁹ AFP. 1990. P. 12.

³⁰ AFP. 1990. P. 12.

³¹ О том, что эти цели отнюдь не новые, мы говорили в первой главе. В этом случае речь идет лишь о некотором смещении приоритетов на невоенные аспекты национальной безопасности.

³² AFP. 1990. 17.

³³ AFP. 1989. P. 308.

³⁴ Nixon R. American Foreign Policy: The Bush Agenda // Foreign Affairs. № 68. 1988–1989. P. 199–219; Mandelbaum M. Ending the Cold War // Foreign Affairs. № 68. 1989. P. 16–36.

³⁵ Russett B. Grasping the Democratic Peace: Principles for a Post-Cold War World. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1993.

³⁶ AFP. 1990. P. 13.

³⁷ См. подробнее, например: Захаров В.Б. Восточная Европа в стратегическом и экспертно-аналитическом планировании правительства США (1981–1991 гг.) Дис. ... канд. ист. наук. Н.Новгород, 1994.

³⁸ AFP. 1990. P. 12.

³⁹ Office of the Assistant Secretary of Defence. Public Affairs. Amended FY 1990/91 Department of Defense

Budget // News Release. April 25, 1989. P. 174–189.

⁴⁰ Department of Defense Annual Report, Fiscal Year 1990. P. 168.

⁴¹ National Security Strategy of the United States 1990–1991. Bush G. Wash.: Brassey's, Inc., 1990. P. 128.

⁴² The White House. National Security Strategy of the United States 1991. Wash.: GPO, 1991.

⁴³ Ibid.

⁴⁴ Ibid.

⁴⁵ Remarks by the President to the Aspen Institute Symposium. The White House, 2.08.1990.

⁴⁶ См. подробнее: Спасский Н. Новое мышление по-американски // МЭМО. № 12, 1991. С. 11-14.

⁴⁷ Department of Defense Annual Report, Fiscal Year 1990. P.58.

⁴⁸ Kaufmann W. & Steinbruner J. Decisions for Defense: Prospects for a New Order. Wash.: Brookings, 1991. P.35-42.

⁴⁹ Gelb L. \$1.5 Trillion "Defense" // New York Times, 17 April 1992.

⁵⁰ Cox M. US Foreign Policy after the Cold War: Superpower Without a Mission? The Royal Institute of International Affairs: Pinter, 1995. P. 40-41.

⁵¹ Ibid.

⁵² Smith S. The Superpowers and Arms Control in the Era of the "Second Cold War" // Beyond the Cold War: Superpowers at the Crossroads? Ed. by Cox M. Lanham: University Press of America, 1990. P. 167-184.

⁵³ J. Dumbrell, The Making US Foreign Policy, 1997. P.82.

⁵⁴ Ibidem. P.81.

ГЛАВА 3

АМЕРИКАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В РАЗВИТИИ

В конце XX века изменяется не только международная система, происходят кардинальные перемены и в самих субъектах международных отношений, каковыми традиционно являются государства. Не являются исключением и Соединенные Штаты Америки. Сегодня в Америке среди представителей внешнеполитической элиты пока еще господствует евроатлантическая традиция, одним из типичных представителей которой являлся бывший президент Дж. Буш-старший. Состав команды У. Клинтона отражал некоторые изменения, происходившие в американском обществе в 1990-е годы. Новая администрация Дж. Буша-младшего выглядит еще более радикальной. Если у Клинтона госсекретарем впервые стала женщина, то у Дж. Буша-младшего – афроамериканец. Один из ключевых постов – советник по национальной безопасности – в новой администрации заняла женщина афроамериканка, да еще и незамужняя. Такого не могло произойти даже в период нахождения у власти отца нынешнего президента. Расовый и гендерный аспекты по новому проявляются в политической жизни Америки.

Новое общество – другие требования. Внутри американского общества определились тенденции, которые заставляют внешнеполитическую элиту вносить корректировки в традиционные представления о внешней политике США. Во-первых, в США наметились серьезные демографические изменения. Речь идет не только о снижении рождаемости, меняется структура и количество членов семьи (особенно среди белых американцев)¹. Да и сама роль семьи претерпевает кардинальные изменения. Во-вторых, в последние годы наметилась устойчивая тенденция увеличения доли «не белого» населения США. В-третьих, активное внедрение информационных технологий и открытость американского общества глобальным изменениям, затрагивающим практически каждую сферу жизни человека, вносит серьезные изменения в представления среднего американца о современных международных отношениях, об участии американских военных в вооруженных конфликтах².

Из материалов специального доклада об этническом происхождении вырисовывается новая картина американского общества. Лишь 5% опрошенных на вопрос: «Каково Ваше этническое происхождение?» — ответили, что они американцы. Остальные отнесли себя к одной из выявленных пере-

писью населения 1990 г. 215 этнических групп. Крупнейшие из них, в порядке убывания: немецкая, ирландская, английская и афро-американская, каждая из которых насчитывает свыше 30 млн. человек³. За ними следуют группы – итальянская, мексиканская, французская – численностью свыше 10 млн. человек, 4 группы – польская, коренных американцев, голландская, шотландско-ирландская – по 6 млн. человек каждая. Далее идет 28 групп численностью свыше 1 млн. жителей каждая⁴.

География стран, откуда приехало большинство граждан США, послужила основой для формирования европоцентристской традиции американской внешней политики. Белое большинство, имевшее общее европейское происхождение, на протяжении всего XX века оказывало мощное влияние на процесс принятия внешнеполитических решений. В отечественной американистике есть хорошие работы, показывающие механизмы влияния этнических групп на формирование внешней политики США⁵. Известный аналитик, эксперт Центра стратегических и международных исследований профессор Ховард Виарда, выступая в Нижнем Новгороде, убеждал его участников в необходимости учитывать этот фактор. На примере принятия решения о расширении НАТО, он показал влияние американских поляков, украинцев, венгров и других этнических групп, выходцев из Центральной и Восточной Европы, на хронометраж и темпы принятия решения администрацией Клинтона. Официальное согласие Белого дома «неожиданным образом» совпало с предвыборной кампанией.

Республиканец Боб Доул до своего проигрыша на президентских выборах активно лоббировал интересы армянской общины. И не случайно после его ухода из активной политики Азербайджану удалось кардинально улучшить свои отношения с Америкой. Есть много фактов, свидетельствующих о прямой или косвенной зависимости того или иного внешнеполитического решения в США от влиятельности определенной этнической группы. До сих пор белые европейцы пока еще пользуются преимуществами доминирующей этнокультурной части населения. Однако по прогнозам социологов и этнографов такая ситуация не продлится долго.

Исторически американское общество состояло из двух групп: белое большинство и черное меньшинство (при небольшой численности коренного индейского населения). Сегодня ситуация меняется. Соединенные Штаты становятся многорасовым обществом. В начале XX века на территории США проживало население, которое по расовому признаку делилось следующим образом: 87% белых, 12% негритянского населения и около 1% представителей других рас. В 1990 г. в США проживало 240 000 американских индейцев, 240 000 представителей монголоидной расы (преимущественно китайцы, японцы и гавайцы) и 660 000 латиноского населения (преимущественно выходцы из Мексики, которые проживают на территории пяти южных штатов)⁶.

С 1960 г. численность всех расовых групп увеличилась, однако менялось их соотношение. К 1960 г. доля белого населения уменьшилась с 86.9% до 85.1%. Такая же тенденция отмечалась и среди черного населения Америки – 11.6% в 1900 г. и 10.5% в 1960 г. Одновременно с этим наметилась тенденция увеличения доли «третьей» группы населения – 1.5% в 1900 г. и 4.4% в 1960 г.

Начиная с 1960 г. ситуация меняется кардинально. Доля азиатского и «испаноязычного» населения начинает постоянно увеличиваться. В 1990 г. выходцы из Азии, Латинской Америки и коренное население Америки составляли уже 12.7%⁷. Таким образом, численность этой группы населения увеличилась с 1 млн. в 1960 г. до 31 млн. в 1990 г.

За тот же период увеличилась численность негритянского населения Америки: 8.8 млн. в 1900 г. и 30 млн. в 1990 г. Однако по темпам роста выходцы из Латинской Америки обогнали черных: 1 млн. в 1900 г. и 22.4 млн. в 1990 г. В результате такого развития меняется структура так называемого «этнического меньшинства». Место черных занимают азиатское и латиноское население. Несмотря на то что численность черного населения увеличилась, темпы его прироста значительно меньше, чем у азиатского и испаноязычного населения.

Уже сейчас будущий президент, для того чтобы победить на выборах, вынужден будет обратить внимание на все увеличивающееся латиноское, китайское и негритянское население страны. Причем речь идет не об нелегальных эмигрантах, а о гражданах страны, имеющих право избирать и быть избранными. Повсеместная латинизация культуры, свидетелями чего мы являлись в конце прошлого века, показывает возрастающее влияние выходцев из Латинской Америки на жизнь американцев. Знание испанского языка уже стало необходимым условием для приема на работу во многие государственные структуры, особенно южных и западных штатов. Сегодня, согласно некоторым данным, доля латиноского населения США составляет 11%. Чуть меньше выходцев из Азии, в основном китайцев, и, конечно же, нельзя сбрасывать со счетов увеличивающееся сообщество афроамериканцев. Ближайшие двадцать лет доля этих этнических и расовых групп в США будет увеличиваться и составит примерно от 35 до 40%⁸.

Несмотря на то что количество белого и испаноязычного населения увеличится и в 2030 г. составит 211 млн. человек (сейчас 187 млн.), его доля в структуре населения США уменьшится. В 2040 г. белое население будет составлять менее 60%. Более того, именно эта группа будет самой старшей, по сравнению с другими расовыми и этническими группами, что связано с низким уровнем рождаемости среди белого населения Америки.

Динамика роста черного населения тоже впечатляет: с 30 млн. до 44 млн. в 2040 г, однако его доля увеличится незначительно: с 12.1% до 12.4%. Несколько иная ситуация сложится с выходцами из Латинской Америки. За последнее десятилетие прошлого века численность испаноязычного населе-

ния США увеличилось на 8 млн. человек и в 2000 г. составила 30 млн. человек. Социологи отмечают высокую рождаемость в этих семьях, что приведет к увеличению доли испаноязычного населения к 2040 г. — 18% (или 64 млн. человек). После 2010 г. именно эта группа населения будет представлять крупнейшее национальное меньшинство США.

Таким образом, структура американского общества меняется. Однако статистические данные дают только половину информации. Да, белое население в скором веке перестанет доминировать. Доля испаноязычного и азиатского населения увеличится значительно. Однако эти тенденции сохранятся, если не будет изменена иммигрантская политика. Правительство США уже неоднократно объявляло о своем стремлении привлечь в страну высокопрофессиональных специалистов из стран Центральной и Восточной Европы. Многие социологи настаивают на изменении иммиграционной политики, которая утвердилась в 1990-е годы, ибо она в конечном итоге, и приведет к тем диспропорциям, которые выражаются в вышеприведенных цифрах.

Перед Америкой сегодня стоят важнейшие задачи: как адаптировать вновь прибывших в американское общество; как использовать потенциал новых иммигрантов для блага американского общества; как распределить расходы на адаптацию иммигрантов между гражданами страны, чтобы не допустить проявления каких-либо фобий? Все это отнюдь не праздные вопросы. От ответов на них зависит спокойствие и процветание одной из крупнейших стран мира.

«Отцы-основатели» очень жестко определяли параметры национальной идентичности — максимально возможное единообразие. «Чтобы стать и быть американцем, — считает Ф.Глинсон, — индивидуум не должен обладать какой-то особой национальной, лингвистической или религиозной исключительностью. Все, что от него требуется, — принять политическую идеологию, выстроенную на абстрактных идеалах свободы, равенства и республиканства. Таким образом, универсальный характер американской идеологии позволил каждому, кто имел желание, стать американцем»⁹. Эта же идеология настраивала всех вновь прибывающих устраиваться самостоятельно, одновременно готовиться смешаться с остальным населением. «Достижение максимального единообразия народа этой страны должно, наряду с другими обстоятельствами, обеспечить прочность союза»¹⁰. Отцы основатели хотели, чтобы иммигранты полностью отказались от своего языка, обычаев, традиций и приняли систему ценностей англоязычного большинства. Это имело особое значение и для национальной безопасности, ибо могли возникнуть вполне обоснованные опасения за лояльность переселенцев.

Однако со временем стало использоваться более широкое толкование американской идентичности. К середине XX века популярность получила концепция «плавильного котла», сплавляющего воедино белых американцев с новыми европейскими иммигрантами¹¹. Некоторые историки либеральных

убождений (А.Шлезингер, Д.Бурстин, О.Хэндлин и другие) взяли на себя ответственность за формирование и закрепление в массовом сознании образ США как «нации иммигрантов». Однако эта концепция в большей степени ориентировалась на представителей европейских народов. Создание единого общества из представителей разных рас — задача более сложная.

Необходимо убрать расовый и этнический компонент из американской идентичности, которая во время президентства Франклина Рузвельта стала рассматриваться в рамках рационального выбора. Те, кто принимает идеалы свободы и демократии, может считаться американцем. Отрицание системы демократических ценностей и идеалов означало антиамериканизм. Нечто подобное предлагают современные российские либералы, отказавшиеся от понятия «русский» и настаивающие на использовании понятия «российский».

По мнению авторов монографии «США на рубеже веков» плавильный тигль оказался достаточно эффективным, особенно в создании единой национальной культуры на базе различных европейских субкультур¹², однако в настоящее время стоит более сложная задача: выработать нечто такое, что не являлось бы простой суммой культур разных рас. Однако это очень медленный и постепенный процесс, требующий много времени. Хватит ли у американского общества исторического времени?

У большинства западных экспертов существует уверенность в том, что достаточно развитые структуры и институты «открытого общества» в США помогут снять неизбежное в этой ситуации социально-политическое напряжение. В последнее десятилетие значительно возросла доля радикальных идей и концепций, выдвигаемых той или иной группой населения. Отход от европоцентризма в культуре, образовании уже наметился. По данным опросов американское общество в конце XX века стало более терпимым, однако эти данные относились к относительно спокойному и наиболее благоприятному периоду развития американской экономики, при отсутствии явной внешней угрозы. Как поведет себя общество в критической ситуации предугадать сложно, тем более общество, которое структурно меняется, превращаясь скорее из «котла» в «мозаику».

В последнем случае неизбежная фрагментация национальной идентичности может привести к конфликтам и противоречиям между различными группами интересов, оказывающих давление на процесс принятия решений. Деятельность еврейского, греческого, армянского, ирландского и других лобби не раз служила осложняющим фактором в отношениях США с теми или иными странами. Особый интерес для исследователей может представлять набирающее силу «африканское лобби» черных американцев.

Можно также с большой долей уверенности говорить об ослаблении внимания со стороны официального Вашингтона к делам европейским. Латинская Америка и Азия станут приоритетом внешней политики США не только потому, что это бурно развивающиеся регионы, но и потому, что

этого будут требовать новые испаноязычные американские избиратели. Два западных штата — Калифорния и Вашингтон — уже вынуждены проводить особую политику в отношении Мексики и Японии с учетом интересов огромного азиатского и мексиканского населения штатов.

Пришедшая в Белый дом администрация Дж.Буша-младшего, например, может занять более жесткую позицию в отношении КНР, поскольку имеет очень тесные связи с тайваньским лобби. К тому же большую долю китайского населения в США составляют выходцы с Тайваня или же люди, вынужденные покинуть страну после революции 1949 г. Принимая по внимание растущую экономическую мощь Пекина, в ближайшие годы следует ожидать смещение американских стратегических интересов от Европы к Восточной Азии.

В 1990-е годы в Вашингтоне было принято окончательное решение переориентироваться на демографически и экономически растущую Мексику (и дальше на юг — Чили), что достаточно сильно меняет этнополитическое лицо США, где еще больше усиливается латиноамериканский элемент. Такой крен, по мнению известного американиста А.И.Уткина, отнюдь не сближает традиционных союзников — США и Западную Европу¹³. Последняя, в свою очередь, меняет этнополитическую карту благодаря интеграционным процессам с народами Восточной и Центральной Европы.

Проблема этнической субкультуры имеет особое значение для США, армия которой на треть состоит из представителей расово-этнических групп, мировоззренчески близких к народам стран «третьего мира». В начале 90-х годов во время войны в Персидском заливе эта армия успешно прошла тест на совместимость. Однако у специалистов нет уверенности, что и в будущем она будет эффективно выполнять боевые задачи, особенно в ходе конфликтов в странах «третьего мира».

Данные опросов, проводившихся газетой «Нью-Йорк таймс» в последние годы администрации Р.Рейгана, засвидетельствовали существенное изменение во взглядах американцев на процесс принятия решений в области национальной безопасности. Лишь 24% опрошенных сказали, что доверяли больше президенту при решении вопроса об отправке американских вооруженных сил за рубеж, чем конгрессу¹⁴. Только 34% респондентов согласились с правом президента единолично руководить секретными операциями в других странах¹⁵. Перед президентом США стояла труднейшая задача — заставить общественность, которая никогда не проявляла особого интереса к проблемам национальной безопасности, поверить в необходимость осуществляемой им политики. Это достаточно трудно сделать в стране, граждане которой очень мало интересуются внешней политикой. 62% опрошенных американцев, например, понятия не имели, чью сторону заняли Соединенные Штаты в никарагуанском конфликте¹⁶. Политика национальной безопасности, в ее традиционном понимании, мало интересует среднего американца. Для него эта область слишком сложная, требующая специаль-

ных знаний. Однако с исчезновением советской угрозы и усилением некоторых негативных тенденций в самом американском обществе (рост преступности, сокращение расходов на социальную сферу и др.), американцы видят в чрезмерно увлеченном внешними проблемами президенте политика вчерашнего дня. У американцев не поменялись приоритеты, ибо они всегда были сконцентрированы на внутренних проблемах. Но драматические события, разыгравшиеся в странах Восточной и Центральной Европы, на время привлекли общественное мнение в США к международной тематике, к необходимости "посмотреть за океан". В годы холодной войны, умело оперируя тезисом о существовании советской угрозы, политическим лидерам удавалось добиться если не поддержки, то, по крайней мере, молчаливого согласия на свои решения и действия в сфере национальной безопасности. С исчезновением же её терялась консолидирующая общество угроза. Эту точку зрения активно поддерживают исследователи, придерживающиеся левых взглядов. Они часто повторяют мысль, что крах коммунизма не укрепил американскую внешнюю политику¹⁷, ибо холодная война удовлетворяла потребность в том, чтобы найти врага и подтвердить национальную идентичность американцев. Данное обстоятельство потребовало корректировок устаревших концепций. Вот почему в конце 80-х — начале 90-х гг. в США наблюдался всплеск интереса академической общественности к разработке новых теорий¹⁸.

В настоящее время сложилось устойчивое мнение, что американское общество больше не примет жертв среди военных, участвующих в региональных конфликтах¹⁹. Американцы никогда не обладали единой культурой в отношении ведения войны. Они могли позволить себе не тратить большие суммы на обустройство и защиту границ, ибо реальной военной угрозы Соединенным Штатам не существовало. Именно изолированное географическое положение оказало мощное воздействие на формирование у американцев сознания, что они не будут вовлечены в большую войну. Для американского сознания начало войны — сугубо политический акт, проблема из области принятия решений. Речь в этом случае идет о "войне по выбору", которая не вызвана прямыми угрозами территориальной целостности и независимости. Именно поэтому использование военной силы должно быть оправдано и всесторонне обосновано еще на первоначальной стадии выработки такого решения. В подобной ситуации проявляется один негативный момент — теряется динамизм в осуществлении политики национальной безопасности. Само решение может стать заложником краткосрочных узкоклановых интересов, не отвечающих национальным интересам. С другой стороны, практически любое решение может быть подвергнуто осуждению с позиций американских ценностей и представлений.

Очень скоро может произойти изменение в понимании «национального интереса». Пока «национальный интерес» определяется по устоявшимся канонам теории международных отношений (выживание, суверенитет, тер-

ритория и т.п.). С другой стороны, очень часто шкала национальных интересов формируется в результате сложной политической калькуляции затрат и результатов. Уже стало хрестоматийным включать в список национальных интересов США защиту ценностей и идеалов американского общества, защиту «американского образа жизни». Однако, как справедливо считает Э.Эрдман, это все идеи, которые могут измениться вслед за тем, как поменяются ценности и идеалы общества²⁰. С распадом СССР у России появились свои, отличные от «советских» интересы, отражающие ценности и идеалы общества, которое формируется в настоящее время. Кто еще 20 лет назад мог предположить столь кардинальную ломку шкалы ценностей великой державы. От подобной трансформации не защищено ни одно современное государство.

Американских правых пугает «рост пацифистских» настроений в США. Этому дают много объяснений, начиная с констатации фактов сокращения рождаемости, а значит «повышения ценности человеческой жизни», заканчивая анализом роста популярности левых идей, происходящего под влиянием глобализации²¹. Если эта тенденция сохранится, то у США могут возникнуть проблемы во взаимоотношениях с другими странами. Противники могут воспринять отказ вести активные боевые действия (а они всегда приводят к человеческим жертвам) за слабость. Союзники, в свою очередь, не будут считать США надежным партнером. А это уже серьезные коррективы современной внешнеполитической стратегии.

Американцы традиционно с особым пиететом относились к армии как к одному из стабилизирующих общественных институтов, это оставляет надежды консерваторам в перспективе повлиять на общественное мнение в пользу армии, когда того потребуют «национальные интересы». В США по-прежнему популярна теория «справедливой войны». Другие начинают войну ради выживания, захвата новых земель, приобретения дополнительных природных ресурсов и т. п. Американское же общественное мнение считает, что США если и воюют, то за идеалы свободы и демократии. Почему среди рядовых американцев получила одобрение инициатива республиканской партии по отмене эмбарго на продажу боснийским мусульманам вооружений? Последние не имели достаточно средств для ведения войны — это несправедливо, надо дать всем равные шансы. Чисто нравственные категории порой подменяют стратегический анализ ситуации в регионе.

Американское общество в той или иной степени оказывает некоторое влияние на формирование внешней политики, хотя последняя находится в руках узкого круга «посвященных» людей, которых принято объединять понятием «внешнеполитическая элита». Предстоящие кардинальные изменения в структуре общества обязательно внесут изменения во внешнеполитическую стратегию США. Несмотря на рост популярности в 1990-е годы неизоляционистских идей, можно с большой долей вероятности ожидать роста внимания со стороны вашингтонских политиков к проблемам стран

Латинской Америки, Восточной Азии и даже Африки, а также нетрадиционным угрозам безопасности.

Внешнеполитическая элита США. Характерной особенностью американской политической культуры являются идеи народовластия, которые неотделимы от представления о законодательном органе, учитывающем интересы всех слоев населения. Более того, принцип разделения властей, на котором и зиждется политическая структура американского общества, сформировал у населения устойчивое представление, что ни одно важное решение не будет принято без согласования между тремя ветвями власти. Таким образом, сама мысль о возможной монополизации власти и лишении граждан возможности воздействовать на политический процесс вызывает у населения протест²². Однако внешнеполитическая проблематика всегда занимала особое место.

Уже стало хрестоматийным утверждение, что средний американец почти совсем не интересуется международными отношениями. Он редко оформляет официальный паспорт, используя в основном водительские права, которые не могут использоваться для зарубежных поездок. Познания американцев в области географии и всемирной истории оставляют желать лучшего. Профессиональные дипломаты стали появляться в США только в начале XX века, ибо их подготовкой не занималось ни одно высшее учебное заведение. Таким образом, вопросы внешней политики становились уделом исключительно узкого круга людей, которые в силу служебных или коммерческих интересов вынуждены были заниматься решением международных проблем. Элита фактически монополизировала процесс принятия внешнеполитических решений.

Последнее десятилетие XX века прошло под влиянием двух внешнеполитических команд, определявших поведение США на международной арене: неореалистов и тех, кого называют сторонниками либерального институционализма. Команды Дж.Буша-старшего и У.Клинтоня хоть и были разными по составу, тем не менее представляли господствующую на рубеже веков традицию. Если команда последнего хорошо знакома, то вот людей Буша-старшего²³ мы стали забывать. Однако с приходом его сына в Белый дом можно ожидать реанимации некоторых идей и принципов последней республиканской администрации.

Мировоззрение Дж.Буша-старшего и многих членов его команды было сформировано на базе реалистического и идеалистического подходов, что характерно для отцов-основателей. Они видели в качестве главной исторической задачи США защиту и расширение молодой республики с использованием широкого набора военных и дипломатических средств при сохранении рационального баланса между методами достижения национальных интересов и следованием национальным ценностям и идеалам. Созданная Бушем команда имела хороший потенциал для разработки долгосрочной национальной стратегии²⁴.

Буша нельзя считать реалистом в традиционном кассинджерско-никсоновском смысле. Однако он не является сторонником и традиционных идеалистических взглядов. К чему больше был склонен последний президент-демократ. В целом, его позицию можно охарактеризовать следующим образом. Буш искренне верил в принципы, сформировавшие американскую послевоенную стратегию. Он принимал реальность такой, какая она есть, не отрицал роль силы во внешней политике, всегда готов был к ее применению в целях защиты национальных интересов. Однако он также верил в особую судьбу Соединенных Штатов в широком мессианском духе. Ему близки и понятны традиционные джеферсоновские демократические идеалы. Буш очень внимательно подходил к проблеме баланса между национальными интересами и национальными ценностями.

Стиль работы администрации Дж.Буша в отличие от У.Клинтона был скорее элитарным, чем популистским, более аристократичным, чем демократичным. С одной стороны, это привело к формированию команды профессионалов-единомышленников, с другой — слишком отдаленной от народа администрации, не сумевшей в условиях отсутствия столь привычной для нескольких поколений американцев коммунистической угрозы, быстро разработать, а главное, применить новую национальную стратегию.

Для Буша как достойного представителя элиты северо-восточного побережья был характерен аристократический стиль руководства. Принцип "папа знает лучше" господствовал при решении любых внешнеполитических проблем в его администрации. Известны примеры, когда президент принимал решение единолично, а потом поручал своим помощникам заняться проработкой всех деталей²⁵. Национальная безопасность и внешняя политика стали предметом рассмотрения исключительно небольшой группы высокообразованных и широко информированных людей, сконцентрированных в Белом доме. Буш возродил традицию "мудрецов", людей, руководивших внешней политикой США до вьетнамской войны. Они были дипломатами и бизнесменами и верили в то, что их образование и опыт позволяют руководить от имени народа, часто без информации последних обо всех своих решениях и действиях. "Как президент, я имею обязательство руководить внешней политикой этой страны так, как я считаю наиболее приемлемым", — отвечал Дж.Буш в ответ на критику за предпринятый секретный визит Иглбергера и Скоукрофта в Китай после событий на площади Тяньаньмынь²⁶.

Следует отметить, что повышенное внимание к этой фигуре вполне обосновано. Семья Бушей не уходила из политики. Восемь лет губернаторствовал в Техасе нынешний президент — Джордж Буш-младший. Во Флориде губернатором стал другой сын — Джеб Буш. Нельзя не заметить большой активности и самого Джорджа Буша-старшего, который не дает обществу забыть о себе. Еще несколько лет назад наше внимание привлекли сообщения о его встречах с некоторыми политическими деятелями. Участие

бывших и ныне действующих политиков многих стран мира в мероприятиях, проводимых центром Дж.Буша в Колледж-Парке (Техас), свидетельствует о высоком международном авторитете этого человека. После серии очень грамотных и хороших работ, написанных ближайшими соратниками и бывшими сотрудниками аппарата Белого дома²⁷, вышли воспоминания самого президента, которые приоткрыли тень завесы над некоторыми вопросами международной политики. Изучая период правления администрации Дж.Буша-старшего, вопреки расхожему мнению, нас не покидает ощущение, что это было время настоящих профессионалов, которые с большим трудом, но все-таки сумели подготовить и опробовать новые подходы в решении актуальных внешнеполитических задач США в условиях разрушения биполярной системы международных отношений.

В первую очередь, это опробованный принцип формирования международных коалиций при наличии фактически одного лидера, не желающего, правда, нести все финансовое бремя. Мы имеем в виду созданную коалицию против Ирака. Она стала не просто многонациональной, а интернациональной на базе НАТО, единственного эффективно работающего сегодня института, способного решать задачи обеспечения безопасности и защиты интересов США и ближайших союзников в стратегически важных регионах. Именно такие коалиции будут эффективны в ближайшее время, что доказывают события, происходящие вокруг Югославии.

Другая особенность этой коалиции — англо-американский костяк. Можно много говорить об особых отношениях между Вашингтоном и Лондоном, но с точки зрения организации командования очень важную роль играет лингвистический фактор. Именно он, на наш взгляд, наряду с другими факторами, оказывает влияние на выбор партнера. Английские и американские военнослужащие говорят, думают, видят сны и мечтают на одном языке. В боевых условиях, когда солдат рискует каждую секунду, взаимопонимание — залог не просто победы, это непременное условие выживания. Другие страны (особенно члены НАТО) будут и дальше оказывать поддержку (финансовую, дипломатическую, пропагандистскую, организационную и т.п.), однако костяк любой следующей коалиции будет англо-американский.

Предложенная администрацией Дж.Буша-старшего концепция «gogue states» («государства — нарушители спокойствия») — великолепный тактический ход, который помог Пентагону убедить конгресс не рубить оборонные программы. Выдержав паузу, США смогли сократить наименее ценные программы, которые забирали слишком много средств, не давая взамен необходимого результата²⁸, сохранив наиболее важные высокотехнологичные проекты, связанные с информационными технологиями, противоракетной обороной и т.п.²⁹ Сегодня претворение в жизнь «Четырехлетнего оборонного плана» (Quadrennial Defense Review), основная идея которого — добиться «полномасштабного доминирования» на поле битвы, во многом стало возможным благодаря решениям, принятым администрацией Дж.Буша. Взят

тый тогда курс на финансирование технологий двойного назначения, новых информационных технологий привел к революции в военном деле.

Однако нам интересны не только конкретные решения, принятые предыдущей республиканской администрацией. Важно понять те принципы, которые исповедовал Дж.Буш-старший и его ближайшие соратники, поскольку нельзя игнорировать тот факт, что нынешняя республиканская администрация не возьмет некоторые из них на вооружение. Тем более что К.Райс, которая является советником по национальной безопасности президента нынешнего, работала в команде Дж.Буша-старшего.

Президент Дж.Буш-старший, как никто из его предшественников (и, по всей видимости, продолжателей), имел богатый опыт внешнеполитической деятельности. В его послужном списке представительство США в ООН, руководство национальным комитетом республиканской партии, руководство дипломатическим представительством США в Китае, пост директора ЦРУ.

Став президентом, Буш перенес сформировавшийся у него в ЦРУ стиль работы в Белый дом. Во-первых, он требовал для себя только "чистую", не отфильтрованную информацию, поставляемую обязательно из разных источников. Во-вторых, всегда сам анализировал и обрабатывал её. В-третьих, делился результатами с очень узким кругом своих помощников. "Мистер Буш и его советники создали ореол туманности и неопределенности относительно своей внешней политики, — писал авторитетный «Нью-Йорк таймс», — однако в узком кругу существовало четкое представление о будущем курсе, особенно если это касалось советско-американских отношений»³⁰.

На протяжении всей карьеры у Буша формировалось свое понимание той важнейшей роли, которую играет сила, и в частности армия, в достижении основных целей национальной стратегии и для успешного ведения переговоров с другими государствами. Буш искренне верил во взаимосвязь между внешней политикой и военной силой. Анализируя внешнюю политику Дж.Буша-старшего, бывший дипломат и специалист по Ближнему Востоку Д.Сиско писал, что "тот не рассматривал силовые методы и дипломатические средства в качестве альтернативных. Для него они взаимодополняют друг друга"³¹. По общему мнению многих наблюдателей, Буш был менее "сентиментален", чем Рейган, в вопросах использования силы в международных отношениях. Он, в отличие от последнего, всегда готов был действовать³².

На рубеже 1980–90-х годов американцы имели достаточно слаженную команду, стержнем которой были надежные и доверительные отношения между госсекретарем и президентом. Именно поэтому Дж.Буш принял формулу «два плюс четыре», предложенную Д.Росс и поддержанную Дж.Бейкером, несмотря на сопротивление сотрудников Европейского бюро и СНБ, что позволило решить абсолютно неожиданную для Вашингтона проблему объединения Германии по «американскому сценарию». Помощ-

ник по национальной безопасности генерал Б.Скоукрофт, давно знакомый президенту по совместной работе еще в администрации Г.Форда, то же сыграл важную роль. В отличие от его предшественников, вспоминал Д.Бейкер, Скоукрофт «не был отравлен чрезмерным эго...» Он всегда был честным брокером президента³³. Сам помощник президента видел свою роль лишь в качестве координатора и выступал против выполнения Советом национальной безопасности функций госдепа или министерства обороны³⁴. Свои обязанности он видел в информировании президента о международной ситуации, в представлении взглядов и позиций департаментов, в определении приоритетности проблем, требующих решений президента, в контроле процесса прохождения директив СНБ. Любопытное наблюдение, но анализируя воспоминания Дж.Бейкера и его «противников» по вопросу механизмов объединения Германии Ф.Зеликова и К.Райс, приходишь к выводу, что отсутствие межбюрократических противоречий на высшем уровне позволило оперативно решить сложнейшие проблемы, с которыми столкнулось руководство США в связи с крахом социалистической системы в Европе.

Одновременно нельзя не обратить внимание на факты, впервые представленные Р.Хатчингсом (сотрудник аппарата СНБ, затем советник Л.Иглбергера). Несмотря на опыт членов новой администрации, она столкнулась с большим количеством организационно-структурных нелепостей, приведших на начальном этапе к потере столь драгоценного в тот период времени. Например, процесс разработки национальной стратегии, в котором были задействованы эксперты различных ведомств исполнительной и законодательной ветвей власти на начальном этапе (1989 – зима 1991 гг.) отличался несогласованностью в работе экспертов среднего звена Пентагона. "Единый план" был опубликован в октябре 1991 г., тогда как сама военная стратегия увидела свет лишь в январе следующего года (должно быть наоборот). Не был подготовлен также и другой требуемый по акту Голдуотер-Никольса документ – "Руководство" начальника ОКНШ. Все это (если принять во внимание неспособность гражданских экспертов государственного департамента по заданию президента подготовить новую национальную стратегию) привело к сужению круга лиц, реально разрабатывавших и принимавших ответственные внешнеполитические решения. Таким образом, на высшем уровне был достигнут консенсус, однако противоречия и разногласия на среднем уровне тормозили процесс разработки новой внешнеполитической стратегии.

Состав администрации У.Клинтона отражал новое лицо новой Америки. Пришедшая в 1993 г. в Белый дом команда во главе с президентом-саксофонистом была более разнообразной по половому и этническому признакам. Однако по профессиональному признаку она мало отличалась от предыдущих администраций. Основу составили юристы или выпускники престижных колледжей и университетов, в основном Северо-Восточной Америки. То, что всегда отличало внешнеполитическую элиту США от дру-

гих групп населения – это приверженность интернационалистским идеям. Широкий взгляд на мировые проблемы – это то, что цементирует элиту, в отличие от членов конгресса, бюрократов среднего звена и бизнесменов³⁵. Те, кто профессионально занимается международными отношениями, быстрее воспринимает идеи глобализации, которые и старается популяризировать в обществе.

Большой бизнес и внешняя политика США. Еще будучи студентом, познакомился с книгой «Кто управляет Америкой», где приводились факты прямого и косвенного влияния крупнейших корпораций и фирм на политику США. Тогда мы часто преувеличивали этот фактор, забывая, что государство также призвано учитывать интересы и этой части общества. Нет ничего удивительного в том, что финансово-промышленные группы (термин, ставший особенно популярным в современной России), стремятся влиять в том числе и на внешнюю политику. К сожалению, бывает так, что интересы той или иной корпорации не совпадают с интересами государства. Особенно часто это происходит в сфере оборонного заказа.

Как и Дж.Картер, который, кстати, сделал больше для увеличения расходов на военные нужды, чем Р.Рейган, У.Клинтон вел свою предвыборную кампанию, обещая реформирование армии и эффективное использование «мирных дивидендов». Назначенный министром обороны Лес Аспин (влиятельный либеральный конгрессмен от штата Висконсин) в середине 80-х годов лоббировал интересы ВПК, защищая рейгановскую программу строительства ракет MX. Предложенный его ведомством военный бюджет, как мы видели выше, мало отличался от стандартов периода холодной войны.

Сменивший его в 1994 г. на посту шефа Пентагона У.Перри в период картеровской администрации способствовал перевооружению американских ВВС, защищая программу производства B-2. При назначении в министерство обороны, журналисты вспомнили его активную работу по внедрению технологии «Стелс», которую многие военные окрестили «наибольшим надувательством» в истории развития военных технологий.

У.Перри, Д.Дейч (руководитель ЦРУ) и П.Камински (Пентагон) являются совладельцами Кембриджской исследовательской ассоциации, МакЛин, Вирджиния, которая в 1995 г. получила контракт на сумму 800000 долл. для разработки самолета XXI века.

Вполне объяснимо, что при таком мощном использовании «административного ресурса» оружие, которое было спроектировано для нейтрализации советской угрозы, продолжало закупаться – транспортный самолет С-17 (впервые был представлен в 1981 г.), самолет разведчик Е-8А (1983 г.), истребитель F-22 (1982 г.), спутник связи MILSTAR (1983 г.), ракета Трайдент-2 (1979 г.).

Таким образом, Пентагон пошел на сохранение, пусть и в меньшем объеме, основных программ периода холодной войны. Оборонное сообщество активно «поддерживало» своих конгрессменов и сенаторов. В 1993–1994

годах члены конгресса получили около 7.5 млн. долл. Заинтересованные компании военно-промышленного комплекса за этот же период передали членам комитета палаты представителей по национальной безопасности 1.2 млн. долл.³⁶ Такая же «поддержка» была предоставлена и нужным членам верхней палаты конгресса. Именно этим можно объяснить принятое решение о выделении в 1995 г. дополнительных 553 млн. долл. для финансирования программы производства B-2, хотя всем были известны результаты специального исследования, проведенного ВВС, рекомендовавшего вместо одобренной программы модифицировать уже имеющийся парк B-52, что было бы значительную экономию средств.

Самолеты, сделанные по технологии «Стелс», показали свою низкую эффективность во время войны в Персидском заливе. Британский эсминец засек B-2 на расстоянии 40 миль. Американские радары засекали эти самолета на расстоянии 200 миль.

Уникальную практику использовали, например, лоббисты корпорации «Дженерал дайнэмикс», добиваясь государственного финансирования производства F-16. В сентябре 1992 г. каждый член конгресса получил атлас США, где были помечены все штаты и избирательные округа, получавшие прибыль от производства этого дорогостоящего самолета. Реакцию парламентария предсказать не трудно, если он увидел на карте свой штат или округ, отмеченный старательными лоббистами.

Самолет F-22 был спроектирован и создан для проникновения на территорию СССР. Стоимость программы составила более 70 млн. долл. «Локхид», производящий самолет, активно лоббировал продолжение программы, доказывая, что многие страны имеют на вооружении очень «продвинутые» самолеты, некоторые из которых тоже производит «Локхид». Представители производителя говорили об угрозе советских МиГ-29, которые находятся на вооружении Северной Кореи, для американских F-16, стоящих на вооружении Южной Кореи и Канады. Доходило до парадоксов. «Локхид» хвалился своим детищем, отмечая способность самолета спрятаться от собственного радара, который компания размещает на экспортируемых в другие страны самолеты.

Для того чтобы новые виды вооружений выглядели более убедительными, Пентагон и заинтересованные корпорации часто корректировали результаты испытаний, которые не всегда давали положительный результат. Около 500 млн. долл. было затрачено на разработку и производство радара системы хай-тэк «Эгида», который был спроектирован для обнаружения, слежения и уничтожения одновременно 200 ракет. После «успешных» испытаний в Нью-Джерси, где он следил за «перегруженным» небом над Нью-Йоркским аэропортом, радар был закуплен военными. В 1988 г. ошибка оператора и технические недостатки радара привели к страшной трагедии в небе над Персидским заливом. Тогда был сбит иранский аэробус с 290 пассажирами на борту. Радар «ошибочно» принял набиравший высоту граж-

данский самолет (длина около 60 метров) за готовящийся к нападению военный F-14 (около 20 метров).

Особой критике подверглась программа финансирования транспортных самолетов C-17. В ВВС он появился сразу после ввода советских войск в Афганистан и планировался для быстрой переброски людей и материалов на отдаленный театр военных действий. Изначально Пентагон планировал закупить 210 таких самолетов, запросив 32 млрд. долл. (выходило, что один самолет стоил 152 млн. долл.). Однако в 1990 г. военные вынуждены были пойти на «сокращение» программы, заказав 120 самолетов, потратив 36 млрд. долл. (333 млн. за один самолет). В конце 1993 г. Пентагон принял решение закупить всего 40 самолетов, предположительно потратив на эти цели 28 млрд. долл. (около 700 млн. за один самолет).

Компания-производитель «Макдональд дуглас» затратила большие деньги для того, чтобы самолет был более привлекателен, хотя у экспертов возникали серьезные вопросы по техническим характеристикам машины. Модернизированный Боинг-747 может выполнить сходные задачи, и это, по мнению Исследовательской службы конгресса США, было бы намного дешевле. C-17 требует особой полосы для разгона и посадки, у него отмечалась «конструктивная непрочность крыльев» и ряд других технически несовершенных компонентов.

Особую роль в продвижении интересов ВПК в 80—90-е годы играл ушедший в 1996 г. в отставку влиятельный сенатор С. Нанн. Он, как руководитель сенатского военного комитета, имел мощный аппарат сотрудников, который активно защищал оборонный бюджет от неизбежных сокращений первой половины 90-х годов. Тогда, после охватившей общественность эйфории «победы над империей зла» было очень трудно сохранить уровень расходов периода холодной войны. Конечно же, особое внимание со стороны влиятельного сенатора получила все та же корпорация «Локхид», базирующаяся в штате Джорджия. Тогда демократы пошли на маленькую хитрость, перераспределив часть средств оборонного бюджета на «невоенные цели». Позднее эти статьи расходов подвергнутся резкой критике со стороны республиканцев, которые считали, что это приводит к недофинансированию американской армии, боеготовность которой снижается. Именно в первой половине 90-х годов Пентагон получил средства на строительство в Джорджии (штат С. Нанна) Центра по исследованию влияния военных на загрязнение окружающей среды. Армия получила более 200 млн. долл. на исследования рака груди. С. Нанн был даже готов использовать военных в качестве сотрудников Корпуса мира.

Особую заботу некоторых аналитиков, вызывает проникновение иностранных денег в процесс разработки и даже принятия внешнеполитических решений. Японское лобби, например, ежегодно тратит около 400 млн. долл. для защиты интересов Японии в Америке³⁷. Два ведущих научно-аналитических центра США (Брукингский институт и ЦСМИ) еще недавно

подвергались критике за «некритический подход» в сборе средств. Японские корпорации щедро финансировали научно-исследовательские проекты этих «мозговых центров»³⁸. Тем не менее существующая система принятия внешнеполитических решений, по мнению Г. Адамса, не позволяет корпорациям единолично хозяйничать на этом поле³⁹.

Региональный фактор во внешней политике США. Глобализация и окончание холодной войны способствовали росту авторитета тех экспертов, которые считали, что федеральный центр должен дать регионам большую самостоятельность в проведении внешнеэкономической политики. Калифорния может вполне рассматриваться как независимый актор на международной арене, поскольку сильно отличается по демографическим и лингвистическим показателям от США в целом. Более того, экономические показатели выводят Калифорнию в первую десятку экономически развитых государств⁴⁰. По мнению Дж. Голдсборо, лучшее будущее для Калифорнии — осуществлять собственную внешнюю политику. Ей необходимо восстановить старые отношения с Мексикой, что позволит решить многие экономические проблемы, такие, как проблемы нелегальной иммиграции и преступности. Калифорния также заинтересована в быстро развивающихся районах Тихоокеанского региона⁴¹.

Внешнеполитическая активность штатов стала нарастать как форма протеста внешней политике, проводившейся администрациями Р. Рейгана и Дж. Буша⁴². Особенно большой толчок местной инициативе дало движение по замораживанию ядерных программ и гонки вооружения. В регионах появились проекты, в рамках которых местные энергетические компании отказывались от контактов с предприятиями и компаниями, связанными с федеральными властями в развитии ядерных технологий военного назначения⁴³.

Региональные политики стали достаточно часто обращаться к внешнеполитическим проблемам, особенно когда это помогало консолидировать голоса представителей той или иной этнической общины. Мэр Сан-Франциско У. Браун в 1996 г. демонстративно вылил бутылку ирландского виски в знак протеста против дискриминационной практики принятия на работу на фабрики фирмы Бушмил. Это стало своего рода началом новой традиции, хотя уничтожение продуктов в море не является чем-то оригинальным в США. Достаточно вспомнить «бостонское чаепитие».

Тем не менее многие штаты стали брать на себя ведущую роль в решении региональных проблем американской внешней политики. Американо-кубинские отношения уже стабильно рассматриваются через призму интересов южной Флориды. Катастрофическая ситуация, сложившаяся в связи с ростом иммиграции гаитянских беженцев на территорию Флориды, заставила власти штата оказать давление на Белый дом, добиваясь от него принятия кардинальных решений. В канун выборов У. Клинтон соглашается на операцию по вооруженному «восстановлению демократии» на Гаити.

Губернатор штата Вашингтон Б.Гарднер заявил в 1988 г., что штат больше не нуждается в руководящей роли департамента торговли в вопросах развития международной торговли и привлечения иностранных инвестиций⁴⁴. Власти штата пошли на открытие собственного офиса в Токио. А в Мировой торговой комиссии Калифорния выступает как независимый игрок на международном рынке. Многие приграничные города США активно участвуют в создании особых приграничных экономических зон: Северный Вашингтон и Британская Колумбия, Эль-Пасо (Техас) и Жуарез (Мексика).

Юридические и конституционные аспекты внешнеполитической деятельности штатов в США хорошо регламентированы⁴⁵. Однако федеральным властям достаточно трудно противостоять росту экономической самостоятельности регионов, хотя они достаточно жестко следят за соблюдением конституционной ответственности по всем другим вопросам, имеющим отношение к национальной безопасности.

* * *

Целый ряд внутривластных факторов оказывает влияние на внешнюю политику США. Изменение демографической ситуации влечет за собой изменение настроений в обществе по вопросу участия американских военных в международных конфликтах, а также меняет региональный вектор внешней политики США. Продолжающаяся дискуссия о размерах, характере иностранной помощи, на наш взгляд, закончится появлением новых реципиентов. Старые приоритеты и направления заменятся новыми. Европоцентристская традиция уйдет в прошлое вместе с уходящим поколением современной внешнеполитической элиты. В ближайшее время произойдет системное крушение существовавшего национального консенсуса, обеспечивавшего строгий порядок в определении американских целей. «Вектор исторического развития североатлантической зоны начал смещаться с центростремительного на центробежное направление»⁴⁶. Несмотря на увеличение взаимозависимости, экономические интересы разных центров силы различны. США имеют НАФТА, Западная Европа – Европейский союз. В этой связи, просматривается один стабилизирующий фактор американской внешней политики – это традиционная инерция государственного аппарата, который базируется на защите традиционных интересов. В то же время крупнейшие корпорации и фирмы, которые хотя и становятся все более «наднациональными», тем не менее «помогают» политикам не спешить с принятием популистских решений, способных нанести вред американской экономике, а значит ее престижу и международному авторитету.

Примечания

- ¹ E.Luttwak, Where Are the Great Powers? At Home with the Kids // Foreign Affairs, July/August 1994. P.3-8.
- ² W.Moore, The Military Must Revive Its Warrior Spirit // Wall Street Journal, October 27, 1998.
- ³ США на рубеже веков. М., 2000. С. 169.
- ⁴ Там же.
- ⁵ См., например: Колобов О.А., Корнилов А.А., Макарычев А.С., Сергунин А.А. Процесс принятия внешнеполитических решений: исторический опыт США, Западной Европы и Государства Израиль. Н.Новгород: Изд-во ННГУ, 1993.
- ⁶ Emigration and Ethnicity. The Integration of America's Newest Arrivals. Wash.D.C. The Urban Institute Press, 1994. P.42.
- ⁷ Ibidem. P.44.
- ⁸ Выступление директора Центра Маршалла в Германии, посла Джаковича на конференции в Нижнем Новгороде. Ноябрь 1999 г.
- ⁹ См. подробнее: Рыхтик М.И. Американская культура и национальная стратегия // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И.Лобачевского. История. Социология. Политология. Н.Новгород: Изд-во ННГУ, 1996. С. 61-68.
- ¹⁰ Цит. по: США на рубеже веков. М.: Наука, 2000. С. 171.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Указ.соч. С.172.
- ¹³ Уткин А.И. Указ.соч. С.139.
- ¹⁴ News Release, CBS News // The New York Times, July 9, 1987.
- ¹⁵ The Constitution and National Security. P. 139.
- ¹⁶ Ibid. P. 140.
- ¹⁷ П.Холландер. Антиамериканизм: рациональный и иррациональный. Санкт-Петербург.: Изд-во «Лань», 2000. С.87.
- ¹⁸ См. подробнее: Спасский Н. Новое мышление по-американски // МЭМО. N 12, 1991. С. 5-24.
- ¹⁹ A.Erdman, The U.S. Presumption of Quick, Costless Wars, // Orbis, Volume 43, Number 3, Summer 1999. P.364-367.
- ²⁰ Ibid. P.372.
- ²¹ П.Холландер Указ. соч. С. 69-87.
- ²² Социально-экономическая эффективность: опыт США. Система саморазвития. М.: Наука, 2000. С.60.
- ²³ В 1997 г. состоялось торжественное открытие архива и музея Джорджа Буша, три здания которого уютно расположились на территории Техасского университета, в Колледж-Парке, штат Техас. Выдержав положенные по закону пять лет после официального прекращения президентских полномочий, один из самых опытных президентов США, чей вклад в преобразование внутренней и внешней политики своей страны еще предстоит изучить специалистам, открыл очередную Мекку для историков-американистов. Официальная церемония открытия, на которой присутствовали все ныне здравствующие президенты США; конференция, организованная институтом Дж.Бейкера и ряд других публичных мероприятий, прошедших с участием Джорджа Буша, привлекли внимание общественности к семье бывшего президента.
- ²⁴ Рыхтик М.И. Основные направления национальной стратегии США в 90-х годах // Нижегородский журнал международных исследований. 1995. № 5.
- ²⁵ The Washington Post, July 30, 1989. P. A1, A18-19.

²⁶ Hoffman D. Zip my Lips: Bush's Secret Conduct of U.S. Policy // Washington Post, January 7, 1990. P. B-B2.

²⁷ James A. Baker III with Thomas M. DeFranks. The Politics of Diplomacy: Revolution, War & Peace, 1989-1992. By N.Y.: G.P. Putnam's Sons, 1995, 687 p.; Germany United and Europe Transformed: A Study in Statecraft. By Philip Zelikow and Condoleezza Rice. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1995, 493 p.; Robert L. Hutchings. American Diplomacy and the End of the Cold War: An Insider's Account of US Policy in Europe, 1989-1992. Baltimore, Md.: The Johns Hopkins University Press, 1997, 456 p.; Herbert S. Parmet. George Bush: The Life of a Lone Star Yankee, Scribner: A Lisa Brew Book, 1997, 576 p.

²⁸ Например, программу строительства новых самолетов B-2

²⁹ The Military Balance 1998/99. The International Institute for Strategic Studies. London, 1998. P. 12.

³⁰ The New York Times, November 6, 1989. P. A14.

³¹ Sisco J. Bush's Deft Hostage Policy // The New York Times, August 15, 1989. P. A21.

³² Evans R., Novak R. Bush: ough Backstage // The Washington Post, August 4, 1989. P. A23., Hoffman D. President Signals Willingness to Be More Flexible // The Washington Post, August 5, 1989. P. A1.

³³ Baker. Op. Cit. P. 25.

³⁴ Ibid

³⁵ McCormick T., America's Half Century. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1995. P. 12-16.

³⁶ A. Cockburn, and K. Silverstein, Washington Babylon, N.Y.: Verso, 1996. P. 164.

³⁷ Interest Group Politics, A. Cigler and B. Loomis, eds., Washington D.C.: Congressional Quarterly Press, 1995. P. 365, 361.

³⁸ J. Judis, The Japanese megaphone, in The Domestic Sources of American Foreign Policy, Wittkopf, ed., N.Y.: St. Martin's, 1994.

³⁹ Ibidem. P. 106-107.

⁴⁰ J. Goldsborough, California's Foreign Policy, // Foreign Affairs, 72, 1993. P. 88-96.

⁴¹ Ibid.

⁴² J. Dumbrell, The Making of US Foreign Policy. N.Y.: Manchester University Press, 1997. P. 188.

⁴³ Ibidem.

⁴⁴ Ibidem.

⁴⁵ В качестве субъектов международного права (и соответственно международных отношений) могут выступать как унитарные, так и федеративные государства. Унитарное государство участвует в международных отношениях как единый субъект международного права, и вопросы международной правосубъектности его составных частей в этом случае не возникают. Иное дело — федеративные государства. Они считаются сложными государствами. Члены федерации (республики, области, штаты, земли и т.д.) сохраняют определенную внутригосударственную самостоятельность, но, как правило, не обладают конституционным правом самостоятельного участия во внешних сношениях. Таким образом, они не являются субъектами международного права. В этом случае федерация в целом выступает на международной арене в качестве единого субъекта международного права. Внешнеполитическая деятельность многих федеративных государств подтверждает данный тезис. В США, например, согласно конституции, ни один штат не может вступать в договоры, союзы и конфедерации, ни один штат не может без согласия конгресса заключать соглашения или конвенции с другим штатом или с иностранной державой.

⁴⁶ Уткин А.И. Указ. соч. С. 163.

ГЛАВА 4

ВОЗДЕЙСТВИЕ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА ВНЕШНЮЮ ПОЛИТИКУ США

Важнейшим фактором, во многом определяющим позицию администрации по тем или иным внешнеполитическим проблемам, являются внутриполитические интересы и ограничители в самих США. Во-первых, с 1994 г. в США сложилась особая ситуация, когда исполнительная и законодательная ветви власти находились под контролем разных политических сил. На протяжении второй половины 90-х годов консервативная интеллектуальная элита пыталась противопоставить демократической администрации новую шкалу национальных приоритетов, предлагая альтернативные пути развития как внутренней, так и внешней политики. Сегодня мы можем стать свидетелями смены внешнеполитической парадигмы в США, что связано с приходом республиканской администрации Дж. Буша-младшего. Целое поколение политиков, ассоциирующих себя с республиканской партией, заняло место у государственного штурвала, привнеся с собой «новые» идеи и принципы. Во-вторых, с окончанием холодной войны изменилось настроение американского общества по важнейшим вопросам внутриполитической и международной жизни. Проблемы последней явно меньше интересуют современных американцев. Более того, в самом обществе происходят необратимые социально-демографические изменения, за которыми последуют корректировки внешнеполитической стратегии Соединенных Штатов. Даже война в Косово «не завела» общественное мнение в США и вызвала достаточно прохладную реакцию на Капитолийском холме. Видимо, должно произойти что-то чудовищное на самой американской территории, чтобы общество могло быть мобилизовано на крупномасштабную внешнеполитическую акцию¹. В-третьих, в конце 90-х произошло очередное объединение позиций представителей ведущих политико-идеологических школ и направлений по отдельным вопросам внешней политики (политика в отношении Китая, расширение НАТО, размеры военных расходов). Это случилось во многом по тактическим соображениям, ибо как демократы, так и республиканцы не имели четкого стратегического видения будущей внешней политики США. Такая ситуация не является уникальной. В 80-е годы Рональду Рейгану удалось создать двухпартийную коалицию, объединив консервативных экономистов, неоконсерваторов, «реалистов эпохи Киссенджера» и центристов

обеих партий. Тогда это произошло на базе объединения различных политических сил против советской угрозы. При отсутствии единого врага на международной арене, демократическая администрация не имела такого монолитного объединяющего начала. Появившиеся в 1996 г. статьи двух неоконсерваторов У.Кристола и Р.Кагана положили начало консервативных дебатов по важнейшим вопросам международных отношений.

Необходимо оживить «черный ящик» К.Уолтца и вслед за неореалистами более внимательно рассмотреть организационные, бюрократические, технические и политические факторы, влияющие на процесс принятия внешнеполитических решений в США. Изменение национальной стратегии происходит не только под влиянием внешних факторов, но и во многом определяется изменениями, которые происходят в самом американском обществе².

Консервативная внешнеполитическая мысль в США в 90-е гг. В 1990-е гг. произошло очередное сближение позиций консерваторов и либералов по вопросам внешней политики. В целом последнее десятилетие XX века характеризовалось снижением интереса к международным отношениям среди американцев. Война в Косово не оказала существенного влияния на общественное мнение в США. Политики, представляющие разные политические лагеря, находят понимание у друг друга по некоторым принципиальным вопросам, таким, как создание НАФТА (как либералы, так и консерваторы выступали против этого соглашения), ужесточение иммиграционной политики. Протест против слишком мягкой позиции администрации Клинтона в отношении нарушения прав человека в Китае объединил консерватора П.Бьюкенена и либерала Р.Гепхарда.

В ходе предвыборной президентской кампании 1996 г. консерваторы попытались активизировать дебаты по важнейшим международным проблемам. В 1996 г. в *Foreign Affairs* были опубликованы две статьи, представляющие разные направления развития консервативной внешнеполитической мысли³. Выдвинутые для обсуждения общественности идеи должны были послужить основой для формирования внешней и оборонной политики республиканской партии.

Два года назад был проведен специальный опрос представителей интеллектуальной, политической и военной элиты США, считавших себя консерваторами. Опрос проходил по методу, разработанному экспертами Фонда наследия⁴. Основные результаты опроса были представлены в статье М.Нуннана, опубликованной в журнале «Орбис» в конце 1999 г.⁵ Опрос не затрагивал широкие круги общественности, на вопросы отвечали только те, кто считает себя консерватором (или неоконсерватором, либо центристом, либо либертарианцем)⁶. Надо заметить, что журнал издает один из консервативных «мозговых центров» США, еще недавно выполнявший заказы военных ведомств, Институт изучения внешней политики в Филадельфии.

На вопрос о том, должны ли США сохранить лидерство в международных отношениях после холодной войны, 85,4% респондентов ответили положительно⁷. На вопрос, должны ли США освободить себя от занимаемого статуса лидера международных отношений, 76,9 % ответили, что либо не согласны категорически, либо же просто не согласны. Консерваторы так же единодушно протестуют против зависимости участия США в разрешении международных конфликтов от поддержки международного сообщества или союзников. Таким образом, они настаивают на необходимости поддержания такого потенциала, который позволил бы Соединенным Штатам действовать самостоятельно на международной арене, если того требуют американские национальные интересы.

Что касается региональных направлений внешней политики США, то здесь среди консерваторов нет единства. Проблема расширения НАТО, российско-американские отношения и в какой-то степени политика в отношении Китая разделила правых. Что касается России, то мало кто среди консерваторов сомневается в том, что сохранение дружественного США режима в Москве отвечает национальным интересам США. Относительно Китая большинство поддерживает проведение прагматичного курса, основанного на защите американских интересов⁸.

Особую заинтересованность консервативные силы проявляют в отношении разведывательного сообщества. Его репутация была несколько подпорчена (неспособность зафиксировать проведение ядерных испытаний в Индии и Пакистане, шпионский скандал с Китаем, предательская деятельность некоторых сотрудников, приведшая к утечке сверхсекретных сведений и т.д.), однако в последние годы центральное разведывательное сообщество, агентство по национальной безопасности и другие ведомства развернули широкую рекламную кампанию, популяризируя службу и работу своих организаций. Кризис в разведывательном сообществе стал следствием некоторого пренебрежения к человеческому фактору в осуществлении разведывательной деятельности, что, по мнению консерваторов, пагубно сказалось на эффективности работы.

Особое недовольство консерваторов вызывала непоследовательность администрации Клинтона в вопросе о защите прав человека и распространении демократических идеалов и ценностей. Зафиксировав это в качестве основополагающих принципов внешней политики, Белый дом, однако, стал заложником собственной некомпетентности. Почти сразу же после официальной констатации фактов нарушения Китаем прав человека (государственный департамент ежегодно включал Китай в списки стран, где нарушаются права человека) У.Клинтон под давлением прокитайского лобби все равно предоставил ему статус наибольшего благоприятствования в торговле. Такое открытое пренебрежение собственно заявленным принципам вызыва-

ет серьезные нарекание правых⁹. После провала операции в Сомали доктрина «расширения демократии» была дискредитирована. Потребовался успех на Гаити (однако вторжение в эту страну было осуществлено по совершенно иным причинам), чтобы возродить внимание общественности к этой романтической доктрине.

Что может характеризовать общую консервативную позицию по вопросам внешней политики и обороны. Есть несколько ключевых моментов, которые объединяют представителей разных направлений консервативной мысли. Во-первых, убежденность в необходимости сохранения лидирующих позиций США на международной арене. Во-вторых, скептическая оценка эффективности международных организаций, поэтому они настаивают на сохранении такого потенциала, который бы позволил Соединенным Штатам действовать самостоятельно на международной арене. В этой связи выдвигается требование повышения боеготовности армии. В-третьих, выступая с критикой оборонного бюджета, предлагавшегося демократической администрацией, консерваторы ратуют за увеличение расходов на военные нужды. Однако это не кардинально отличные суммы, учитывая, что сами военные порой выступают против финансирования тех или иных программ, которые они считают устаревшими (об этом мы говорим подробнее ниже). Однако есть программа, защита которой объединяет как республиканцев, так и правых демократов – создание системы национальной противоракетной обороны. В-четвертых, консерваторы выступают за увеличение роли разведывательного сообщества в деле обеспечения национальной безопасности США. И последнее, консерваторы, в целом, выступают за ликвидацию барьеров в международной торговле и поддерживают деятельность ГАТТ. Эти принципы могут объединить консервативную часть общества и повлиять на формирование внешней и оборонной политики республиканской администрации.

Оборонная и внешняя политика республиканской партии. Процесс принятия внешнеполитических решений в США имеет жесткие процедуры и правила. Преследуя конкретные цели в том или ином районе, администрация должна учитывать внутривнутриполитическую ситуацию и принимать во внимание те ограничители, которые влияют на выработку официальной позиции Белого дома. В условиях заметного ослабления внешних ограничителей военно-политического влияния США, внутривнутриполитические факторы стали играть более заметную роль.

Современные внутривнутриполитические дискуссии по вопросам американской внешней политики можно свести к следующим вопросам – условия и степень участия США в международных организациях и институтах и условия применения американской военной силы. На протяжении 90-х гг. консервативное крыло внешнеполитического сообщества США выступало с резких позиций, критикуя политику демократов, направленную на «безусловное

участие США» в многосторонних миротворческих операциях, руководимых неэффективными организациями типа ООН.

Республиканцы, которые доминировали в конце прошлого десятилетия в обеих палатах конгресса, часто пытались сдерживать администрацию в вопросе об использовании вооруженных сил США в региональных конфликтах. Кризисы в Сомали, Боснии и Герцеговине, Гаити, борьба с наркокартелями в странах Латинской Америки и, наконец, Косово – это те конкретные случаи, которые вызвали оживление внутривнутриполитических дискуссий в США по указанным проблемам. Представители консервативного крыла обычно негативно оценивали все решения демократической администрации по этим вопросам. Поддерживая военных, они критиковали демократов, принявших решение использовать армию для выполнения несвойственных для нее функций.

В целом республиканцы пессимистично смотрели на проведение многосторонних военных операций с американским участием. Выдвигались разные аргументы: от необходимости обязательного прямого подчинения исключительно американскому командованию до четкого определения конечных военных политических целей кампании. Однако непоследовательность республиканцев очевидна. Именно администрации Р. Рейгана и Дж. Буша-старшего начали использовать регулярные вооруженные силы для выполнения столь специфических задач, как уничтожение плантаций наркотических растений в странах Латинской Америки, пресечение нелегальной иммиграции и т.д.

Республиканцы столкнулись с той же проблемой, что и демократы – у тех и других отсутствует стратегическое видение долгосрочной внешней политики США. Это как нельзя ярко проявилось во время дебатов по принятию военного бюджета (а именно он отражает настоящую и будущую структуру вооруженных сил), который формируется преимущественно под влиянием внутренних факторов. О кризисе свидетельствовали также «шарахания» администрации Буша-младшего в решении важнейших внешнеполитических проблем. Потребовался год, чтобы новая команда сформировала новые принципы внешней политики.

Дискуссия относительно будущего программы «Стелс» также свидетельствовала об этом. В середине 90-х гг. особенно остро стоял вопрос о приобретении дополнительно 20 самолетов В-2. Уже тогда в официально принятой концепции национальной безопасности и военной доктрине США указывались в качестве основных угроз безопасности региональные конфликты, типа войны в Заливе. В это же время активно изучался опыт миротворческих операций, участие в которых стало «обычным делом» для американских вооруженных сил. Конфликты наподобие войны в Персидском заливе принимались за основу военно-стратегического планирования, и в этой свя-

зи у многих возникал вполне закономерный вопрос — зачем нужны еще 20 В-2, если планируется воевать в Сомали, в Северной Корее или на Гаити.

Ответ на этот вопрос дал ведущий аналитик Фонда наследия Бэйкер Спринг. Доказывая значимость строительства 3 новых ядерных подводных лодок типа «Seawolf», он говорил о необходимости сохранения технологического потенциала, необходимого для дальнейшего совершенствования подводного флота США. По его мнению, подводные лодки типа «Лос-Анджелес» хотя и обеспечивают решение задач сегодняшнего дня, не могут служить эффективной отправной точкой для дальнейшего технологического скачка в будущие десятилетия. Таким образом, подчеркивалась важность сохранения технологического превосходства. Однако если в случае с подводными лодками аргумент технологического характера оправдан, то использовать его же по отношению к В-2 нецелесообразно, ибо сама технология «Стелс» сегодня многими считается малоперспективной.

Тем не менее, выступая за сохранение некоторых, казалось бы, неэффективных оборонных программ, конгрессмены выступали защитниками корпораций, получавших эти заказы. В этом случае партийная принадлежность не имеет слишком большого значения. Но вот аргументы стратегического характера, которые используют активно республиканцы: Дана Рохрабачер (член палаты представителей, штат Калифорния), выступая в защиту означенных оборонных программ, усомнилась в надежности концепции гарантированного взаимного уничтожения в ситуации, когда количество противников неизвестно, и в ближайшее время не обещает какого-либо прояснения.

Надо заметить, что республиканцев в ходе дебатов в 1995—1996 гг. активно поддержали средства массовой информации, которые спекулировали на различных сценариях как санкционированной, так и несанкционированной атаки против США с территории Ближнего Востока, Юго-Восточной Азии, или Северной Кореи.

Завоевав большинство в обеих палатах конгресса, республиканцы с усердием приступили к реализации своей главной цели — стабилизации бюджета. Стремясь уменьшить расходы, наиболее ретивые предложили сократить целые министерства: министерство энергетики и министерство образования, например. Сокращению должны были подвергнуться многие социальные программы. Куда же предполагалось направить средства налогоплательщиков?

Наибольшим вниманием республиканцев пользовались вопросы национальной обороны. Как только встает вопрос приобретения того иного вида вооружений, конгрессмены и сенаторы сразу же из политиков превращаются в бизнесменов. И это вполне объяснимо.

В 1994 г. конгресс выделил средства на приобретение 20 бомбардировщиков «Стелс В-2» на общую сумму 45 млрд. долл. Первоначальное предназначение этих бомбардировщиков — долететь не замеченным средствами

НПО до целей на территории СССР. С распадом Советского Союза многие стали задавать вопрос о целесообразности дальнейшей закупки этих самолетов (изначально Пентагон планировал приобрести 132 таких самолета). Однако в начале 90-х в конгрессе активно сопротивлялись сокращению программы «Стелс», хотя ситуация с В-2 была достаточно смешной, ибо сам Пентагон отказывался от этих чрезмерно дорогих и не очень эффективных самолетов, предлагая модифицировать уже имеющиеся В-2 и В-1.

Однако республиканское большинство конгресса выступало против сворачивания программы В-2. Лидер большинства в палате представителей Ричард Армей видел в финансировании производства этих бомбардировщиков инвестиции в будущее Америки. Тем не менее сами военные вынуждены были согласиться на прекращение закупок этих самолетов.

Особая позиция консерваторов проявилась в вопросе о создании национальной системы противоракетной обороны. В настоящее время ни одна из стран (включая США и Россию) не имеет средств противоракетной обороны, способных уничтожить баллистические ракеты дальнего радиуса действия. На протяжении последних 30 лет в США идут дебаты по вопросу обеспечения защиты своей страны от такой угрозы. Участниками дискуссии являются не только представители академической среды. Поскольку от решения этих вопросов зависит распределение огромных бюджетных средств, к этому активно подключаются политики. Начиная с 1983 г., когда была впервые представлена идея Р.Рейгана о «глобальном щите», США потратили около 40 млрд. долл. на разработки ПРО в надежде получить какую-либо гарантию от угрозы применения противником оружия массового поражения.

В 1995 г. демократы так же выступили против замены F-15 на более современные и дорогие F-22, затраты на приобретение которых (72 млрд. долл.) считались непопустительной роскошью. Республиканцы же, напротив, активно поддержали программу производства F-22, отмечая высокие боевые характеристики этого самолета, который, по их мнению, обеспечит преимущество США в воздухе в начале XXI века.

По тому, как тот или иной политик относится к программе НПО (национальная противоракетная оборона), можно определять его принадлежность к тому или иному лагерю. По сути, этот вопрос стал критерием определения партийности в США. Большинство консерваторов и некоторые из либералов рассматривают проблему создания национальной противоракетной системы обороны в качестве критерия, определяющего партийную принадлежность. Консерваторы полагают, что большинство американцев уверены в защищенности своих домов от ракетного удара. Однако если привести достаточно убедительные доводы против этого тезиса, они поддержат НПО, ибо опасаются атаки со стороны «государств-парий». Напротив, либералы и часть умеренных, считают, что НПО не нужна, ибо нет такой угрозы безопасности

США и ее гражданам. Не случайно, активизация дебатов по вопросу о ПРО происходит в канун выборов. Последний раз это наблюдалось в 1996 г., когда республиканцы ошибочно посчитали, что проблема защиты территории США от ракет дальнего радиуса действия будет в центре предвыборных дискуссий между претендентами на кресло в Белом доме. Тогда они ошиблись. Есть основания полагать, что они повторяют ту же ошибку.

Другой аспект содержания этой дискуссии — степень важности, которую передают сторонники той или иной партии другим механизмам контроля за разоружением. Демократы традиционно выступают за сбалансированный подход, увязывая положения Договора по ПРО, подписанного с СССР, и решение вопроса о создании новой национальной программы по ПРО.

Республиканцы активно призывали к развертыванию НПО, объясняя ее необходимость возрастающей угрозой безопасности США со стороны так называемых государств — нарушителей спокойствия (*rogue states*). Предложенные в 1996 г. республиканцами законопроекты, в случае вступления их в силу, должны были привести к созданию национальной противоракетной обороны. Это, по их мнению, являлось важнейшей задачей стратегии национальной безопасности США на рубеже веков. Только так можно заставить другие страны отказаться от каких-либо попыток разрабатывать межконтинентальные ракеты, способные угрожать территории США. Одобрение такой программы, по мнению консерваторов, подтолкнуло бы лидеров других стран к принятию концепции стратегического сдерживания, оборонной по своей сути, а не наступательной. Таким образом, американцы дали бы толчок развитию оборонных, а не наступательных технологий.

Согласно «Акта о защите Америки», НПО предусматривала создание к 2003 г. системы, позволяющей обеспечить защиту территории США от несанкционированного, ограниченного или случайного запуска ракет с враждебной территории. Со временем НПО должна была обеспечивать защиту и от более массивного и запланированного удара. Республиканцы настоятельно рекомендовали президенту начать переговоры с Россией об изменении в договоре по ПРО. Если подобного соглашения не будет достигнуто, то согласно статье XV этого договора, президент и конгресс должны рассмотреть вариант выхода из этого договора. Данная статья говорит о бессрочности договора, однако предусматривает выход из него в том случае, если одна из сторон решит, что связанные с содержанием договора исключительные обстоятельства поставили под угрозу ее высшие интересы. Для того чтобы воспользоваться статьей XV, американцам надо убедить себя и Россию в том, что ракеты Северной Кореи, Ирака, Индии или Пакистана представляют угрозу безопасности США. Создание доктрины «*rogue states*» в начале 90-х гг. позволяет сторонникам выхода из режима ПРО найти необходимые для этого аргументы.

В отличие от программы республиканцев, которые предложили немедленно начать размещение интерцепторов на земле, в мировом океане и в космическом пространстве, создавая систему, включающую стационарные радары на земле, специальные сенсоры, размещенные в космосе, а также элементы командования, контроля и коммуникаций, Пентагон предложил более осторожную программу. В течение первых трех лет оценить степень угрозы ракетного удара и рассматривать вопрос о размещении дополнительного оборудования на ежегодной основе. Если необходимость такой системы не будет очевидной, дополнительные расходы на технологические исследования придется приостановить, однако регулярный мониторинг будет проводиться.

Как ни странно, но существенную роль в дебатах между республиканцами и администрацией сыграло разведывательное сообщество, которое в последние годы стремилось держаться в стороне от политики. Согласно их прогнозам, никакой угрозы ракетного удара по территории США в ближайшие 15 лет не просматривается. Если даже допустить просчеты в этом прогнозе, они предлагали лишь модифицировать межконтинентальную ракету Минитмен III, которая сможет обеспечить необходимый уровень защиты от несанкционированного запуска с территории «государства — нарушителя спокойствия». Северокорейская ракета Таеро Dong II может лишь достичь Гавайи или части территории Аляски. Администрация так же отказывается рассматривать реальной угрозой со стороны Китая, чьи ракеты в лучшем случае достигнут западного побережья США. Консерваторы же видят возможность такой угрозы в случае вовлечения США в конфликт между Китаем и Тайванем. В этом, на наш взгляд, кроется одна из причин активизации республиканцами обсуждения вопроса безопасности Тайваня с привлечением американской общественности к столь далекой для них проблеме. Уже на протяжении многих лет Китай рассматривается военными экспертами США в рамках стратегии ядерного сдерживания.

Однако оппоненты администрации подвергли сомнению положения документа, подготовленного разведывательными органами, утверждая, что он носит сильно политизированный характер и нацелен на защиту интересов действовавшей тогда администрации Клинтон. На самом деле, по их мнению, технологический и экономический потенциал «государств — нарушителей спокойствия» достаточен для производства оружия массового поражения и средств его доставки на дальние расстояния. При этом, как убеждены сторонники НПО, демократическая администрация не учитывала возможности бесконтрольного нелегального распространения технологий, способных значительно ускорить процесс совершенствования ракетных технологий в заинтересованных странах¹⁰.

В ходе дебатов по вопросу о создании национальной противоракетной обороны наиболее активные ее сторонники перешли на резкую критику заключенного в 1972 г. Договора по ПРО. Договор был достигнут благодаря утвердившемуся тезису о гарантированном взаимном уничтожении. Этот принцип по сути носит наступательный характер, что, по мнению многих республиканцев, аморально. Аморальность заключается в запрете создания более эффективной противоракетной обороны на основе оборонного сдерживания. Последнее отвечает морально-нравственным представлениям американцев о международных отношениях. Сторонники НПО утверждают, что ее создание предотвратит распространение баллистических ракет с разделяющимися боеголовками. Эти аргументы хотя и звучали достаточно убедительно, тем не менее не получили должной поддержки на Капитолийском холме. Среди специалистов-международников в 90-е годы активно обсуждался вопрос об эффективности теории сдерживания вообще.

Наибольшие споры вызвал вопрос о стоимости проекта. Так же как и с ценой расширения НАТО, мы имеем совершенно разнопорядковые цифры. «Мозговые центры», обслуживающие республиканцев, указывали в своих прогнозах цифру от 3 до 7 млрд. долл. (в зависимости от типа интерцепторов). Влиятельный конгрессмен Ливингстон говорил о 13-16 млрд. долл., противники НПО указывали и 60 млрд. долл. Тем не менее эксперты Центра стратегических и бюджетных оценок утверждали, что в случае развертывания ограниченной системы она обойдется в 5 млрд. долл., если же идти на создание полномасштабной системы, то тогда потребуется более 50 млрд. долл.¹¹

Начиная с 60-х годов американская стратегическая мысль работала в направлении, предложенном Германом Ханом, который на уровне теории решал вопросы стратегического сдерживания советской экспансии при одновременной минимизации вероятности развязывания большой войны. Тогда выбор был достаточно прост, и Запад предпочел мирное сосуществование, пошел на разоружение при сохранении доминирования двух центров силы при минимальной вероятности возникновения термоядерной войны. В начале 90-х годов ситуация в корне меняется.

Американцы столкнулись с очень сложным выбором. Тяжело принимать политическое решение о начале многомиллиардного финансирования государственного заказа на создание эффективной оборонной системы в условиях неопределенности. Вашингтонские политики и стратеги стоят сегодня перед тяжелым выбором между приоритетным развитием новых информационных технологий или сохранением устоявшейся структуры вооруженных сил, между традиционными подходами ведения войны и нововведениями, которые повышают как эффективность операций, так и риск их проведения.

Основные программы, финансирование которых обсуждалось в 90-гг. на государственном уровне, отражали борьбу между «сегодня и завтра». То

оружие, которое США в конечном итоге имеет и продолжает разрабатывать, предназначено для решения споров между традиционными субъектами международных отношений – государствами. Но структура международных отношений XXI века будет многоуровневой. Эти механизмы не очень подходят, например, для регулирования отношений между центрами силы, которые формируются вокруг четырех крупнейших мировых бирж: Гонконг, Лондон и Франкфурт, Нью-Йорк. Эти финансовые монстры определяют свои правила игры, которые не всегда носят бесконфликтный характер.

И третий уровень – государство и индивид. Бил Гейтс, Ли Кашин или Усам бен Ладен могут и играют свою партию, заставляя государства или целые международные институты реагировать на те или иные свои решения. 90-е годы дали только толчок новым дискуссиям. Об этом много спорили специалисты-международники, политологи, военные стратеги. Однако теперь настало время принимать политические и финансовые решения.

Оборона и структура военных расходов. Главное требование республиканцев – разработать такой бюджет, который позволил бы финансировать желаемый администрацией уровень вооруженных сил. Известный документ «Bottom-Up Review» (работа над ним была закончена в сентябре 1993) определил основные направления оборонной политики администрации Клинтона. Специалисты Фонда наследия, проанализировав предложенный Белым домом оборонный бюджет, пришли к выводам о недостаточном финансировании даже тех программ, которые были заложены в «Bottom-Up Review». За 1995–1999 гг. предложенная в 1994 г. стратегия развития американских вооруженных сил не получила бы около 100 млрд. долл.¹² Республиканцы в конгрессе проявили серьезную озабоченность по этому поводу, разработав свою шкалу расходов на оборону в течение пяти лет, чтобы выполнить задачи заявленной Белым домом программы.

Республиканцы требовали увеличения финансирования программ по противоракетной обороне. Эту точку зрения разделяет большинство представителей консервативно мыслящей элиты, рассматривая создание системы противоракетной обороны жизненно необходимой задачей обеспечения безопасности США¹³. Первоначально администрация Клинтона предполагала создание системы против ракет малой дальности для защиты американских вооруженных сил, дислоцированных за рубежом. В этой случае откладывается реализация программы создания системы ПРО, рассчитанной против ракет дальнего радиуса действия, способных долетать до территории США. В целом предложенный командой Клинтона бюджет сокращает на 50% расходы по ПРО по сравнению с пятилетним бюджетом администрации Дж.Буша.

Участие американских военных одновременно в 15 международных гуманитарных и миротворческих операциях финансируется за счет средне-

срочной (приобретение уже разработанных видов вооружения и оборудования) и долгосрочной (новые технологии, научные исследования и новые разработки) боевой готовности армии. Предложенный администрацией бюджет предполагал 55%-ное сокращение расходов на перспективные научные исследования и разработки¹⁴. Первыми подверглись сокращению программы модернизации F-22 и армейских вертолетов Comanche.

Проблема, которая объединила контролируемый республиканцами конгресс и Белый дом, это закрытие военных баз. Выводы независимой специальной комиссии рекомендовали сократить внутреннюю военную инфраструктуру на 15 % по сравнению с 1988 г. Предполагаемую сэкономленную сумму предполагалось направить на финансирование научно-исследовательских программ.

Незапланированное участие американских вооруженных сил в разрешении региональных конфликтов наносит серьезные ущерб некоторым оборонным программам. Оккупация Гаити, в которой участвовало около 20 000 человек, стоила американским налогоплательщикам около 1 млрд. долл. В марте 1996 г. закончилось пребывание американских вооруженных сил в Сомали. Эта гуманитарная операция, в ходе которой погибло 40 военнослужащих, стоила более 1 млрд. долл.

Большинство расходов на эти операции шли со счетов министерства обороны США, предназначенных для проведения военных учений и тренировок военно-морских, военно-воздушных и сухопутных сил. Таким образом, сокращались часы налетов летчиков, уменьшалось количество учений и военных маневров. В частности, американцы имели некоторые проблемы с финансированием полетов, обеспечивавших запретный режим над Боснией и Ираком.

Чтобы избежать этого впредь, республиканцы настаивали на принятии дополнительных статей бюджета, финансирующих миротворческие операции. Таким образом у конгресса появилась возможность финансово влиять на участие вооруженных сил в миротворческих операциях. Дело в том, что администрация Клинтона проигнорировала пример Дж. Буша, который формально не нуждался в одобрении участия вооруженных сил США в военной операции, получившей санкцию СБ ООН, против Ирака в 1991 г.

Консерваторы были обеспокоены увеличением расходов оборонного бюджета на гражданские нужды. За 1991–1993 гг. контролируемый демократами конгресс одобрил финансирование таких программ, как чемпионат мира по футболу, олимпийские игры, деятельность гражданского общественного корпуса из средств министерства обороны. По данным ГАО, на эти цели было потрачено около 10,4 млрд. долл. Расходы на гражданские программы за эти годы выросли на 238%, в то время как общие расходы на оборону сократились на 20%. В 1993 г. конгресс запросил у Пентагона 4,6 млрд. долл. на невоенные нужды. Это достаточно большие деньги, для срав-

нения — этих средств достаточно, чтобы приобрести один атомный авианосец, или же это на 800 млн. долл. больше, чем Пентагон затратил на создание противоракетной обороны¹⁵.

Поскольку в планы администрации входило сокращение реальных расходов на оборону, республиканцы предлагали сократить нецелевое использование средств оборонного бюджета.

Особое сопротивление как военных, так и республиканцев вызвала позиция Клинтона по вопросу о службе гомосексуалистов и роли женщин в армии. Политика «не спрашивай, не говори» вызывала много сомнений у консервативной части политиков, поскольку никак не решала проблемы. Республиканцы и высшее военное сообщество заняли жестко отрицательную позицию по службе открытых гомосексуалистов в армии. В конечном итоге, Клинтон потерпел поражение, пытаясь законодательно решить этот вопрос.

Что касается участия женщин в наземных операциях, то здесь опять позиция республиканцев и военных совпала. Пентагон согласился допустить женщин на военные корабли и к пилотированию боевых самолетов, но был против допуска их в армию для участия в наземных боевых операциях¹⁶.

Особую озабоченность республиканцев вызвала политика Белого дома по оказанию помощи другим странам. Программы внешней помощи делятся на три группы. Первая — это содействие экономическому развитию. Вторая — Фонд экономической поддержки. Третья — военная помощь.

Вторая и третья группы рассчитаны на поддержку союзников. Главными реципиентами этих программ уже несколько десятилетий традиционно являются Израиль и Египет. С конца 80-х гг. наблюдается сокращение расходов средств на эти программы.

Наибольшую критику в конгрессе вызывают программы поддержки экономического развития. Цель этих программ — способствовать экономическому развитию стран-реципиентов. Однако в большинстве из них, по мнению многих республиканцев, заявленные цели не достигнуты. Танзания и Индия, получавшие в первой половине 90-х гг. большие суммы в рамках программы помощи, переживают экономический кризис. Напротив, Сингапур и Гонконг без американской помощи достаточно эффективно продвигаются по пути рыночных реформ, достигая заметных успехов в этом. По мнению экспертов Фонда наследия, изучавших эти вопросы, экономическая помощь может привести к возникновению зависимости и отсрочке необходимых экономических реформ в странах, ее получающих. Таким образом, экономическая помощь часто может быть контрпродуктивной, и это необходимо учитывать при выработке четких критериев предоставления такой помощи за счет средств американских налогоплательщиков¹⁷. Республиканцы, как впрочем и многие либералы, с иронией относились к официально заявленным администрацией Клинтона целям программ иностранной помо-

щи. Программы были нацелены на регулирование численности населения, сохранение окружающей среды, укрепление демократии, повышение статуса женщин, усиление роли неправительственных организаций. Понятно, что успешно решить все эти задачи не реально. Республиканцы требовали от администрации Клинтона постановки реальных целей и более продуманного расходования государственных средств.

Как ни старалась М.Олбрайт, совершившая обескураживающее для консерваторов путешествие по стране с целью популяризации политики оказания экономической помощи другим странам, общественное мнение неизменно выступает против этой политики, считая, что слишком много денег расходуется на эти неэффективные проекты¹⁸. Однако, как отмечают многие исследователи, общественность, не зная реальных цифр, сильно преувеличивает размеры этой помощи (за 1998 г. США потратили 13 млрд.долл. на эти цели). Более того, большинство американцев и не догадывается что большая часть средств этих программ расходуется в США. Тем не менее большинство консерваторов уверены в необходимости США способствовать распространению принципов рыночной экономики в мире.

Итак, целый спектр проблем в области обороны и безопасности вызывал несогласие между представителями двух основных лагерей – минималистов и интернационалистов. Последние господствовали в администрации У.Клинтона. Республиканцы, завоевавшие Белый дом, выражают идеи минималистов. Они предлагают экономить силы, настаивая на увеличении доли союзников в расходах по обеспечению безопасности. Это позволит аккумулировать силы для их одностороннего применения в любом стратегически важном регионе. Главный вопрос, ответ на который должен быть найден, какова должна быть степень вовлеченности США в международные проблемы.

Примечания

¹ Террористические акты против американцев за рубежом (взрывы в зданиях посольства в африканских странах, таран эсминца) не вызвали каких-либо особых реакций у населения. Совершенно другая реакция была на события 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне.

² P.Trubowitz, E..Goldman, and E.Rhodes. The Politics of Strategic Adjustment: Ideas, Institutions, and Interests. N.Y.: Columbia University Press, 1999.

³ W.Kristol and R.Kagan, Toward a Neo-Reaganite Foreign Policy. Foreign Affairs, July/August, 1996, pp.18-32; Kim Holmes and John Hillen, Misreading Reagan's Legacy. Foreign Affairs, September/October, 1996, pp.162-167.

⁴ T.Astwood, ed., The Guide to Public Policy Experts, 1997-1998. Wash.D.C.:The Heritage Foundation, 1997.

⁵ Conservative Opinions on U.S. Foreign Policy, Orbis, Fall 1999. P.621-632.

⁶ Ibidem. P.623.

⁷ Ibidem. P.624.

⁸ Ibidem. P.627.

⁹ Harvey Sicherman, The Best and the Brightest Return, Orbis, Fall 1999. P.637.

¹⁰ Steven A.Hildreth. National Missile Defense: The Current Debate. CRS, Number 96-441 F. June 7, 1996.

¹¹ Op. Cit.

¹² Bakr Spring. Clinton's Defense Budget Falls Far Short. Heritage Foundation Backgrounder Update No.217, March 15, 1994.

¹³ M.Noonan, Op.cit. P.631.

¹⁴ Office of the Comptroller, U.S. Department of Defense. National Defense Budget Estimates for FY 1995, 1994. P. 85.

¹⁵ John Ludy. This Is Defense? Non-defense Spending in the Defense Budget. Heritage Foundation F.Y.I., No.14, March 30, 1994.

¹⁶ Presidential Commission on the Assignment of Women in the Armed Forces, Report to the President, November 15, 1992.

¹⁷ Sheehy T. The Index of Economic Freedom: A Tool for Real Reform of Foreign Aid. Backgrounder No. 986, May 6, 1994.

¹⁸ J.Rielly, ed., American Public Opinion and U.S. Foreign Policy 1999. Chicago: Chicago Council on Foreign Relations, 1999.

ГЛАВА 5

НАЧАЛО СТРУКТУРНОЙ ПЕРЕСТРОЙКИ АМЕРИКАНСКИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ И ЗНАЧЕНИЕ ДАННОГО ПРОЦЕССА ДЛЯ ДРУГИХ СТРАН

С начала 1990-х годов в США идет поиск новых принципов военной политики. Многочисленные институты, ассоциированные с Пентагоном, занимаются пересмотром военных программ. За неполные 9 лет появилось три документа, подготовленных Пентагоном, существенно менявших действовавшую военную доктрину — Концепция «базовых сил»¹, Bottom-Up Review (BUR), и Quadrennial Defense Review (QDR). Тем не менее сохранялись некоторые базовые принципы военного строительства, которые обеспечивают гегемонию США в «постхолодном» мире.

Можно выделить три составляющих военно-силового доминирования Соединенных Штатов: боеспособные вооруженные силы, сохранение военного присутствия за рубежом, поддержание эффективной военно-промышленной базы.

Традиционные задачи, которые призваны решать вооруженные силы США:

- сдерживать или в случае провала сдерживания нанести поражение агрессору, в одиночку или с союзниками;
- обеспечить глобальное присутствие и влияние, что означает защиту свободной торговли, распространение демократии, гарантию свободного доступа США к мировому рынку, основным природным ресурсам, воздушному, морскому и космическому пространству;
- поддерживать стабильность и сотрудничество на региональном уровне, что означает сохранение американского военного присутствия, заключение многосторонних и двухсторонних соглашений по безопасности, программы помощи;
- препятствовать нелегальному распространению наркотиков, что означает блокирование мест их производства и перекрытие основных маршрутов транспортировки;
- борьба с терроризмом¹.

С исчезновением с политической карты мира Советского Союза и образованием СНГ, администрация Буша-старшего предложила перейти от сдерживания к стратегии "вовлечения", термин, который активно использо-

вала команда У.Клинтон при реализации принятой в 1995 г. национальной стратегии. Еще одно новшество в организации военного планирования — это переход от стратегии, одной из основных целей которой является мировая война, к стратегии, ориентированной на региональные кризисы.

От «базовых сил» до «Bottom-Up Review». Сокращение расходов на оборону в США началось ещё в середине 80-х годов. С 1985 по 1990 финансовый год, оборонный бюджет США уменьшился на 13%². Более 80% сокращений пришлось на программы по закупке вооружений, научно-исследовательскую работу и строительство новых военных объектов³. Количество, структура и уровень готовности вооруженных сил практически не изменялись. Почти 63% расходов пришлось на ядерное сдерживание Советского Союза, на организацию обороны Западной Европы от нападения со стороны стран Варшавского договора и на защиту основных коммуникаций в Атлантике, Средиземном море и Тихом океане от нападений советских подводных лодок⁴.

Естественно, что распад Советского Союза не мог не повлиять на планы Пентагона. В начале лета 1990 г., когда исполнительная власть закончила предварительные консультации с конгрессом по поводу оборонного бюджета, министр обороны Д.Чейни предложил сократить оборонные расходы, не конкретизируя при этом не только какие программы планируются ликвидировать, но и какой год будет браться для начального отсчета⁵. Данное обстоятельство вызвало недоумение среди членов конгресса. Сознывая допущенную оплошность, несколько месяцев спустя Пентагоном была организована утечка информации, с целью показать общественности работу военных по формированию новой военной стратегии. Так стало известно о разрабатываемой в Пентагоне концепции «базовых сил»⁶.

Начиная с этого времени планы министерства обороны подвергаются постоянной модификации. Несмотря на то что большинство военных стратегов было занято в планировании операций в зоне Персидского залива, небольшая группа экспертов работала над тем, как развернуть военную стратегию на региональный уровень планирования и на разработку стратегии мирного присутствия. Основные принципы будущего военного планирования США были оформлены и представлены весной 1991 г.

Что касается структуры вооруженных сил, то существенному сокращению подверглись стратегические и тактические силы. В то же время запланированное сокращение куда более дорогих неядерных средств практически не пересматривалось. В итоге минимум, необходимый для поддержания достаточного уровня безопасности США, был несколько уменьшен. В предложенном пятилетнем плане расходов на оборону Д.Чейни запросил 267.6 млрд. долл. на 1993 финансовый год и рекомендовал конгрессу согласиться на сокращение этого показателя в ценах 1993 г. до 237 млрд.долл. в

1997 г.⁷ В сумме это давало экономию 47,4 млрд. долл. и вело к сокращению наиболее дорогостоящих программ по закупке вооружений⁸.

Чейни заявил, что реальное сокращение оборонного бюджета к 1997 г. по сравнению с 1985 г. составит 37%. Доля расходов ВВП на оборону уменьшится с 6 до 3,4%, а общие расходы в федеральном бюджете составят 16,3%.⁹ Для того чтобы продемонстрировать масштабность предлагаемых сокращений, Чейни привел цифры увеличения расходов на социальную сферу. Они должны были составить 33% (расходы на оборону сокращаются на 26%)¹⁰. В итоге, расходы на оборону в 1997 г. должны будут соответствовать уровню, существовавшему в США до начала корейской войны.

Однако мы проанализировали предложенные администрацией Дж.Буша-старшего программы сокращения оборонного бюджета и попытались определить, как окончание холодной войны повлияло на планы Пентагона. Для отсчета мы взяли 1990 г. Именно он, по мнению военных стратегов, открывает "постхолодный" период в международных отношениях. Итак, относительно 1990 г. реальные сокращения оборонного бюджета к 1997 г. по планам администрации Дж.Буша составили бы 27,2%, а не 39%. Что касается показателей, исчисляемых относительно ВВП и общего федерального бюджета, то Д.Чейни не акцентировал внимание на том, что в 1997 г. рост ВВП и федерального бюджета будет куда существеннее, чем в 1990 г. Кроме того, 3,4% на оборону от 7 трлн. больше, чем 3,4% от 3 трлн.¹¹

С окончания корейской войны и до начала правления администрации Р.Рейгана (исключая дополнительные расходы на войну в Юго-Восточной Азии) Соединенные Штаты ежегодно расходовали на оборону в среднем 270 млрд. долл. в ценах 1993 г. В течение 8 лет президентства Р.Рейгана расходы увеличились до 319 млрд. долл.¹² Предложенные министром обороны расходы в 286 млрд. в 1993 г. и 250 млрд. в 1997 г. будут на 3 млрд. долл. больше, чем США выделяли военным в 1980 г., когда Советский Союз уже воевал в Афганистане¹³.

Проведенное исследование позволяет оценить, как повлияли происшедшие изменения на планы администрации Дж.Буша-старшего в области расходов на оборону. Основной фактор, обусловивший переоценку роли Америки в мире и ее стратегии национальной безопасности, это осознание конгрессом и администрацией, что доля ресурсов, направляемых на оборонные нужды, не может оставаться прежней. Анализ концепции базовых сил даёт нам возможность оценить "новые" методы и средства обеспечения национальной безопасности в условиях объявленного «нового мирового порядка». Как видно из публичных заявлений высших чинов администрации, в Вашингтоне понимали, что мир стал другим, однако, как следует из цифр, озвученных министром обороны, методы достижения безопасности в этом мире во многом остаются неизменными.

Стратегическое планирование в США в годы холодной войны было направлено на сдерживание советской угрозы. Однако и тогда в планах Вашингтона была не только глобальная ядерная война, вызванная агрессивней в Европе, но и региональные конфликты (военная доктрина ведения одновременно 2,5 и 1,5 войны), что позволило американцам воевать в Корее и Юго-Восточной Азии.

На основании проведенного Пентагоном анализа министр обороны предложил концепцию "стратегической глубины". Она основывалась на том, что угрозы безопасности США стали отдаленными не только географически, но и по времени их проявления. Действительно, с распадом СССР не осталось страны, способной бросить Вашингтону глобальный вызов. Хотя Россия, на территории которой сохраняется 27000 ядерных зарядов, и будет требовать особого внимания военных¹⁴, ни одно из современных государств, по мнению Д.Чейни, не способно представлять серьёзную угрозу с точки зрения обладания передовыми технологиями или новой тактикой ведения войны.

Министр утверждал, что Соединенные Штаты не обладали стратегической глубиной в годы холодной войны, что сказывалось на эффективности защиты национальных интересов¹⁵. Политики и военные могли надеяться получить только одну или две недели предупреждения для организации ответного удара при вторжении армии стран Варшавского договора в Западную Европу, что непременно бы привело к обмену ядерными ударами. Из заявлений американских военных представителей в марте 1991 г. можно заключить следующее. США в основном исходили из того, что в случае возникновения кризиса между двумя сверхдержавами, прямой вооруженный конфликт между ними не может начаться, по меньшей мере, в течение нескольких месяцев¹⁶. В новом мире противник, желающий проверить защищенность американских интересов, встретит отпор коалиции, подобной той, которая была создана во время войны в Персидском заливе. Как следствие, утверждалось, что Соединенные Штаты обладают достаточным потенциалом и стратегической глубиной, чтобы предотвратить появление недемократической враждебно настроенной силы в стратегически важных для безопасности США районах, в числе которых: Европа, Тихий океан, Средиземноморье и Персидский залив¹⁷.

Основу новой военной стратегии составили: стратегическое сдерживание и оборона, передовое присутствие, кризисное реагирование и реконструкция (переустройство)¹⁸. Данные положения получают другое прочтение при добавлении новых стратегических принципов, корректирующих национальную военную стратегию США:

- боеготовность;
- коллективная безопасность;
- контроль над вооружением;
- превосходство в море и в воздушном пространстве;

- стратегическая мобильность;
- проекция силы;
- технологическое преимущество;
- решающая сила¹⁹.

Трудно не согласиться с утверждением российского исследователя Д. Г. Евстафьева, который считал, что основные элементы стратегии США в начале 90-х годов остались в неприкосновенности²⁰. Однако уже в период правления администрации У. Клинтона военные пытались пересмотреть базовые принципы стратегии национальной безопасности. Особенно часто стали говорить о «революции в военном деле»²¹.

Тем не менее многие из «новых» концепций были разработаны и применялись ранее. В середине 90-х годов происходила их интенсивная апробация, что свидетельствовало о серьезных изменениях в принципах стратегического планирования США.

Комбинация "передового присутствия" и "кризисного реагирования" свидетельствовала об отказе от стратегии "передовой обороны", характерной для периода холодной войны. Новые концепции концентрировались на поддержании соответствующего уровня вооруженных сил, расположенных как за рубежом, так и в самих США (базовые силы), достаточного для успешного выполнения поставленных задач. Предполагаемый эффект "передового присутствия" – демонстрация вовлеченности США в мировые дела, поддержка союзников и гарантия стабильности. Функции и возможности обеих концепций – способность быстро и эффективно реагировать на региональные кризисы. Их осуществление не допускало никакого ограничения сил. Обе концепции учитывали ожидаемое сокращение ресурсов, допустимое с точки зрения сохранения их эффективности.

Другой пример, свидетельствовавший о серьезных изменениях в военной стратегии – сращивание стратегического сдерживания, стратегической обороны и реконституции. Хотя доктрина стратегического сдерживания была принята на вооружение еще в 1950-е гг., а стратегическая оборона в середине 1980-х гг., в новой стратегии они приобретали иное содержание. Теперь они концентрировались на возросшей угрозе распространения баллистических ракет в мире и высокой вероятности случайного несанкционированного запуска, причиной чему может стать политическая или социальная нестабильность в странах "третьего мира". Таким образом, основное внимание уделялось оборонным системам наземного базирования, способным обеспечить защиту от ограниченного удара по территории США, американским базам или союзникам. В основе концепции – вероятность появления новой неядерной угрозы. Традиционно сдерживание ассоциировалось только с ядерным оружием. Однако в новой стратегии уделялось большое внимание развитию концепции сдерживания с использованием обычного оружия. Тем не менее США продолжали модернизацию своих стратегиче-

ских ядерных сил и соответствующих командных, контрольных и коммуникационных средств – в том числе в целях поддержания должной эффективности в отражении растущей угрозы со стороны баллистических ракет других государств, помимо России.

Реконституция – это отнюдь не то же, что мобилизация. Цель реконституции – удержать вероятного противника от самой попытки конкурировать в военной области с США, а также сдержать потенциального агрессора, и в случае неудачи сдерживания – быстро восстановить военный потенциал, достаточный для ведения глобальной войны. В документе в дальнейшем дается расшифровка, в чем же заключалась реконституция (переустройство). Она включала в себя оптимизацию обучения и тренировки боевых кадровых подразделений, накопление военного имущества, мобилизацию ранее подготовленного и привлечение нового персонала, активизацию промышленной базы²².

Две другие концепции, также свидетельствовавшие об изменениях в военной стратегии: "стратегическая мобильность" и "решающая сила". До этого все планы военных строились на наличии короткого по времени (1–2 дня) стратегического предупреждения, на высокой вероятности вовлечения СССР в региональный конфликт, способный перерасти в глобальную войну²³. Главной ареной возможного военного противостояния считалась Центральная Европа. Как следствие, стратегические планы ведения глобальной и региональной войны предусматривали приоритетное размещение сил в Европе. Наземные силы, расположенные здесь не планировались для использования на других театрах военных действий²⁴.

Геополитические изменения, затронувшие Европу в начале 90-х гг., позволили внести коррективы в старые планы. Изменения могли быть инкорпорированы в концепцию "стратегической мобильности". "Силы, необходимые для одержания победы, должны быть готовы к быстрой передислокации из любой точки в любой район"²⁵. Использование сил, расположенных в Европе для участия в операции "Буря в пустыне" – наглядная иллюстрация работоспособности новой концепции. Постоянный представитель США в НАТО В. Тафт прямо заявил на слушаниях в конгрессе о том, что все подразделения вооруженных сил США, расположенные как в Соединенных Штатах, так и за рубежом, должны быть готовы к действию в любом регионе мира в короткие сроки²⁶.

Концепция "решающей силы" также характеризовала существенные изменения в военной доктрине США. По существу, это повторение известных принципов министра обороны в администрации Р. Рейгана – К. Уайнбергера. Соединенные Штаты, по его мнению, должны посылать свои вооруженные силы только в те регионы, где затронуты жизненно важные интересы страны, определив четкие задачи, и при этом стремиться к минимальным потерям и всестороннему одобрению предпринимаемых действий со стороны

общественности. В новой стратегии говорилось: коль скоро решение об использовании армии принято, делать это надо решительно и быстро, с минимальными потерями²⁷.

Растущая сложность международных отношений и непредсказуемость поведения многих государств в условиях многополярного мира вызвали необходимость адаптивного планирования, предусматривавшего различные сценарии разрешения конфликтов. Командованию предлагался выбор действий в зависимости от конкретной ситуации. "Мы не можем абсолютно точно предсказать, к какому типу кризиса мы готовимся", – писал адмирал Д.Вейли²⁸. Определенные изменения прослеживались и в структуре вооруженных сил. В основу их дальнейшего строительства был положен, как уже отмечалось выше, принцип базовых сил, определяемых как "необходимый объем сил для использования в новой геополитической ситуации в том виде, в котором она сложилась к настоящему времени, и с учетом будущих изменений"²⁹. Это означало, что США стремились иметь в своем распоряжении такой минимум, который обеспечивал бы полную боеспособность вооруженных сил как системы, и создавал возможности их быстрого наращивания в случае обострения обстановки.

Новая структура вооруженных сил включала четыре основных компонента: стратегические ядерные наступательные и оборонительные силы, атлантические силы, тихоокеанские и силы быстрого реагирования; а также четыре обслуживающих или вспомогательных компонента: военно-транспортный, космический, реконституционный и научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ. Основные сокращения, как явствовало из документов, затронули потенциал, который был создан для противостояния Советскому Союзу и ОВД, то есть для сдерживания, а не для активного использования. Таким образом, после сокращений и модернизации вооруженные силы станут более боеспособными, поскольку будут отсечены наименее ценные с точки зрения активного использования элементы.

Вашингтон считал сокращение обычных вооружений в Европе одной из приоритетных задач, что обусловлено следующими причинами:

Во-первых, после произведенных сокращений решающее значение приобретает "ядерный зонтик", который держит США над Западной Европой, что по замыслу экспертов, заставит европейцев поддерживать более тесные связи с Америкой³⁰.

Во-вторых, сокращение численности американских войск даст определенную экономию средств, которые можно было бы переключить на решение внутренних проблем³¹.

Подчеркивая исключительную важность сохранения американского военного присутствия по периметру Римленда, помощник госсекретаря по военно-политическим вопросам Р.Кларк определял пять основных задач, которые стояли перед военными в новых условиях:

- защита основных морских линий коммуникаций;
- сдерживание на первых порах нападение противника, до проведения мобилизации;
- тыловое обеспечение процесса перевооружения воинских формирований;
- ядерное сдерживание;
- обеспечение четкой работы разведывательных и командно-контрольных структур³².

В 1997 г. в меморандуме Белого дома президента У.Клинтон «Национальная стратегия вовлеченности в мировые дела» были определены задачи американских вооруженных сил по обеспечению национальных интересов США. В основе – подготовка к неопределенным угрозам на основе программ реализации и модернизации³³.

Для успешной реализации стратегии «вовлеченности в мировые дела» предусматривалось следующее: во-первых, способность ВС выполнять множество задач в любой части земного шара (от гуманитарных миссий до крупномасштабной локальной войны). Во-вторых, требование о «передовом присутствии» ВС должно было обеспечивать сдерживание за счет развертывания частей и складирования вооружений в стратегически важных регионах мира. В-третьих, в меморандуме предусматривалось требование о «распространении и проецировании силы», дополняющее условие передового присутствия. И последнее, на вооруженные силы возлагалась задача «обеспечения решающего превосходства». Это предусматривало выделение достаточных средств для подавления любого вооруженного сопротивления, обеспечение превосходства вооруженных сил США и их союзников над войсками потенциального противника в любое время и в любом районе мира. При это ни при каких обстоятельствах президент США, гласит меморандум, не должен передавать кому бы то ни было право управления американскими ВС³⁴.

Военно-политическое руководство в конце 1990-х годов пришло к выводу, что задачи американских вооруженных сил стали менее масштабными, что позволило сократить их численность как на заморских базах, так и на территории США на 30%. Главная задача военной реформы США – обеспечить высокий уровень управляемости, усовершенствовать организацию, техническую оснащенность и выучку военнослужащих. Одна из составляющих этой стратегии – новая военно-техническая политика.

Военно-техническая политика США. Технологическая революция, затронувшая высокоразвитые государства, потребовала новых принципов военно-технического планирования. Пентагон вынужден был пойти на серьез-

ные корректировки, предложив новые принципы военно-технической политики. Это:

- опора на финансируемые государством НИОКР для сохранения технологического лидерства США;
- приоритет образцам, демонстрирующим реальные возможности техники;
- переход от выпуска прототипов к большим сериям только после полного и расширенного цикла испытаний и не во всех случаях;
- переключение с выпуска абсолютно новых типов вооружения на модернизацию и придание новых возможностей старым типам техники³⁵.

В области военно-технической политики негласно была принята концепция перескока производственного цикла, которая предусматривала доведение системы вооружения до стадии опытных образцов малых серий, но отказ от широкомаштабного производства. Фактически это означало удержание технологического лидерства (именно за счет мелкосерийного производства), необходимого для сдерживания возможной угрозы, как на региональном, так и на глобальном уровнях.

Не вызывает сомнений тот факт, что американцы, стремясь подключить к военной сфере весь свой гигантский научный потенциал, рассчитывали на дальнейший отрыв от своих конкурентов в военной технике³⁶. Однако согласно докладу, подготовленному рабочей группой под руководством сенаторов Хейнца и Вёрса, исследовавшей проблемы, вызванные сокращением оборонных расходов, традиционный путь концентрации усилий на каких-то отдельных направлениях военно-технического развития оказался уже полностью неприемлемым³⁷. Было предложено постепенно сократить государственные ассигнования на НИОКР, ориентированные только на военные нужды. Основной упор должен быть сделан на развитии технологий двойного назначения³⁸.

Что касается лидерства Японии в ряде направлений НИОКР, то США стремились решить эту проблему двумя путями. Во-первых, был взят курс на расширение сотрудничества США с Японией в областях, где заметно определенное отставание американцев. Во-вторых, японо-американские переговоры стали охватывать и такую важнейшую сферу, как согласование будущих структурных изменений в экономике в целом и промышленности³⁹. Реализацию этих планов мы можем наблюдать сегодня, когда США заявили о своих планах создать так называемую систему противоракетной обороны театра военных действий (ПРО ТВД) с участием Японии и Тайваня. Практический шаг к осуществлению этих планов – подключение научно-технического и производственного потенциала Японии к созданию системы ПРО ТВД⁴⁰. Осуществляется это в рамках реализации стратегической концепции по созданию в Тихоокеанском регионе организации, подобной НАТО.

По сути, речь идет о том, что США взяли курс на определенную специализацию, решив отказаться от части направлений промышленного и научно-технического развития. Таким образом, была заложена основа для обретения нового качества научно-технического развития в США, причиной чему станет большая концентрация американских расходов на НИОКР⁴¹. Однако на практике, финансирование конкретных программ было не столь удовлетворительным, как того хотел бы Пентагон.

Перспективы развития военной промышленности США, несомненно, тесно связаны с продолжением интенсивной реструктуризации американских вооруженных сил, которая, естественно, отразится на планах разработки и производства вооружения. По заявлению официальных представителей Пентагона, суть новой стратегии и новой структуры американских вооруженных сил заключается в обеспечении гибкости, мобильности и эффективности их действий на региональном и глобальном уровнях при меньшей численности. В эти годы активно развивается процесс универсализации научно-технических достижений в гражданской и военной сферах при лидирующей роли первой, с одновременным повышением требований к уровню специфических характеристик новых систем оружия.

В США отчетливо понимают, что экономическое соперничество государств в области технологий будет продолжаться, несмотря на качественно новую обстановку, сложившуюся в сфере международной безопасности. Именно поэтому одним из приоритетных направлений внешнеполитического курса является пересмотр политики предоставления другим странам технологий, имеющих военное значение⁴². Ведущие эксперты призвали обратить самое пристальное внимание на перспективу перемещения соперничества в производстве вооружений из ядерной в неядерную сферу. По мере того как обычные вооружения станут более эффективными, они заменят ядерное оружие на тактическом, оперативном и даже стратегическом уровнях. Именно из этого исходят американцы, оправдывая свое стремление сохранить лидерство в ключевых областях технологий.

«Новая армия» для «другой» войны. В первой половине 90-х гг. в США проходили серьезные дискуссии по проблеме поддержания необходимого уровня эффективности вооруженных сил. Возникал вполне закономерный вопрос – как измерить эту эффективность? Для ответа на этот вопрос необходимо было четко определиться где, с кем, чем и как воевать в будущем. Решения, принятые в США как республиканской, так и демократической администрациями, определили лицо будущей армии США. Все, что касается эффективности, не может быть реализовано за год-два, сокращение численности, изменение структуры, производство и закупка новых видов оружия требуют времени. Главную задачу, которую выполнил Пентагон в течение 90-х гг. – это умелое балансирование между краткосрочными и долгосрочными интересами.

Стратегические концепции, определившие задачи военного строительства, у обеих администраций были идентичными. Обе предусматривали ведение одновременно двух региональных войн, с участием союзников. Однако параметры «Bottom-Up Review» более скромные, чем концепция «базовых сил». Пентагон вынужден был играть по правилам политической борьбы, что приводило порой к абсурдным решениям. В 1992 г. министерство обороны запросило 15 дивизий (12 армейских и 3 морской пехоты) и 26 боевых эскадрилий ВВС (15 – действующих и 11 в резерве), тогда как год назад для выполнения тех же задач Пентагон просил 13 дивизий (10 и 3) и 20 боевых эскадрилий. Такие расхождения в цифрах свидетельствовали о неготовности военных и политиков прийти к согласию относительно структуры будущих военных расходов.

Одновременно возникли опасения, что ни «Base Force» ни «Bottom-Up Review» не получат достаточного финансирования, чтобы выполнить те задачи, которые были заложены в этих программах. В дальнейшем конгресс, который в 1994 г. взял под контроль республиканцы, неизменно увеличивал расходы на оборону, финансируя даже те программы, которые сам Пентагон хотел закрыть. В 1996 и 1997 финансовых годах конгресс добавил 8 и 15 млрд. долл. соответственно⁴³. Бюджет министерства обороны на 1998 г. был увеличен членами конгресса на 2,3 млрд. долл., общая сумма составила 267,6 млрд. долл.⁴⁴ Дополнительное финансирование получили программа противоракетной обороны и создание национальной противоракетной обороны.

Принятый в 1997 г. четырехлетний оборонный план был нацелен на завершение реформы оборонной стратегии и структуры вооруженных сил. Однако большинство консервативно настроенных политиков считали, что представленный министром обороны У. Коэном план не соответствовал требованиям заявленной стратегии «двух неожиданных региональных кризисов». В целом, по их мнению, означенная стратегия нежизнеспособна и не дает реальных критериев развития вооруженных сил будущего.

В 1997 г. военные ополчились на администрацию, обвинив ее в пренебрежительном отношении к элементарным армейским проблемам. Появились сведения о последствиях недофинансирования вооруженных сил. Сообщалось о нехватке амуниции для морских пехотинцев, серьезной недоукомплектованности современной техникой. Подразделения, участвовавшие в миротворческих операциях, даже не были готовы вести интенсивные боевые действия⁴⁵. По мнению военных специалистов, отправка армии за рубеж без создания всех условий для ведения в случае необходимости полномасштабной военной операции не отвечает интересам национальной безопасности.

Армия несла серьезные финансовые и организационные потери, участвуя в зарубежных операциях. По подсчетам специалистов, военнослужащий армии США проводит в таких операциях 138 дней в году. Это самым нега-

тивным образом сказывается на боевой готовности ВС США⁴⁶. Количество американских военных, дислоцируемых за пределами государственных границ США (за исключением Германии, Южной Кореи и Панамы) удвоилось за последние десять лет⁴⁷.

Используя тот факт, что число миротворческих и гуманитарных операций, в которых боевые подразделения не участвуют, увеличивается, Пентагон требует продолжения финансирования «очень дорогой» армии на нынешнем уровне. Однако даже при сохранении нынешних параметров и структуры военных расходов армия попадет в очень двусмысленное положение. Она будет финансироваться для выполнения одной задачи, а в реальности выполнять другие.

Появившийся в 1997 г. документ QDR указал на главный недостаток «Bottom-Up Review», несоответствие финансовых расходов объявленной структуре вооруженных сил. Дело в том, что BUR писался по результатам войны в Персидском заливе. Структурные и количественные показатели были представлены в расчете участия американских вооруженных сил в региональных конфликтах Юго-Западной и Восточной Азии. В этом документе практически не шла речь о способности американских вооруженных сил участвовать в многочисленных миротворческих операциях и других ограниченных непредвиденных военных операциях. Уже после принятия BUR армия США выполняла непредусмотренные планом миссии и задачи. За три года военные эксперты пришли к выводу, что необходимо вернуть в американскую военную доктрину задачу воевать с государством, обладающим оружием массового поражения и быть готовым воевать с «внезапно появившимся глобальным противником»⁴⁸.

Суть предложенных нововведений: существенное сокращение резервистов, дополнительное закрытие военных баз и приватизация пригодных для этого помещений, складов и т.п. Однако в ходе работы над QDR проявилось традиционная межведомственная несогласованность.

На опубликованный в мае 1997 г. Обзор первая реакция поступила со стороны командования национальной гвардии. Они были против того, что их просто поставили перед фактом существенных сокращений. Причем порядок сокращений куда более существенный по сравнению с армией. В течение лета 1997 г. шли трудные переговоры между представителями разных ведомств, которые были инициированы министром обороны. Напряжение между резервистами, гражданскими и действующей армией удалось сгладить только в конце сентября. Тем не менее Вашингтон пошел на серьезную экономию средств за счет сокращения резервистов. В этой связи хотелось бы напомнить о решении российского руководства увеличить финансирование такого рода программ (возобновление военных сборов, введение элементов начальной военной подготовки в курс «безопасности жизнедеятельности» и

т.д.). Видимо, Россия и США собираются участвовать либо в разных войнах, либо используют разные методы подготовки к ним.

В целом, анализируя этот план, можно сделать следующие выводы. Во-первых, армия по-прежнему готовилась к отражению традиционных угроз. Во-вторых, Пентагон явно игнорировал невоенные средства достижения национальной безопасности. В-третьих, Пентагон не имел четкого представления о том, как использовать существенное технологическое преимущество США, а именно в информационной, космической и других перспективных областях.

За годы холодной войны в США была создана огромная армия людей, прямо или косвенно занятых в оборонной сфере. Карьеры многих военных и гражданских специалистов зависят от того, какую роль будет играть армия в будущем. Вполне справедливым можно считать комментарий Р.Стила о необходимости возвращения к риторике ушедшей эпохи. Распустить весь аппарат, работавший на оборонку, это значит «нанести сокрушительный удар по главным отраслям национальной экономики, включая поддерживаемые государством высокотехнологичные отрасли ...»⁴⁹. Даже увлекшийся на первых порах неоизоляционистской риторикой У.Клинтон не осмелился сделать реальные решительные шаги по сокращению военных программ. Структура и боеготовность армии США говорит о том, что в стратегических целях Пентагона – глобальное предотвращение возникновения потенциальной угрозы США и сохранение американского преобладания в мире.

Особо хотелось бы сказать о роли ядерного оружия в военной доктрине США. По нашему мнению, кардинальное изменение военно-стратегического положения в мире заставило политическое руководство внести изменения в ядерную стратегию. В 1997 г. президент У.Клинтон подписал директиву PDD-60, где формулируются цели, роль и задачи ядерных сил на среднесрочную перспективу. Основная идея документа – отказ от планов ведения продолжительной ядерной войны. Таким образом, формально признавался иррациональный момент в полномасштабном использовании ядерных сил. Впервые за многие десятилетия, политическое руководство США попыталось сформулировать особый статус ядерного оружия, которое не может использоваться наравне с другими видами вооружений.

В последние годы достижения военно-технического прогресса позволили специалистам предложить новые «контрсилловые» действия стратегических сил в рамках концепции «упреждающих ударов» по потенциальному противнику. Сегодня есть возможность нанесения упреждающих высокоточных точечных ударов по хорошо защищенным объектам готовящегося к нападению противника. Таким образом, чисто психологические инструменты «эпохи сдерживания» больше не выглядят столь надежными. Даже «ветераны» холодной войны признали нецелесообразность поддержания всей

триады СНС, созданной для ведения продолжительной ядерной войны⁵⁰. Новые силы могут быть меньшими, более мобильными, а значит, дешевле.

В настоящее время, американские эксперты заняты разработкой новой концепции использования ядерного оружия в рамках «модернизированного» механизма сдерживания. Некоторые из них предлагают складировать все боеголовки, сохранив возможность вновь быстро собрать их и пристыковать к ракетами⁵¹. В этом случае, по мнению авторов концепции, удастся свести к минимуму роль ядерного оружия в кризисных ситуациях, устранив опасность случайного или несанкционированного использования ядерного оружия.

Будет ли реализована эта концепция, пока не известно. Однако одно можно сказать однозначно, главная задача военной политики США – сохранение превосходства в главных видах вооружений и суммарной военной мощи.

Проекция силы в национальной стратегии США. В сохранении американского преобладания в мире большое внимание уделяется способности проецировать силу в максимально короткие сроки в любой регион, где затрагиваются жизненно важные интересы США. Среди сторонников прочности однополярной системы утвердилось мнение, что США должны сохранить ведущие позиции, предлагая, правда, заменить раздражающий неоизоляционистов и алармистов термин «гегемон» на более скромный – «лидер». Представителей разных политических лагерей объединяет один тезис: США – лидер современных международных отношений и это отвечает их национальным интересам. Однако предлагается несколько вариантов обеспечения лидерства.

По нашему мнению, силовое доминирование в мировых делах не является для США самоцелью. Оно стало *необходимым условием* выживания США как особой национально-культурной общности. Это отчетливо проявилось в развитии важнейшего компонента американской стратегии национальной безопасности – концепции "проекция силы".

После 30 лет непрерывного беспорядка в международных отношениях в конце 1940-х гг. Соединенные Штаты взяли на себя ответственность за монетарное, политическое и военное лидерство в свободном мире. В тот момент США были единственной страной, способной взять на себя выполнение тяжелой работы по ликвидации старой колониальной системы и примирению между европейскими державами, жестко конкурирующими уже на протяжении многих столетий. В это время разрабатывается концепция космополитической системы открытых, многосторонних отношений, где Соединенные Штаты выступали в роли основного гаранта стабильности. Безопасность, то есть выживание США как государства, зависит от сохранения порядка в этой системе.

Соединенные Штаты вошли в международные отношения на отличных от старой Европы принципах. Географически изолированное положение гарантировало Соединенным Штатам отстраненность от проблем, вызванных нарушением равновесия сил в Европе. Два океана сыграли роль буфера, успешно защитившего Новый Свет. Большие земельные и природные ресурсы стали залогом успешного и бурного экономического развития. Дж. Вашингтон считал, что коммерческая отвага и успешная торговля послужат для Соединенных Штатов основой их силы и международного авторитета⁵². "Главное наше правило, – говорил первый американский президент, – расширение наших коммерческих связей с другими странами, с минимальными политическими обязательствами"⁵³. Но торговая экспансия неизбежно привела Соединенные Штаты к столкновению с интересами других стран. То, что это произойдет, понимали и отцы-основатели: "... Расширение нашей торговли не доставит удовольствия другим странам", – писал Д. Лей⁵⁴.

Федералисты предвидели, что развитие мировой торговли не приведет к прекращению войн, а как раз наоборот, вызовет новые конфликты. Не случайно Гамильтон спрашивал: «... изменила ли что-нибудь коммерция кроме как цели войны?»⁵⁵. В основе американской национальной стратегии — экономическое проникновение за рубеж, что отнюдь не исключает, а, наоборот, подкрепляется политическим и/или военным вмешательством в интересы других стран. Необходимость защиты своих коммерческих интересов (от чего и зависит выживание государства, зародившегося на основе либеральных принципов и свободной торговли), потребовала от Соединенных Штатов содержания сильного военно-морского флота, способного защитить "активную коммерческую политику" американцев на морях и в других странах⁵⁶. Сегодня к решению этой задачи присоединились и военно-воздушные силы. Таким образом, безопасность США неразрывно связана с успешно развивающейся коммерческой деятельностью, которая должна быть защищена. Для американцев это не просто одна из форм государственной деятельности, а важнейший определяющий фактор поддержания жизнеспособности нации.

Однако до конца XIX века военный флот США не был готов к выполнению этой стратегии. Основанный в период пребывания на посту президента Т. Джефферсона, флот использовался лишь в прибрежных водах. Только после успеха доктрины Мэхэна, нацеленной на создание флота, способного вести бой на всех отдаленных линиях, проведенных Гамильтоном для ведения "активной коммерции", можно говорить об оформлении национальной стратегии, суть которой – проецирование концентрированной военной силы и способность проводить акции по разрушению изнутри основных коммуникаций противника. География американских интересов была теоретически определена в трудах геополитиков.

Эта стратегия в военном отношении – наступательная и агрессивная, в политическом – оборонительная (ибо главная цель – защита территории и торгового флота). Таким образом, американская доктрина национальной безопасности носит наступательный и охранительный характер одновременно.

Для американцев характерно фетиширование военной силы, а вооруженный ковбой, который может надеяться только на самого себя, – один из основных американских образов. Очевидно, с этим связано и тяготение американской политики к силовым стереотипам во взаимодействии с внешним миром. Однако национальная безопасность для американцев заключается не столько в отражении военной атаки, сколько в способности предотвратить ее.

Анализируя документы военных ведомств, мы находим свидетельства широкомасштабной работы по конкретному наполнению выше означенной концепции. Еще в годы Второй мировой войны, когда США и СССР были союзниками, военные специалисты работали над созданием широкой сети военных баз за рубежом, распределяя сферы влияния, защищая стратегически важные коммуникации. Как и во времена Джефферсона, аналитики видели в сохранении баланса сил в Евразии основное условие национальной безопасности США⁵⁷.

В 1943–1944 годы военные стратеги приступили к разработке планов обеспечения безопасности США в послевоенный период. Основной упор был сделан на формирование системы военных баз. Они были определены в качестве основных форпостов, защищающих национальные интересы. Предусматривалось, что с этих позиций Соединенные Штаты смогут своевременно нанести удар по возможному противнику, а также выполнять сдерживающие функции. 1 января 1944 г. в послании Ф. Рузвельта государственному департаменту президент высказал своё согласие с основными положениями этого плана⁵⁸. План основывался на необходимости организации "обороны в глубину". Поскольку угроза безопасности США может исходить только из Европы и Азии, то и линию обороны следует перенести туда же. В ноябре 1943 г. разрабатывается система организации "кольца военных баз", куда были включены в Тихом океане Алеуты и Филиппины, Окинава и бывшие подмандатные территории Японии. В Атлантике были выбраны западное побережье Африки, Азорские и Канарские острова⁵⁹. Цель – контроль над основными коммуникациями и предупреждение внезапного нападения на Америку, а также быстрое реагирование на изменение баланса сил в стратегически важных регионах мира, моментальная доставка армейских частей к месту конфликта.

В годы Второй мировой войны велась активная дипломатическая работа в странах Латинской Америки и на Ближнем Востоке, где на первый план выступали экономические интересы. Вашингтон беспокоили планы продажи

Британией военной техники Чили, Эквадору, Швецией – Аргентине. Ближний Восток привлекал внимание американцев по причине наличия там нефти, очень интересовавшей тогда Н.Рокфеллера, щедро финансировавшего предвыборные кампании Рузвельта. Реализовывать эти планы пришлось уже после окончания Второй мировой войны.

В 1946 г. США ввели в Средиземное море для постоянного базирования 6-й флот с 21000 человек на борту⁶⁰. В дальнейшем в этом регионе ежегодно стали находиться 40–45 кораблей, включая два авианосца с 85–95 самолетами⁶¹. В 1954 г. А.Даллес решает послать 7-й флот США в западную часть Тихого океана для несения постоянного дежурства в регионе⁶². Сегодня, «ястребы», предлагают разместить его в проливе, разделяющим континентальный Китай и Тайвань. На японском острове Окинава дислоцируется 3-я дивизия морской пехоты. На военных базах в Южной Корее с 1945 г. постоянно присутствуют американские военные. В зоне Панамского канала Соединенные Штаты построили 13 баз, где находилось более 10000 человек. Около 200000 военнослужащих армии США до недавнего времени были расположены в Западной Европе (190000 в ФРГ). Здесь же находились три воздушные армии США, состоявшие из 500 самолетов⁶³. Крупные объединения ВВС дислоцировались также в западной части Тихого океана (две воздушные армии, около 300 боевых самолетов, 30000 человек)⁶⁴. В северной части Атлантики и в дальневосточных водах несут боевое патрулирование соединения атомных подводных лодок, базирующихся на базах США, Англии и на острове Гуам⁶⁵. В настоящее время американская стратегия базируется на присутствии 100 тысяч военнослужащих в Европе, такого же числа в Азии, 25 тысяч на Ближнем Востоке, 20 тысяч – в Боснии. В состоянии постоянной боевой готовности находятся 12 авианосных групп, которые осуществляют патрулирование Персидского залива и пролива, отделяющего Тайвань от материка.

Окончание холодной войны вызвало необходимость сокращения военного присутствия США за рубежом (1988 г. – 510000 человек, 1994 г. – 255000)⁶⁶. Тем не менее было признано, что для обеспечения национальной безопасности США необходима эффективная проекция силы⁶⁷.

Для выполнения этой цели планируется серьезная модификация военно-морских и воздушных сил. Конфликты малой интенсивности регионального уровня, представляющие главную военную угрозу безопасности США, потребуют быстрой реакции американских военных. Поэтому флот должен быть готов к быстрой и эффективной переброске морской пехоты с моря на берег. Для чего планируется выполнение программ по приобретению более эффективных LHD и LX десантных кораблей⁶⁸. Поддержание в боевой готовности 12 авианосцев, а также модернизация палубной авиации. Цель – полный контроль за воздушным пространством прибрежных районов⁶⁹, а

также усиление потенциала флота в преодолении вражеских мин и других препятствий на пути к побережью⁷⁰.

В период с 1990 по 1993 гг. конгресс США выделил 2.5 млрд. долл. на приобретение новых транспортных судов, которые планировалось снарядить всем необходимым для ведения боевых действий в масштабе армейской бригады⁷¹. В течение одного месяца механизированные подразделения должны быть доставлены и развернуты для выполнения задач в любой части земного шара⁷². На модернизацию старых кораблей и для приобретения дополнительных административных У.Клинтон получил 3.1 млрд. долл. на период до 1999 г.⁷³

Война в Персидском заливе продемонстрировала необходимость поддержания на высоком уровне потенциала военно-воздушных сил. Эту мысль особенно активно защищали представители ВВС, которые занимают особое место в военной иерархии США. Относительно успешные бомбардировки Багдада, а также районов концентрации армии противника позволили Соединенным Штатам одержать победу в течение 100 часов. В настоящее время ВВС осуществляют авиационное патрулирование Северного и Южного Ирака, Косово, они играли важнейшую роль во время операции против Югославии. Таким образом, ВВС пока успешно решает задачи, которые перед ними ставит правительство (контроль за воздушным пространством и стратегическое сдерживание)⁷⁴.

Однако следует отметить изменения в приоритетах ВВС США. На первый план выходят задачи по выполнению воздушного прикрытия и организации быстрой переброски сил в район кризиса⁷⁵.

Принятая администрацией У.Клинтон в 1997 г. военная стратегия требует «гибкого и выборочного вовлечения». Основное нововведение заключалось в необходимости обеспечить информационное доминирование американских вооруженных сил. Таким образом, появилось уже шесть базовых принципов американского военного планирования:

- обеспечивать сдерживание;
- поддерживать гибкую структуру войск;
- поддерживать высокой глобальной мобильности ВВС;
- контроль high ground;
- обеспечить информационное доминирование;
- устанавливать американское влияние.

Способность к быстрому проецированию силы в дальнейшем будет определяться тем, как быстро и эффективно американцы смогут: во-первых, улучшить воздушные средства транспортировки; во-вторых, создать дополнительное количество заранее обеспеченных всем необходимым снаряжением морских и береговых баз; в-третьих, усилить морские средства доставки; в-четвертых, повысить боеготовность резервных подразделений⁷⁶. В-пятых, особая роль отводится силам специального назначения (СПН). В

среднем, начиная с 1996 г., 4000 военнослужащих СПН США дислоцируется за пределами государственных границ. Более того, уже стало традицией посещение спецназовцами других стран. Только в 1997 г. войска специального назначения посетили 119 государств⁷⁷.

В Центральной Европе были реконструированы базы четырех бригад, получивших все необходимое снаряжение. Южный фланг обеспечивается базой, созданной в Италии. После войны в Персидском заливе была расширена до потребностей бригады база в Кувейте. Велись переговоры и с правительством Кореи на предмет создания подобной базы в регионе, что позволило бы США в короткие сроки развернуть дивизию для ведения боевых действий в регионе⁷⁸. Таким образом, американские военные имеют надежную сеть баз, обеспеченных всем необходимым для быстрого развертывания пяти тяжело вооруженных бригад в Европе, полной дивизии на Ближнем Востоке и в Азии.

Итак, Соединенные Штаты признают необходимость сокращения своего прямого военного присутствия в мире. Однако для США не важно количество, главное способность контролировать ситуацию. Принимая во внимание новые достижения в военной области, можно говорить о том, что Соединенные Штаты сохраняют стратегический контроль над ключевыми районами земного шара⁷⁹. Особое значение военные стали придавать космосу, который рано или поздно станет ареной противостояния. Еще раз хотелось бы вспомнить слова одного из высокопоставленных американских военных: «Нет такого вопроса – воевать или нет? Лишь – где? и когда?» Действительно, тот, кто первым увидит будущее поле сражения, тот и станет победителем. Однако военные базы США продолжают играть роль традиционных форпостов, которые обеспечивают мобильность американских вооруженных сил, способных в короткие сроки выполнить поставленные задачи в любой части мира. Таким образом, концепция проекции силы в сочетании со стратегией передового присутствия обеспечивают стратегический контроль за важнейшими для национальной безопасности США регионами. То, что Китай не обладает достаточной способностью к проецированию силы, рассматривается военными стратегами в Вашингтоне важнейшим преимуществом, которое необходимо сохранять.

* * *

Трудно не согласиться с выводом Д.Хиллена, который считает, что «ястребы» могут праздновать победу, добившись от Клинтонна увеличения расходов на оборону в ближайшие шесть лет на 112 млн. долл.⁸⁰. Военным удалось убедить членов конгресса в «ужасающем» состоянии вооруженных сил, боеготовность которых, по их мнению, неизменно снижалась в последние годы. Приближавшиеся президентские выборы заставили У.Клинтонна подыграть правым, обеспечив долгосрочное финансирование важнейших обо-

ронных программ. Однако, анализируя вышесказанное, неизбежно приходишь к выводу, что система принятия внешнеполитических и военных решений сохранила четкое неприятие новых тенденций и требований. Военные продолжают финансировать себя, чтобы участвовать в «новой персидской войне». Хотя сегодня становится понятным, что эта война, была последней войной индустриальной эпохи. Новый конфликт, который обязательно возникнет, выведет на первый план новое оружие, новые методы ведения боевых действий, против нового «нетрадиционного» противника.

Дискуссия об участии США в операции в Югославии показала, что Пентагон сконцентрирован не на том, чтобы воевать, а на том, чтобы не воевать⁸¹. Теоретически это близко к истине. Более того, конгресс согласился на финансирование многих программ, которые предусматривают производство оружия «вчерашней войны». Продолжая модификацию F-18 для авианосцев, ВМФ не желает согласиться с мыслью, что авианосные группы — это прошлое. ВВС выбрали в качестве первостепенной важности производство очень дорогих F-22, сокращая исследования в области перспективного беспилотного самолета. Армия продолжает закупать танки и тяжелую артиллерию⁸². Структура военных расходов США 90-х годов говорит о том, что они по-прежнему готовятся воевать «по-старому». Основные стратегические направления политики национальной безопасности были заложены еще администрацией Дж.Буша-старшего. Демократы вынуждены были пойти на сохранение основных направлений этой политики, не избегая необходимых модификаций.

В целом мы можем наблюдать достаточно парадоксальную ситуацию. Весь мир продолжает закупать оружие на мировом рынке, которое предназначено для ведения традиционных боевых действий. Непосредственной военной угрозе территории США, в отличие от многих других стран мира, нет. Все разговоры о возможной атаке со стороны Ирака, Китая или Северной Кореи скорее эффектный рекламный аргумент. Выделяя огромные средства на поддержание армии при отсутствии реальной угрозы, Вашингтон вынужден будет пойти на ее применение в географически отдаленных региональных конфликтах, хотя бы для того, чтобы ответить на вопрос М.Олбрайт, заданный К.Пауэлу: «Зачем содержать такую блестящую армию, если ее не использовать?» А действительно, зачем?

Приложения

¹ National Military Strategy of the United States 1992. P. 4-8.

² Department of Defense Annual Report, fiscal Year 1991. GPO, 1991. P. 69.

³ Ibid.

⁴ Kaufman W. Assessing the Base Force: How Much Is Too Much? Wash.D.C.: The Brookings Institution, 1992. P. 3.

⁵ Kaufmann W. & Steinbruner J. Op.Cit. P. 22.

⁶ Gordon M. Pentagon Drafts Strategy for Post-Cold World // New York Times, August 2, 1990. P. A1, A14.

⁷ Department of Defense Annual Report. P. 68.

⁸ Department of Defense Annual Report. Fiscal Year 1993. P.21.

⁹ Ibid. P. 22-24.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Budget of the United States Government. Fiscal Year 1993, pt. 1. P. 36.

¹² Kaufmann W. Glasnost, Perestroika, and U.S. Defense Spending. Wash.:Brookings, 1990.

¹³ Department of Defense, Annual Report. Fiscal Years 1993. P.21.

¹⁴ Ibid. P. 2

¹⁵ Statement of the Secretary of Defense Cheney D. Before the Senate Budget Committee in Connection with the Fiscal Year 1993 Budget for the Department of Defense. Wash.:GPO, February 3, 1992. P. 4.

¹⁶ Joint Chiefs of Staff, 1991 Joint Military Net Assessment. Wash.:GPO, March 1991. P. 1-5.

¹⁷ Bush. In Defense of Defense. P. 132.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Ibid.

²⁰ Евстафьев Д.Г. Военная стратегия США в "постсоветский период"// США ЭПИ. № 11. 1992. С. 45.

²¹ B.Buzan, Strategic Studies: Military Technology & International Relations, Macmillan, 1991.

²² Ibid. P. 8-9.

²³ Security Environment... Hearings

²⁴ Ibid.

²⁵ National Military Strategy. P. 9.

²⁶ Ibid. P. 268.

²⁷ Ibid. P. 10.

²⁸ Wylie J. Assumption Underlying a General Theory // Military Strategy: Theory and Application. Carlisle Barracks, PA:U.S. Army War College, June 1989. P. 26-27.

²⁹ Statement of General C.Powell, Before the Budget Committee. U.S. Senate, Wash., February 3 1992. P. 2.

³⁰ Jordan A. Op. Cit. P. 16.

³¹ Комплексный анализ сокращения американского присутствия в Европе проведен в Стокгольмском институте исследования мира. См.: Europe After an American Withdrawal: Economic and Military Issues. Ed. by Sharp M. Oxford University Press, 1990.

³² The Future of Europe. Hearings ... P. 153.

³³ Report of the Quadrennial Defense Review. GPO. 1997, May. P.7.

³⁴ См. подробнее: США: на рубеже веков. М.: Наука, 2000. С. 205-207.

³⁵ Report of the Secretary of Defense to the President and the Congress. Wash.:GPO, February 1992. P.25.

³⁶ В последние годы достаточно широкое распространение получил тезис об отставании США в научно-техническом развитии (из 20 так называемых критических технологий США отстают от Японии по 6 позициям, опережая, однако, все остальные развитые страны). В данный момент можно говорить о том, что США отказы-

ваются от части направлений научных исследований и разработок, концентрируясь на том, что представляется им наиболее важным и эффективным. Snow D. High Technology and National Security: A Preliminary Assessment // Armed Forces and Society. N. 17, Winter 1991. P. 243-258; Miller D. A Domestic Agenda to Strengthen America // Washington Quarterly. N. 15, Spring 1992. P. 205-224.

³⁷ Task Force on Defense Spending the Economy, and the Nation's Security. The Defense Budget Project. 1992. P. 9-13.

³⁸ Ibid.

³⁹ Vision for the 1990s: Strategy and the Global Economy. Ed. by Burton D. Jr. Cambridge, Mass.: Ballinger, 1990.

⁴⁰ Российская газета, 29 февраля 1999.

⁴¹ Уже появились материалы об активной разработке в США нелетального оружия, использование которого якобы поможет более эффективно решать проблемы защиты национальных интересов. Особое внимание уделяется новым информационным технологиям. В середине 90-х гг. многие специалисты говорят о будущих войнах в кибернетических пространствах. Strategic Assessment 1996.. Instruments of U.S.Power. Wash.: NDU Press, 1996. P. 182-190.

⁴² Task Force on Defense Spending, the Economic, and the Nation's Security. The Defense Budget Project and The Henry L. Stimson Center. 1992. P. 18-20.

⁴³ The Military Balance 1998/99, London, 1998., p.14.

⁴⁴ Ibid.

⁴⁵ Выступление Флойда Спенса на конференции «Национальная безопасность США: столкновение взглядов». Октябрь 1997 г. Вашингтон, США.

⁴⁶ Defense Monitor, Center for Defense Information, Washington. Vol. XXVI. № 6, October 1997.

⁴⁷ Ibid.

⁴⁸ B.Blechman and P.Nagy, U.S. Military Strategy in the 21st Century. IRIS Independent Research, Arlington, Virginia, 1997. P.1.

⁴⁹ W. Pfaff, Ronald Stell's Post-Cold War America // World Policy Journal, Spring 1998. P.70.

⁵⁰ США: на рубеже веков. М.: Наука, 2000. С.196-197.

⁵¹ Эту идею уже высказывали в середине 90-х годов. Некоторые высокопоставленные военные убеждали общественность пойти на раздельное хранение компонентов ракет. Тогда это считалось слишком либеральным, идеалистичным подходом.

⁵² Washington's Farewell Address // A Documentary History of the United States. Ed. by Heffher R. N.Y.: A Mentor Book, 1991. P. 68.

⁵³ Ibid.

⁵⁴ Lay J. Federalist No.4 // Hamilton A., Madison J., Lay J. The Federalist Papers. N.Y.:New American Library, 1961. P.46.

⁵⁵ Hamilton A. Federalist No. 6 //The Federalist Papers. P.57.

⁵⁶ Цит. по: Sprout M. Mahan: Evangelist of Sea Power // Makers of Modern Strategy: From Machiavelli to Hitler. Princeton: Princeton University Press, 1944. P.434.

⁵⁷ Origins of the Cold War. An International History. Ed. by Leffler M. and Painter D. N.Y.: Routledge, 1994. P. 18.

⁵⁸ Документы, подтверждающие это, могут быть найдены в RG 218, National Archives, Washington, Combined Chiefs of Staff [CCS] series 360; Roosevelt to the Department of State, January 7, 1944, Joint War Plans Committee [JWPC].

⁵⁹ JCS, United States Military Requirements for Air Bases, November 2, 1943; JCS, Overall Examination of United States Requirements for Military Bases and Base Rights, October 25, 1945, *ibid.*, JCS 570/40.

⁶⁰ Колобов О.А. США – Израиль и арабский мир // Палестинский сборник. Выпуск 29/92. М., 1984. С. 38.

⁶¹ Там же.

⁶² Welborn F. Diplomatic History of the United States. Paterson. N.J.: Littlefield, Adams and Co., 1961. P. 361.

⁶³ American Defense. Annual. Ed. by Kruzal J. N.Y.: Lexington Books, 1993. P. 297.

⁶⁴ *Ibid.*

⁶⁵ *Ibid.*

⁶⁶ The Impact of the Persian Gulf War and the Decline of the Soviet Union on How the United States Does its Defense Business. Yearings before the Committtee on Armed Services. House of Representatives. 102 Congress, 1st Session. February 27 – June 12, 1991. Wash.: GPO, 1991. P. 274–275.

⁶⁷ *Ibid.* P. 264–265.

⁶⁸ A Safe and Prosperous America. A U.S. Foreign and Defense Policy Blueprint. Heritage Foundation, 1993. P.57.

⁶⁹ *Ibid.*

⁷⁰ *Ibid.* P. 58.

⁷¹ Annual Report of the Secretary of Defense to the President and the Congress. January 1994. Wash.:GPO, 1994. P.208.

⁷² *Ibid.*

⁷³ *Ibid.*

⁷⁴ National Military Strategy of the United States. P. 21.

⁷⁵ *Ibid.*

⁷⁶ *Ibid.*

⁷⁷ Выступление полковника Т.Стэфанса на конференции «Национальная безопасность США: столкновение взглядов», октябрь 1997.

⁷⁸ *Ibid.* P. 209.

⁷⁹ Strategic Assessment 1996. P. 186–193.

⁸⁰ J.Hillen, Defense's Death Spiral. Foreign Affairs, July/August 1999, p.1.

⁸¹ Косово: Международные аспекты кризиса / Под. ред. Д.Тренина и Е.Степановой; Моск. центр Карнеги. М.: Гендальф, 1999. С.174–212.

⁸² J.Hillen, Op.Cit. P. 4–5.

ГЛАВА 6

ВОЕННАЯ СИЛА ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ США НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

События последних десятилетий характеризуются продолжением военно-политического соперничества государств и ростом национализма. Чтобы перевести международные отношения преимущественно на невоенное регулирование, требуется кардинально иная структура отношений. Готовы ли основные субъекты международных отношений в ближайшие годы передать часть своего национального суверенитета наднациональному органу? Уже стало хрестоматийным утверждение, что как ядерная, так и обычная война перестали быть сколько-нибудь рациональным средством достижения политических или любых иных целей. Завоевание вооруженной силой территории другой страны стало нецелесообразным, ибо, как утверждают некоторые эксперты, «современная экономика – это тончайший финансовый, промышленный, сельскохозяйственный, торговый механизм, который не может производить продукцию, отвечающую стандартам рынка высокоразвитых стран, в условиях грубого принуждения»¹.

Современный мир постоянно сталкивается с проблемами, которые еще недавно казались малозначимыми и второстепенными. Уверовав, что опасность ядерного уничтожения уменьшилась, политики западных стран пытаются убедить своих избирателей в существовании угроз, нейтрализация которых потребует консолидации финансовых, моральных, политических ресурсов. Терроризм, организованная преступность, наркобизнес, этнические конфликты могут представлять угрозу национальным интересам США. Остается только один вопрос, какая «сила» наиболее эффективно подходит для решения новых задач.

Трудно спорить с тем, что экономика становится более наукоемкой, требующей высококвалифицированного рабочего. Высокий интеллект, высокие технологии и высокая квалификация (ВЗ) – становятся основой экономики западных государств. Завоевать эти качества с помощью военной силы не реально.

Исторически военная сила имела две главные функции. Первая – ведение боевых действий, и вторая – выполнение полицейских функций. Использование армии в качестве средства ведения войны лучше всего проанализированы в классической работе немца К.Клаузевица. Наиболее яркие примеры

такого ее применения – Вторая мировая война, и из последних – война в Персидском заливе.

Выполнение полицейских функций отличается по сути от войны. Полицейские силы не наносят поражения противнику, они не одерживают побед в традиционном смысле этого слова, Их главная задача – ежедневно наблюдать за соблюдением правил. Они прибегают к насилию в качестве последнего, а не первого средства, в отличие от регулярной армии, участвующей в войне, и происходит это тогда, когда возникает необходимость защитить собственность или поддержать порядок. Два наиболее ярких, но не совсем удачных примера использования армии США для выполнения полицейских функций – Ливан и Сомали. В настоящее время ООН вовлечена в выполнение такого рода операций, используя национальные армии государств-участников.

Главный тезис, который часто повторяют высшие военные чины, а так же эксперты и политики правого толка, заключается в том, что армия США вооружена, структурирована, организована и обучена выигрывать традиционные войны². Выполнение других функций требует иной подготовки и кардинально новой финансовой политики.

После 1945 г. США более 300 раз прибегала к применению силы или к угрозе ее применения против других стран, в том числе около 200 раз – к прямому вооруженному вторжению в другие страны для того, чтобы разрешить ситуации, угрожавшие американским политическим и экономическим интересам. Эти решения были продиктованы во многом психологией холодной войны, однако и после ее завершения Соединенные Штаты были одной из немногих стран, которые посылали свои вооруженные силы за рубеж.

В начале 1990-х гг. в военном сообществе наметился раскол. Вызван он был расхождениями во взглядах на будущую роль армии между объединенным комитетом штабов и министерством обороны³. ОКНШ подготовил план сокращения вооруженных сил, которые тем не менее готовились противостоять новой угрозе типа советской времен холодной войны. Лес Аспин, еще будучи сенатором, предложил перейти на новую структуру сил, которые должны будут одновременно участвовать в конфликтах типа «Бури в пустыне» и операции в Панаме, при этом быть готовыми к участию в еще одном региональном конфликте. Тогда развернулась широкая дискуссия о роли вооруженных сил в современных международных отношениях, и надо сказать, что план Аспина подвергся серьезной критике как со стороны военных, так и республиканцев, которые справедливо считали его нереальным. Американские военные сопротивлялись их активному вовлечению в выполнение полицейских функций, тем более, если операция проходила под командованием других стран или организаций. В этом их активно поддерживали правые политики. Они же требовали внесения изменений в структуру военных расходов. Если в новых условиях армия превращается в полицию, справедливо считали они, она требует качественно иной подготовки и экипировки.

Одним из ярких противников такой военной реформы был начальник ОКНШ Колин Пауэл.

Уже в начале 90-х годов, обсуждая проблемы использования вооруженных сил в полицейских операциях, гарвардский профессор Эрнст Мэй говорил о необходимости реформирования и всей системы военной подготовки. На слушаниях в конгрессе он обратил внимание членов палаты представителей на человеческий фактор. Дело в том, что строить карьеру на военных операциях и на полицейских операциях – разная вещь. Система мотиваций меняется, ибо выполнение полицейских функций требует иной психологической подготовки, отличной от традиционной системы воспитания, иных ценностных критериев. Идеалы боевых генералов времен индустриальных войн уже не подходят для обучения боевых офицеров армии будущего. Боевой опыт участия армий в сражениях прошлых лет теряет былое практическое значение⁴.

После перехода на профессиональный принцип формирования вооруженных сил, в США появилась качественно новая армия. Были подняты требования к уровню знаний и образования как рядовых, так и высших чинов, армия стала более интегрированной в расовом и половом плане⁵. Были разработаны новые правила и методики подготовки военнослужащих, которые вдруг опять стали «устаревшими». Однако следует отметить тот факт, что профессиональная армия лучше подходит для выполнения полицейских и специальных операций, что вселяет определенный оптимизм американским стратегам⁶. С середины 90-х годов американские средства массовой информации приступили к «облагораживанию» полицейских операций, выводя их из второразрядных на первое место. Выполнение такого рода заданий в США становится почетным.

Завоевав Белый дом во второй раз, У.Клинтон принял решение изменить свое отношение к внешней политике и обратить особое внимание на проблемы национальной безопасности и обороны. По сути, выбор М.Олбрайт в качестве государственного секретаря отражал характер изменений, которые произошли в администрации Клинтона. М. Олбрайт была известна своей решительностью и даже жесткостью в вопросе использования вооруженных сил для решения внешнеполитических задач.

В начале своего первого президентского срока У.Клинтон основательно подпортил отношения с военными, причиной чему явились его отказ от военной службы и достаточно радикальное решение проблемы службы гомосексуалистов в армии. Председатель ОКНШ Колин Пауэл, назначенный еще республиканцем Дж.Бушем, был против многих решений администрации, включая отрицательное отношение к использованию американских вооруженных сил в региональных конфликтах типа боснийского. Однажды Олбрайт, которая, как и ее предшественник на посту госсекретаря У. Кристофер, принадле-

жала к лагерю «интернационалистов», бросила ему вызов, задав вопрос: «Зачем содержать такую уникальную армию, если ее нельзя использовать?»⁷.

У. Кристофер почти на протяжении всего срока пребывания на посту государственного секретаря подвергался резкой критике со стороны консерваторов. Многих не устраивало то, что в администрации Клинтона государственный департамент утрачивал быллой авторитет и влияние. При Кристофере многие проблемы, которые раньше относились к компетенции государственного департамента, перешли либо в Белый дом, либо в департамент торговли, либо в совет по экономической политике. Таким образом, государственный департамент проигрывал межведомственную борьбу, что неизбежно сказывалось и на внешнеполитическом курсе страны. В 1996 г. Клинтон передал рассмотрение вопросов о продаже Китаю спутников двойного назначения и технологий реактивного двигателя в департамент торговли, который возглавлял его друг Р.Брауэн.

С этих времен началось постоянное недофинансирование государственного департамента США, что, по мнению Х.Шихермана, нанесло серьезный урон ведомству и внешней политике в целом⁸. Сменившая Кристофера М.Олбрайт не смогла внести кардинальных изменений в сложившуюся структуру взаимодействий ведомств. Если проанализировать деятельность государственного секретаря за последние 4 года, то видно, что она занималась в основном Балканами. Белый дом монополизировал китайскую проблематику, проблема расширения НАТО прошла мимо нее. Такая ситуация не устраивала представителей консервативного крыла, которые вспоминали эффективную работу ведомств и служб в период Дж.Буша-старшего. Тогда Бейкер совместно с руководителями других ведомств, отвечавших за внешнюю и оборонную политику, привлек государственный департамент к решению самых важных внешнеполитических задач.

Геоэкономическая концепция обращает особое внимание на роль экономических факторов в современном мире⁹. Всемирные глобальные потоки и процессы в экономической, финансовой и производственной сферах предлагают принципиально новые ориентиры для национальной экономики, заставляя государства отказываться от формирования исключительно внутренне ориентированных стратегий развития¹⁰.

Следующий геоэкономический фактор — стремительная экономизация политики. «Экономическая власть диктует миру свои правила игры, геополитика их «оправдывает, а военная компонента защищает»¹¹. Об особой роли экономического фактора стали много говорить с подачи Дж.Най, который еще в 1990 г. предположил, что американская демократия и свободная рыночная экономика могут быть трансформированы в «мягкую силу», позволяющую успешно решать стоящие перед США внешнеполитические проблемы¹². Через шесть лет он делает еще один шаг в этом направлении, предлагая Америке соотнести оборонную и внешнеполитическую стратегии

с тем огромным преимуществом в информационной сфере, которым обладают США в настоящее время¹³. Най и Оунс предположили, что Соединенные Штаты смогут использовать информационные ресурсы, чтобы вовлечь Китай, Россию и другие государства в диалог с целью избежать их перехода на враждебные позиции в вопросах безопасности¹⁴.

Таким образом, мы перешли к третьему фактору — возрастающая роль информации в частности и знания вообще. Причем Э.Кочетов говорит о большом значении обладания «предупреждающим знанием» той среды или пространства, в котором предстоит решать задачи национального выживания и процветания. Проблема реформирования американской системы образования давно стоит на повестке дня. Еще супруга Дж.Буша-старшего Барбара Буш активно занималась этими вопросами. И это не случайно эксперты РЭНД провели специальные исследования, прогнозируя будущее развитие системы образования в США¹⁵, некоторые из выводов этой работы будут представлены ниже.

Информационная революция ставит новые задачи перед традиционными субъектами международных отношений. Она отнюдь не устранила способность правительств контролировать информацию, получаемую населением, мы являемся свидетелями нынешней беспомощности государств, однако это не означает, что это будет длиться вечно. Очень скоро мы станем свидетелями появления принципиально новых механизмов воздействия на процесс обмена и получения информации.

Информационная революция перераспределяет власть, расширяя горизонты времени и пространства. Она усиливает важность сетей, предоставляя возможность удаленным действующим лицам связываться друг с другом. Эта революция, как и все предыдущие, изменит характер социального конфликта и методы ведения военных действий¹⁶.

В новых условиях, которые формируются под влиянием информационной революции, государства вынуждены разрабатывать шкалу национальных интересов исходя из сложившихся отношений между центрами силы. Однако Д.Най задает вполне закономерный вопрос (закономерный для него, как либерального институционалиста) — кто же возьмется описать процесс распределения силы и выявить их центры в информационный век?¹⁷

В настоящее время можно видеть отказ от эмоционально-восторженной оценки перспектив информационной революции для США. Д.Най признал, что хотя означенные процессы скорее усилят Соединенные Штаты, однако не стоит приносить роль вооруженных сил и традиционных угроз безопасности США¹⁸. Один из авторов революции в изучении международных отношений предложил очень «убедительные», хотя и слабые с научной точки зрения аргументы необходимости вовлечения США в разрешение конфликтных ситуаций за пределами государственных границ. Во-первых, по-

тому что эти конфликты могут нанести ущерб США, и во-вторых, потому что «американцы *хотят* (выделено мною. — М.Р.) влиять на политику других государств и институтов по проблемам распространения оружия массового поражения, терроризма, наркотиков, общих ресурсов и окружающей среды»¹⁹. Информационные технологии не оставляют США другого выбора, кроме как участвовать в этом.

Однако нам представляется, что происходит переоценка информационного фактора. Бесспорно, он кардинально меняет характер распределения силы. Продукт теряет национальность, однако его производитель остается носителем государственности. Таким образом, правительства имеют объект применения принудительных мер для защиты национальных интересов, определенных этим самым правительством.

К сожалению, многие исследователи, анализируя сущность «информационной революции», забывают об истории, которая все-таки имеет что сказать современным стратегам²⁰. Например, П.Трубовиц и Э.Роудс утверждают, что нынешняя ситуация очень напоминает 1890-е годы, когда Америка столкнулась с кардинально новой ситуацией как внутри страны, так и на международной арене. Это в конечном итоге и привело к отказу от изоляционизма. Соединенные Штаты заняли место в ряду великих держав, опираясь на мощь и преимущества новых технологий, особенно в военноморской области²¹. Переворот в военной сфере, о котором все чаще говорят специалисты, также не является чем-то уникальным. Известный американский военный стратег Э.Лутвак, говоря о переменах в будущей национальной стратегии США, подчеркивал не столько внешние факторы, сколько внутренние и даже культурные изменения, произошедшие в американском обществе. Оно больше не будет принимать человеческие жертвы даже в ходе проведения военных операций. Таким образом, Соединенные Штаты стоят перед необходимостью кардинального изменения военной доктрины. Американская армия больше не сможет воевать так, как воевала раньше. Нет сомнений, что по рангу военного могущества США поднялись на огромную высоту, SR + 4C (слежение, разведка плюс командование, контроль, оценка, компьютеризирование) произвело настоящую революцию в военном деле, обеспечивая США глобальный охват.

Информационная война — миф или реальность. Мы сразу оговоримся, что речь пойдет не о войне информационных агентств и средств массовой информации. Их роль и влияние на политику национальной безопасности США требует отдельного изучения²². «Информационная война — это электронный конфликт, в котором информация является стратегическим активом, достойным завоевания или уничтожения. Компьютеры и другие коммуникационные и информационные системы будут являться целями для первого удара и одновременно оружием в новой войне»²³. Она гораздо шире, чем просто военное противостояние, она может угрожать, например,

экономике страны. Информационная компонента стала неотъемлемой составляющей понятия силы.

Понятие силы в современных международных отношениях рассматривается многими экспертами, особенно либерального направления, в не традиционном ракурсе. Еще недавно понятие сила (power) в западной политологии больше ассоциировалось с военной компонентой (military force). В конце 1999 г. активную позицию заняли сторонники радикальных изменений в военном строительстве. Они подготовили появление достаточно смелых документов исполнительного ведомства США, нацеленных на уменьшение структурной зависимости доктрины проекции силы от традиционных «вооруженных сил индустриальной эпохи (авианосные группы и наземные базы)»²⁴. Сторонники «революции в военном деле» говорили о необходимости подобной трансформации, поддерживая администрацию Клинтона, подготовившую в 1998 г. революционную по духу «Стратегию национальной безопасности на новое столетие»²⁵. Однако усиление информационной составляющей в сфере безопасности неизбежно приведет к серьезным изменениям в структуре вооруженных сил США, нарушит сложившееся взаимодействие между различными родами войск, внесет существенные корректировки в содержание программ закупки вооружений, уже утвержденных конгрессом. Консерваторы серьезно сомневаются в необходимости столь резкого и радикального изменения сложившейся системы, хотя и признают, что новая реальность требует новых подходов. Отдав предпочтение революционным нововведениям, Америка подвергает себя опасности со стороны противника, способного проникнуть в информационное пространство, которое более открыто и менее защищено²⁶.

Однако, говоря о роли технологического фактора в формировании внешнеполитической стратегии, мы должны учитывать тот факт, что речь идет об ограниченном количестве стран, имеющих доступ к В-3. Если ты не являешься членом этого клуба, то стоишь перед необходимостью защитить свои интересы. И тогда ты будешь использовать те средства, которые можешь позволить. Технологический отрыв ведущих западных государств, и в первую очередь США, бесспорен. Любой, кто возьмет старт сейчас (не говоря уже о будущем), будет отставать от лидера. Тогда возникает вполне закономерный вопрос — как лидеры и аутсайдеры будут защищать свои позиции и интересы. Как вести информационную войну против соперника, у которого нет компьютеров, спутников, слабо развита инфраструктура? Насколько методы информационной войны помогли бы выиграть войны во Вьетнаме и успешно провести операцию в Сомали, или, например, в Афганистане? Какую форму может принять будущий конфликт, который объективно неизбежен и, более того, является нормальной характеристикой существования любой системы. Ответы на эти вопросы имеют важнейшее значение для тех,

кто разрабатывает долгосрочную стратегию национальной безопасности и внешней политики. Очень важно понять, какое оружие будет использоваться в конфликте как в ближайшее время, так и в перспективе. Любое оружие должно соотноситься со стратегией, и любая стратегия должна соотноситься с политикой.

Три основных положения, на наш взгляд, характеризуют сегодня общее отношение к применению американской военной силы в международных отношениях.

Во-первых, после вьетнамской войны конгресс никогда больше не решится предоставить президенту право использовать американские вооруженные силы за рубежом в течение долгого периода и без каких-либо ограничительных условий.

Во-вторых, дебаты по вопросу об участии армии США в войне в Персидском заливе показали, что как конгресс, так и американское общество в целом очень скептически относятся к аргументации исполнительной власти, оправдывающей отправку американских солдат на войну.

В-третьих, доктрина «справедливой войны» хоть и помогает официальному Вашингтону оправдывать затраты на ведение войсковых операций за рубежом, тем не менее служит очень слабым аргументом для оправдания потерь. Цена человеческой жизни в современном западном мире очень высока сегодня. Это не было постоянным фактором, поскольку идеи гуманизма стали популярными лишь с окончанием холодной войны.

Все вышесказанное свидетельствует о серьезных ограничениях (и не только формальных, которые существуют с середины 80-х гг.) власти президента в использовании вооруженных сил США для решения внешнеполитических задач. Американское общество очень неохотно соглашается на участие своей армии в каких-либо рискованных военных операциях за рубежом²⁷.

Следствием изменения настроений в американском обществе стала череда малых военных конфликтов, в которых участвовала армия США в 80-е гг. Это и высадка морских пехотинцев в Ливане (1982 г.), и вооруженная интервенция в Гренаде, и бомбардировка Ливии, и интервенция в Панаму и агрессивные акции против Ирана, Ирака, Югославии. Все эти операции объединяет скоротечность и малые потери со стороны служащих США. Война в Персидском заливе принесла еще один важный элемент в практику использования американских служащих в военных операциях за рубежом – действия в составе многонациональной коалиции, показавшие свою эффективность. Дж.Буш-старший настоял на формировании такой коалиции в 1991 г., которая стала возможной лишь благодаря завершению холодной войны. Пойдя на такой шаг, Буш «подложил свинью» будущим главнокомандующим. Им теперь трудно будет действовать автономно, как это мог позволить себе Рональд Рейган, например, в случае с Гренадой или Ливией. Дискуссия по вопросу об участии американских вооруженных сил в операции в Косово

подтверждает данный тезис²⁸. Все последующие военные операции в той или иной степени будут требовать, как минимум, одобрения, как максимум, коалиционного участия союзников.

Отношение Дж.Буша-старшего к операции в Сомали в конце 1992 г. демонстрирует новую модель использования американских вооруженных сил после операции «Буря в пустыне». Она была спланирована как короткая по времени, с минимально прогнозируемыми потерями и публично оправдана решением очень привлекательных для общественности гуманитарных задач, характерных для романтического периода ранней американской истории.

Итак, опыт участия американских вооруженных сил в заморских военных кампаниях 90-х годов требует от любого будущего руководителя строительства коалиций. В этой связи НАТО является единственным инструментом, который примут как члены конгресса, так и общественность, способным к успешному решению тех задач, которые требуют открытого военного вмешательства. Нельзя не согласиться с исследователем Эндрю Эрдманом, который, проанализировав эволюцию отношения общественного мнения США к участию армии в военных операциях за рубежом, сделал вывод, что общество больше не позволит президенту посылать войска для одностороннего участия в бессрочных, кровопролитных конфликтах²⁹. Строительство коалиции и мандат НАТО (прецедент игнорирования резолюций ООН уже создан) стали необходимым условием участия американских вооруженных сил в военных операциях за рубежом.

Что дает НАТО сегодня? Если Россия официально признает, что Североатлантический союз представляет военную угрозу, то она обязана принять соответствующие меры. Учитывая сложное финансовое положение и неспособность обеспечить нормальный уровень финансирования военно-промышленного комплекса и армии, не остается ничего другого, кроме как изменить ядерную доктрину, что и было предложено сделать осенью 1999 г. Реально – это единственный сдерживающий фактор для России. Однако если за этим последует бессистемное растрачивание государственных средств на оружие и системы «вчерашней войны», то политическая цена, которую вынуждена платить сейчас Москва за неожиданную для Запада «милитаризацию», будет очень и очень высокой. У нас, по сути, преимущество перед американцами, которые вынуждены в ходе сложных политических торгов решать, какую базу закрыть, сколько и каких самолетов, кораблей и подводных лодок закупать. Россия может начинать писать свою оборонную доктрину фактически с чистого листа. Самое главное – не ошибиться в том, какую войну будет вести именно Россия, с кем и когда.

В 1990-х гг., несмотря на предсказания многих экспертов, политикам пришлось куда чаще, чем предполагалось ранее, принимать решения об отправке своих национальных сил для выполнения военных задач за рубежом.

Соединенные Штаты, освободившись от угрозы спровоцировать крупномасштабное столкновение с крупной военной державой, чувствовали себя более свободными для интервенции.

Р.Хаас, один из оппонентов администрации Клинтона, говорил о пагубности слишком резкого отказа от использования военной силы за рубежом. Это, по его мнению, может привести страну к политике изоляционизма. Или же послужит толчком для нового витка распространения вооружений как среди противников, так и среди союзников Америки, поскольку последние могут почувствовать угрозу со стороны какой-либо третьей силы. Соединенные Штаты могут также полатиться своими возможностями влиять на события в мире, могут быть поставлены под угрозу интересы страны в стратегически важных регионах мира. Также официально оформленный отказ от применения вооруженных сил может заставить общественное мнение усомниться в необходимости поддержания современной дорогостоящей армии³⁰.

Главная проблема, с которой столкнулись американские стратеги, как определить критерии, наличие которых не оставляет вопросов в применении силы. В центре дебатов по вопросу о том, когда и какие силы использовать для реализации целей американской политики, лежат положения доктрины Уайнбергера-Пауэла. Армия должна одерживать быструю и убедительную победу при минимальных человеческих потерях. Однако не все консерваторы считают эту доктрину применимой для всех случаев использования вооруженных сил в конфликтах³¹.

Соединенные Штаты напрасно принято считать «великой державой». По определению, «великая держава» может использовать силу по своему выбору в любой ситуации, в любом регионе. Сегодня США не могут себе позволить пойти на человеческие жертвы, ибо общество достаточно настороженно подходит к участию своих вооруженных сил в конфликтах, не затрагивающих жизненно важных интересов страны. Подобная ситуация вызывает тревогу у консервативных исследователей, ибо если такое настроение утвердится (а оно не всегда было таким пацифистским)³², то потенциальный противник может использовать это в своих интересах, заранее предполагая неучастие армии США в той или иной военной операции. В отличие от американского, наше общество, к сожалению, более толерантно к жертвам вооруженных конфликтов.

Примечание

- ¹ С.В.Кортунов. Контроль за вооружением и интересы России. М.: МОНФ, 1998. С.35.
- ² J.Hillen, Defense's Death Spiral, Foreign Affairs, July/August 1999. P.6-7.
- ³ The Use of Force in the Post-Cold War Era. Hearings. Committee on Armed Services, House of Representatives, 103rd Congress, 1-st Session, 1993. P.10.
- ⁴ Ibid. P.12.
- ⁵ Грачев С.И., Колобов О.А., Корнилов А.А. Соединенные Штаты Америки и международный терроризм. Н.Новгород: ИСИ ННГУ, 1998. С.144.

⁶ Susan L.Marquis, Unconventional Warfare: Rebuilding U.S. Special Operations Forces, Brookings Institute, 1997.

⁷ International Herald Tribune, December 9, 1996.

⁸ Harvey Sicherman, The Best and the Brightest Return, Orbis, fall 1999. P.636.

⁹ Популярность геозкономических идей ассоциируется с именем Р.Перо, который выступал сторонником протекционизма. Однако Кочетов вложил несколько иное содержание в это понятие.

¹⁰ Особую популярность среди либерально мыслящей общественности приобрела достаточно спорная книга нью-йоркского журналиста Т.Фридмана. T.Friedman, The Lexus and the Olive Tree, N.Y.: Farrar Straus Giroux, 1999.

¹¹ Кочетов Э.Г. Неэкономика и этноэкономические системы.

¹² Joseph Nye. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. N.Y.: Basic Books, 1990.

¹³ Joseph Nye and William Owens, America's Information Edge. Foreign Affairs, March/April. 1996. P.23.

¹⁴ Ibid. P.22.

¹⁵ G.Vernez and A. Abrahamse, How Immigrants Fare in U.S. Education, Santa-Monica, Calif., RAND, 1996.

¹⁶ Балыев Д.Г. Завоевание будущего: внешняя политика России на рубеже веков. Н.Новгород: ИСИ ННГУ, 1999. С. 56-57

¹⁷ J.Nye, Jr., Redefining National Interest, Foreign Affairs, July/August 1999. P.24.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Ibid. P.27

²⁰ R.Henry and C.Peartree, eds. The Information Revolution and International Security. Washington D.C.: The CSIS Press, 1998.

²¹ P.Trubowitz, E.Goldman, and E.Rhodes. The Politics of Strategic Adjustment: Ideas < Institutions < and Interests, 1999.

²² См. например: D. Johnson II, The Impact of the Media on National Security Policy Decision Making, U.S. Army War College, Strategic Studies Institute, 1994.

²³ Цит. По. Балыев Д.Г., Указ. соч. С.60.

²⁴ National Defense Panel. Final Report. Transforming Defense: National Security in the 221st Century. (www.dtic.mil/ndp). P.33.

²⁵ National Security Strategy for a New Century. October 1998. (www.whitehouse.gov/WH/EOP/NSC/html/documents/nssrpref.html).

²⁶ Charles J.Dunlap, Jr., How We Lost the High-Tech War of 2007. Weekly Standard, January 29, 1996. P.22-28.

²⁷ Role of U.S. Armed Forces in the Post-Cold War World. Hearing before the Committee on Foreign Relations U.S. Senate, 103-rd Session. U.S. GPO, Wash., 1994. P.26.

²⁸ См. подробнее: Косово: международные аспекты кризиса. М., 1999. С.174-212.

²⁹ Andrew P.N. Erdman The U.S. Presumption of Quick, Costless Wars. Orbis. Summer 1999. P.381.

³⁰ R.Haass, Military Force: A User's Guide, Foreign Policy, Fall 1994. P.22.

³¹ Michael Noonan, Op. Cit. P. 628.

³² A.Erdman, Op. Cit. P.367-372.

ГЛАВА 7

ПРЕДЕЛЫ АМЕРИКАНСКОЙ ГЕГЕМОНИИ

Глобальные изменения, затрагивающие содержание как внутренних, так и внешних факторов, определяющих характер внешнеполитической стратегии, заставляют субъектов международных отношений вносить серьезные корректировки в шкалу вызовов и угроз национальной и международной безопасности, определять новые параметры или пределы существования старых институтов в новых условиях.

Угрозы имеют несколько источников и действуют на разных уровнях. Источники угроз можно разделить по географическим зонами и по их уровням. Представители различных научных школ и направлений¹ выделяют разные уровни угроз (от военного до экологического).

По характеру воздействия угрозы можно поделить на три группы. Во-первых, угрозы глобального масштаба, действующие на всех уровнях, во-вторых, угрозы регионального масштаба, главным образом военного характера и, в-третьих, внутреннего масштаба, действующие в основном на политическом, экономическом и культурном уровнях. Говоря об уровнях угроз, мы выделяем пять основных: финансово-экономический, военный, идеологический, информационный, политический.

Угрозы глобального характера. В связи с ростом в последнее время популярности идей глобализации, эта группа угроз безопасности стала рассматриваться как одна из важнейших. В ней можно выделить следующие угрозы: распространение оружия массового поражения; организованная преступность и международный терроризм; информационные и экологические угрозы. Таким образом, речь идет о таких факторах, которые наносят ущерб не столько конкретной стране, сколько всему международному сообществу.

Распространение оружия массового поражения рассматривается в США в качестве угрозы национальной и международной безопасности. В своем выступлении в 1991 г. в Аспенском институте Джордж Буш-старший отметил, что уже тогда 20 стран имели все условия для организации производства химического оружия. Таким образом, любой будущий конфликт, который тогда оценивался как локальный, может иметь куда более серьезные последствия². В своем докладе по бюджету 1992 г. на слушаниях в конгрессе Д.Чейни пошел еще дальше. Он предупредил членов конгресса, что к 2000 г. как минимум 15 развивающихся стран будут иметь средства для

производства баллистических ракет, 8 из них к тому времени уже имели или совсем близко подошли к обладанию ядерным оружием. 30 стран будут иметь собственное химическое оружие и 10 – в состоянии произвести биологическое оружие. «Если сегодня эти угрозы для США минимальны, то через десять лет территория Америки будет в радиусе действия ракет некоторых стран третьего мира»³. В 1992 г. прогнозы министра обороны стали ещё более мрачными. Увеличилось количество стран, способных обладать баллистическим оружием – 20, и 9 государств стали обладать ядерным оружием⁴. Такая ситуация требовала от Вашингтона сохранения стратегии ядерного сдерживания в качестве основного элемента национальной стратегии, а также закладывала основу будущим дискуссиям о необходимости выхода из режима ПРО.

В реальности количество стран, официально заявивших об изменении своего безъядерного статуса, было меньше. Но это не меняло суть проблемы, поднятой Чейни. Угроза обвального развития процессов распространения ядерного оружия была наиболее острой в период 60-х – конца 70-х годов. Уже тогда Израиль, Индия, ЮАР и Пакистан стали реализовывать масштабные военные ядерные программы. Вскоре к ним присоединились Аргентина, Бразилия, Иран, Ирак, которые на более низком уровне, но все-таки развернули углубленные исследования в этой области. Однако наибольшую тревогу у американских экспертов вызвали открытая демонстрация некоторых «проблемных» стран (КНДР, Ливия, Алжир, Иран, Ирак) заинтересованности в приобретении ядерного статуса. Именно эти тенденции вызывали наибольшую тревогу официального Вашингтона. Тем не менее лишь в 1998 г. Индия и Пакистан стали первыми государствами, которые открыто перешли из категории неофициальных ЯОГ (государство, обладающее ядерным оружием) в категорию государств, провозгласивших себя ЯОГ⁵.

В 1993 г. Пентагон предпринял попытку разработать общие принципы политики предотвращения распространения оружия массового поражения. Проведенный анализ позволил сделать следующие выводы. Во-первых, были выделены четыре географических района, имеющих отношение к решению означенной проблемы:

- Северо-Восточная Азия (Северная Корея как разработчик и Китай в качестве распространителя);
- Ближний Восток и Северная Африка (особое внимание к Ирану, Ираку и Ливии);
- Пространство бывшего СССР;
- Южная Азия (индо-пакистанский конфликт)⁶.

В означенных регионах сложились «устойчивые» каналы распространения ядерного оружия или технологий. Китай с Пакистаном и Ираном, Северная Корея и Россия с Ираном, Россия с Китаем, Пакистан с Ливией.

Во-вторых, угроза распространения оружия массового поражения теперь имеет не только национальный аспект. В этот процесс вовлечены террористические и преступные организации.

Чтобы нейтрализовать возникшие угрозы руководство США планировало работать в трех направлениях. Во-первых, укреплять режим нераспространения оружия поражения через действующие договоры и соглашения. Во-вторых, поддерживать на высоком уровне боеготовности собственные ядерные и обычные вооружения. В-третьих, создать надежную систему защиты.

В администрации У.Клинтон унаследовали означенную выше озабоченность, уделив особое внимание возможности бесконтрольного перемещения соответствующих технологий из республик бывшего СССР. Именно в этой связи впервые стал активно эксплуатироваться тезис о «влиятельной русской мафии», участвующей в криминальном ядерном бизнесе⁷. Неспособность контролировать черный рынок торговли оружием массового поражения сильно раздражало американских политиков. Особо они отмечали причастность советских спецслужб в привлечении организованной преступности к сделкам криминального характера на черном рынке торговли оружием⁸.

Исследователи правого направления возобновили критику России за неспособность обеспечить надежный контроль над соблюдением соглашений по запрету торговли любыми технологиями, имеющими отношение к химическому, ядерному или биологическому оружию⁹. В 1992 и 1997 гг. президент Ельцин издал специальные указы, направленные на ужесточение контроля за технологиями двойного назначения. Тем не менее в США вновь стали высказываться опасения по поводу соблюдения Россией принятых на себя обязательств¹⁰. При обосновании необходимости создания национальной системы противоракетной обороны в США говорили об угрозе несанкционированного запуска ракет с территории Ирака или Северной Кореи.

Организованная преступность и международный терроризм. Итак, в начале 1990-х годов в качестве «старой» новой транснациональной угрозы безопасности США появляется международный терроризм и организованная преступность (чаще всего речь идет о проявлении насильственных действий в отношении граждан и собственности США за рубежом, с середины 90-х годов организованная преступность приобрела внутренний аспект). Следует заметить, что нормы международного права, осуждавшие пиратство, захват заложников, этнические чистки, сознательное нанесение вреда окружающей среде и т.п. существовали и ранее. Однако официальный Вашингтон не вводил эти проблемы в разряд угроз национальной безопасности, ибо их проявление не приводило к прямым действиям со стороны американского правительства. По нашему мнению, это было вызвано тем, что советская угроза успешно «играла» роль «всеобъемлющей угрозы», консолидировавшей военно-политическое сообщество при разработке внешнеполитической страте-

гии. Позиция американских политиков изменилась в начале 90-х. С этого времени проявления нарушений норм международного права вошли в документы, где формулировались основные принципы стратегии национальной безопасности США. Исключение составляли проблемы, связанные с распространением наркотиков. Об этом ведущие эксперты писали уже в конце 70-х годов. Демократическая администрация У.Клинтон, привлекая к сотрудничеству исследователей, разделявших либеральные убеждения, смогла подготовить общественное мнение к восприятию старых по сути проблем по-новому.

Что сегодня беспокоит американцев? Как следует из исследования, подготовленного генеральным счетным агентством по запросу конгресса, во второй половине 90-х годов заметно возросла угроза внутреннего терроризма, где целью террористов становятся американские самолеты на международных авиалиниях. Вторая тенденция, которая по мнению экспертов представляет серьезную угрозу безопасности США – распространение наркотиков и связанная с этим деятельность международных преступных организаций. Наибольшую тревогу вызывала юго-западная граница США, через которую идет основной поток наркотических веществ. Для нейтрализации этих угроз, правительство вынуждено идти на укрепление служб безопасности в международных аэропортах, а также усиление материально-технической базы соответствующих подразделений. Следует заметить, что курс на техническое превосходство над преступными группировками стал определять политику Вашингтона в отношении новых транснациональных угроз.

В список государств, поддерживающих терроризм, правительство США занесло 7 стран. На четыре из них нет достаточных доказательств, что признают даже военные эксперты. В это число попали Куба, Северная Корея, Сирия и Ливия. Однако три другие страны вызывают у американцев особое беспокойство – Иран, Ирак и Судан¹¹.

Другая угроза, которая проявилась в последние годы, также тесно связана с международной преступностью. По мнению экспертов, преступные действия некоторых организаций или политиков (например, Саддама Хусейна) могут привести к серьезным экологическим катастрофам или же послужить толчком для нелегальной иммиграции. Беженцы – это еще одно новое слово в лексиконе исследователей, занимающихся изучением проблем безопасности. Специфика проблемы «беженцев» для американцев заключается в том, что она носит скорее гуманитарный характер. Географическое положение Соединенных Штатов позволяет им ощущать большую, нежели европейским странам, защищенность. Хотя один раз проблема нелегальной иммиграции, возникшая в отдельном штате Флорида, повлияла на принятие решения администрацией Клинтон о вторжение на Гаити для установления там «демократического режима». Действительно, власти штата были так

обеспокоены все нарастающим потоком беженцев из этой беднейшей страны мира, что вынуждены были потребовать решительных действий со стороны федеральных властей.

Выделяя конкретные преступные организации, действующие на территории США, директор ЦРУ Вулси говорил о русской мафии и китайской триаде. Первую обвиняли в участии в незаконной торговле оружием, ядерными технологиями и отмывании денег в банках, в том числе и американских. Китайская триада «специализируется» на контрабанде наркотиков, вымогательстве, игорном бизнесе и организации незаконного пересечения границы.

Информационные угрозы. Опасность такого рода угроз заключается в том, что они слабо осознаются политиками и вообще неспециалистами. Характер информационных угроз заметно отличается от традиционных угроз, вполне осязаемых и конкретных.

Политикам и военным экспертам давно известна угроза нападения с применением как обычного, так и ядерного оружия. Имеются проработанные схемы действий, известны «правила» формирования и раскручивания такой угрозы. Есть военные доктрины, имеется разведка, есть средства оповещения и предупреждения. Все вышеизложенное никак нельзя отнести к информационным угрозам.

Вновь появившаяся угроза не имеет национального элемента, может быть инициирована осознанно или спонтанно. Она отличается нелинейным характером развития, отсутствием каких-либо правил, а также индикаторов ее применения. В информационной войне может быть неограниченное количество «пятых колонн».

Так же как и угроза терроризма, информационная угроза требует особой активизации деятельности специальных органов разведки, причем принцип проведения разведывательных действий и спецопераций кардинально отличается от традиционных.

В США уделяется очень серьезное внимание подготовке специалистов в области информационной работы. Только через одну Национальную криптологическую школу АНБ проходит за год 19 тысяч человек (13,5 тыс. – гражданский персонал АНБ, 2,5 тыс. – военный персонал, 3 тыс. – из других ведомств). Подготовка специалистов по информационным войнам ведется и другими учебными заведениями Соединенных Штатов¹².

Надо заметить, что американцы очень четко вписывают проблематику информационных войн в основы своей политики национальной безопасности. В докладе Объединенной комиссии по безопасности, созданной по распоряжению министра обороны и директора ЦРУ констатируется: «Информационное оружие, стратегию и тактику применения которого предстоит тщательно разработать, будет использоваться с «электронными скоростями» при обороне и нападении. Информационные технологии позволяют обеспе-

чить разрешение геополитических кризисов, не производя ни одного выстрела. Наша политика обеспечения национальной безопасности и процедуры ее реализации должны быть направлены на защиту наших возможностей по ведению информационных войн и на создание всех необходимых условий для воспрещения противоборствующим США государствам вести такие войны»¹³.

Уже мало кто сомневается в том, что высокоразвитые страны будут иметь постоянное преимущество в такой войне. Серьезный интеллектуальный компонент, который несет информационная война, не позволит отстающим странам обеспечить безопасность от элементов информационной войны. Нельзя будет даже понять, что начавшееся воздействие посредством использования информационных технологий не случайно, а несет системный и планомерный характер. Однако США, лидируя в этом направлении, являются и первой жертвой, становясь все более уязвимой мишенью для такого рода воздействий со стороны традиционных и не традиционных субъектов международных отношений.

Финансово-экономический уровень. Внутренние проблемы социально-экономического характера в США стали рассматриваться на рубеже 80-90-х годов одними из главных угроз национальной безопасности страны. С данным выводом согласны многие эксперты, представлявшие различные научно-аналитические центры Соединенных Штатов, в числе которых: РЭНД¹⁴, Брукингский институт¹⁵, Совет по международным отношениям¹⁶ и Университет национальной обороны¹⁷. Проблемы экономической безопасности стали предметом серьезных дискуссий в конгрессе¹⁸. И как уже отмечалось выше, в стратегии национальной безопасности США 1991 г. среди главных интересов и задач выделялось «поддержание здоровой развивающейся экономики страны»¹⁹.

С 1992 г. неоиоляционисты стали укреплять свои позиции, найдя поддержку среди многих членов республиканской партии. П.Бьюкенен, взявший на вооружение лозунги неоиоляционистских алармистов, призвал обратить самое пристальное внимание на экономические проблемы Америки. Ситуация в экономике оценивалась как критическая²⁰, ибо в то время, как Япония и Германия проводили индустриальную политику, Соединенные Штаты «движутся к экономическому упадку, руководствуясь устаревшими геополитическими видениями и не имея взвешенной экономической стратегии»²¹. Для решения этой трудной проблемы необходимо было пересмотреть приоритеты и обратить самое пристальное внимание на внутренние аспекты политики национальной безопасности²². Особую заботу американских экспертов вызывали внешнеэкономические и внешнеторговые отношения США с другими странами²³.

Природа экономической угрозы имеет два уровня. Специфический уровень: качество жизни в США имеет материальное и эмоциональное измере-

ния. Оно будет неприемлемым, если в стране прекратится производство товаров, предназначенных для поддержания доходов среднего класса. То есть, прекращение производства товаров и услуг, способных материально обеспечивать потребности среднего класса представляет, по мнению экспертов, серьезную угрозу. Общий уровень – в условиях снижающейся конкурентоспособности американских фирм и товаров существует угроза перемещения производства наиболее ценных и выгодных товаров и услуг в другие страны, что впоследствии может привести Соединенные Штаты к зависимому положению от других стран²⁴. Чтобы избежать этого, Соединенным Штатам необходимо либо сконцентрировать у себя все исследования в области высоких передовых технологий и посредством этого контролировать производство, либо установить финансовый и/или идеологический контроль за странами, способными в будущем представлять угрозу США в этой области.

Проблемы экономического плана, возникшие в США на рубеже 80–90-х годов многие исследователи связывали с «кризисом образования и культуры», который, в свою очередь, имеет своим источником еще более трудно-разрешимую проблему: «резкое падение уровня умственного развития населения» и «демографический сдвиг ... к более низкому уровню интеллектуальных и, значит, культурных, образовательных, а также, как неизбежное следствие, экономических достижений»²⁵.

«Начиная с 1960 г. население страны выросло на 41%; валовой внутренний продукт почти утроился; общая сумма ассигнований всех уровней правительства на социальные нужды (выраженная в стоимости доллара в 1990 г.) возросла от 143 млрд. долл. до 787 млрд. долл. – т.е. более чем в пять раз. Затраты на выплату социальных пособий (с учетом инфляции) увеличились на 630% ... на образование ... на 225%.

Но за этот же 30-летний период были зафиксированы: рост числа особо тяжких преступлений – на 560%, количества незаконнорожденных детей – на 400%, самоубийств среди подростков – на 200%, число разводов возросло в четыре раза, доля детей, живущих в семьях только с одним родителем, утроилась, а результаты теста на проверку способностей и наклонностей выпускников школ упали в среднем на 80 баллов. По-видимому, – приходит к выводу американский исследователь У.Беннет, – социальные патологии современного общества ... плохо поддаются лечению, несмотря на огромные средства, которые затрачиваются правительством на борьбу с ними»²⁶.

Особую тревогу у правых вызывало снижение качества образования и уровня подготовки рабочей силы. Согласно некоторым исследованиям, качество американской системы образования существенно снизилось²⁷. Уровень знаний американских школьников значительно ниже, чем у их сверстников в других промышленно развитых странах. Одна четверть американских школьников не умеет ни читать, ни писать. Начиная с 1985 г. 2 млн. молодых американцев ежегодно оканчивали школу, не умея читать. Наи-

большее количество безграмотных среди негров и испаноязычных, что вызывало серьезную озабоченность уже либералов²⁸.

Эти и другие обстоятельства вызывали серьезные опасения у экспертов и аналитиков. Однако советник президента Дж.Буша-старшего по экономическим вопросам, например, не придавал большого значения упадку производительности труда. Он считал, что необычно бурное развитие американской экономики в 50-60-е гг. стало логическим этапом после Второй мировой войны, следовательно, не должно служить точкой отсчета для дня сегодняшнего²⁹. Другие тревожные тенденции, по мнению представителя администрации, были вызваны неправильной налоговой политикой и должны быть исправлены после уменьшения налогов, что позволило бы сделать капитал более дешевым³⁰. Столь оптимистическое настроение администрации Дж.Буша не разделяли многие американские экономисты и политики и критиковали Белый дом за неверный подход к решению этих проблем³¹.

Одна группа исследователей, близкая к изоляционистским традициям, считала, что чрезмерные обязательства, взятые Соединенными Штатами на международной арене, серьезно ухудшили внутриэкономическое положение страны. Они предлагали отказаться от выполнения союзнических обязательств и сконцентрироваться на внутренних проблемах. К их числу можно отнести Т.Карпентера, А.Тонельсона и Д.Каллео³². Последний, например, считал, что платить за поддержание той роли, которую играет США в мире, должны и другие страны, причем не только союзники.

Другая школа, объединившая умеренных экспертов, строила свои выводы на том, что экономические интересы США и союзников будут неизбежно расходиться, если Соединенные Штаты не приведут в порядок свою экономику, пойдя на определенные жертвы. Ф.Бергестен считал, что США должны играть ведущую роль в создании системы международной безопасности, но при этом уделять должное внимание и внутренним проблемам³³.

Третья группа экспертов, ярким представителем которой являлся Д.Най, выражала уверенность, что возрастающая экономическая и политическая взаимозависимость мира позволит основать и поддерживать новый мировой порядок. Широкая коалиция наций создаст общую базу интересов для решения различных международных проблем. При этом, считал Д.Най, Соединенные Штаты имеют все условия для исполнения лидирующей роли³⁴. К числу сторонников этого подхода³⁵ могут быть отнесены некоторые видные члены конгресса, среди которых явным лидером являлся сенатор Д.Байден, активно выступавший в поддержку многостороннего подхода в решении проблем международной безопасности³⁶.

И, наконец, четвертая группа аналитиков, близкая к реалистической традиции, считала, что Соединенные Штаты должны играть активную роль на международной арене и строить свои отношения с другими центрами силы с учетом своих национальных интересов. Г.Киссинджер, представляющий

данное направление, определял шесть основных экономических и политических центров: США, Европа, Китай, Япония, Россия и, возможно, Индия³⁷.

Киссинджер считал, что экономическая мощь является важным составляющим национальной силы, но при этом был убежден, что мировая экономика разделяет мир, а не объединяет его. Он резко критиковал изоляционистов, считая закономерным сохранение лидерства за Соединенными Штатами³⁸.

Представленные здесь разные позиции, господствовавшие в США в данный период, дали толчок для пересмотра Вашингтоном политики относительно своих союзников и международных организаций. Более того, заставили обратить особое внимание на проблемы экономической безопасности.

Третий уровень угроз – идеологический. Речь не идет о том, что какая-то альтернативная идеология может поколебать традиционные устои американского общества или же в мире установится неблагоприятный для США идеологический климат. Экспертов корпорации РЭНД, например, серьезно беспокоила перспектива объединения экономической или военной мощи с носителем враждебной идеологии. То есть обладание ядерным или химическим оружием идеологически настроенным против Соединенных Штатов режимом или же использование высокого экономического потенциала идеологическими противниками будут представлять серьезную угрозу национальной безопасности³⁹.

Регионы, вызывавшие серьезную обеспокоенность – Ближний Восток и территория бывшего Советского Союза⁴⁰. Особая забота о распространении демократических принципов и идеалов отмечалась в отношении таких государств, как Индия, Южная Африка, Бразилия и Аргентина⁴¹. Если этот список сравнить с данными о странах с быстро развивающейся экономикой, обладающих или способных произвести ядерное оружие, то мы увидим их совпадение.

Выступая в Йельском университете в мае 1991 г. президент Дж. Буш-старший подтвердил особую заинтересованность США в утверждении демократических идеалов и принципов свободного рынка в Юго-Восточной Азии, Центральной и Восточной Европе⁴². Президент призвал к серьезной и кропотливой работе по устранению самой вероятности появления идеологической угрозы США в этих регионах⁴³. Администрация У. Клинтона приложила максимум усилий по реализации озвученной Дж. Бушем стратегии.

Военные угрозы. Среди наиболее существенных военных угроз национальным интересам США выделялось доминирование в Евразии и на Ближнем Востоке какой-либо державы или коалиции стран⁴⁴. К наиболее вероятным истокам возникновения конфликтов здесь относили характерную для этой сферы социально-политическую нестабильность.

Опасность возникновения военных конфликтов в "третьем мире" существует вне зависимости от намерений или действий США и СССР, – подчеркивалось в докладе президента Дж. Буша-старшего "Стратегия США в области национальной безопасности", направленном в конгресс 20 марта 1990 г.⁴⁵

В новую эру, – отмечалось в докладе, – конфликты в "третьем мире" могут происходить и без соперничества между сверхдержавами. Однако по различным причинам многие из этих конфликтов продолжают угрожать интересам США. Эрозия биполярного мира способствует росту проблем⁴⁶.

Региональные войны, по мнению военных экспертов, будут представлять опасность американским интересам, которая может возрасти в результате увеличения вооруженных сил и распространения новейших вооружений (программы перевооружения ведут Малайзия, Тайвань, Китай, Индия, многие страны Ближнего Востока). Трудности в контроле за распространением химических, биологических и ядерных вооружений, а также средств доставки большой дальности заставляют американцев обратить самое пристальное внимание на эту проблему. Нестабильность в районах, пораженных нищетой, несправедливостью, расовая и межнациональная напряженность сохраняется независимо от того, будут они использоваться Советами или нет. Религиозный фанатизм, по мнению американских стратегов, будет и впредь угрожать жизням американцев или гражданам дружественных стран на Ближнем Востоке, от чьих энергетических ресурсов зависит экономика не только США, но и многих их союзников⁴⁷.

В серии выступлений высших армейских чинов на слушаниях в конгрессе в 1989–1991 гг. были определены конкретные факторы, вызывавшие особую озабоченность Соединенных Штатов в современном мире. Географически наибольший интерес для американских стратегов представляли Тихоокеанский регион, Западная Европа и Ближний Восток⁴⁸.

Советский Союз, а ныне образовавшиеся на его территории в конце 1991 г. государства, несмотря на сокращение наступательного потенциала, в планах Пентагона был и остаются крупной военной силой, обладающей ядерным оружием, что и обуславливает интерес Вашингтона к России⁴⁹.

Непропорционально большие военные расходы, осуществлявшиеся правительством КНДР, представляют серьезную угрозу союзнику США – Южной Корее⁵⁰. Сравнивая военный потенциал Северной и Южной Кореи, однозначно фиксировалось превосходство первой (по численности армии на 300 000 человек больше у КНДР, в танках соотношение 2.5 к 1, в артиллерии 2.6 к 1)⁵¹. Особую озабоченность Вашингтона вызывали секретные программы по созданию ядерного оружия на Корейском полуострове⁵², что неизбежно привело бы к пересмотру военной доктрины Японией, уже начавшей программу перевооружения своей армии⁵³. Следует отметить тот факт, что в США понимали

неизбежность изменения военной роли Японии. Вполне может случиться так, что торговые трения могут распространиться на сферу военной безопасности. Япония с её успехами в микроэлектронике и композитных материалах находится в чрезвычайно выгодном положении для того, чтобы вырваться вперед в военной сфере. Вашингтону и Токио в дальнейшем придется прилагать большие усилия к тому, чтобы обе страны действовали в области безопасности в интересах друг друга. Парадокс заключается в том, что подобное положение удовлетворит сторонников приоритета внутренних проблем в политике национальной безопасности, выступающих за то, чтобы союзники брали на себя больше расходов на безопасность.

Третий фактор, нестабильность и непредсказуемость развития ситуации во многих странах, расположенных в стратегически важных регионах. Китай, Северная Корея, Бирма, Вьетнам, Камбоджа по разным причинам могут стать причиной роста напряженности в Азии⁵⁴. Кризисное развитие ситуации в Либерии, Сомали, Эфиопии, Кувейте, Бангладеш, Филиппинах, по мнению военных экспертов, может потребовать вмешательства американских вооруженных сил⁵⁵. "Обострение старых межнациональных противоречий" в Европе может привести к появлению региональных конфликтов, что традиционно считается как противоречащее национальным интересам⁵⁶. В конечном счете, обе мировые войны стали результатом нестабильности и соперничества великих держав именно в этом регионе.

У многих стран Юго-Восточной Азии и Африки четко оформились претензии и контрпретензии территориального характера⁵⁷. Споры уже послужили причиной насилия, при этом "нет особых надежд на то, что без американского стабилизирующего присутствия" развитие ситуации не пойдет по худшему сценарию⁵⁸.

Таким образом, главная военная угроза фундаментальным интересам США может исходить от доминирования в Евразии и на Ближнем Востоке одной силы, способной контролировать экономические и военные ресурсы Европы или Японии, или природные ресурсы Ближнего Востока. В качестве серьезной угрозы военного уровня рассматривается также бесконтрольное распространение оружия массового поражения и средств доставки.

В начале 90-х годов необходимо было предпринять активные усилия по «спасению американских вооруженных сил от стагнации и развала в результате достигнутой победе в холодной войне». В 1994 г. была смоделирована военная игра – война между США и Китаем в 2020 году. К ужасу американских офицеров, китайцы одержали победу, используя высокие технологии⁵⁹. Так начала разворачиваться кампания «революции в военной области» (Revolution in Military Affairs RMA)⁶⁰.

Эксперты и аналитики, близкие к Пентагону, стали доказывать необходимость увеличения ассигнований на развитие информационных технологий и средств коммуникации. Известный стратег Э.Лутвак доказывал необходи-

мость скорейшего появления «оружия эпохи этой революции», ибо американское общество поддержит только участие в «электронных и информационных войнах», которые, как предполагается, будут «менее кровавыми»⁶¹. Так в общественное мнение стала внедряться идея необходимости увеличения расходов на создание «супероружия» информационной эпохи.

При анализе вышесказанного, складывается довольно сложное впечатление о стремлении американкой внешнеполитической элиты сформировать столь необходимую для военных стратегов шкалу угроз национальной безопасности. Анджо Кокбурн в своей шумевшей книге «Угроза» писал, что официальные оценки советской угрозы всегда были преувеличенными, особенно это касается периода конца 70-х — начала 80-х годов. Уже тогда боеготовность Советской армии была ниже и она была слабее американской⁶². Тогда, как и сейчас, абсолютное большинство журналистов, аналитиков и экспертов «мозговых центров», журналистов-международников, всех, кто связан с Пентагоном или военно-промышленным комплексом, доказывают существование серьезных угроз безопасности Америки или ее союзников. Известен факт, что миф о танковом походе Советской армии через всю Западную Европу за 48 часов был создан в Америке специально. Эксперты подсчитали все танки, которые были выпущены в СССР, начиная с начала 50-х годов, что, естественно, дало итоговую цифру, в несколько раз превышающую численность танков стран НАТО.

Ощущение нереальности сформированной шкалы угроз дополняет список стран, представляющих угрозу интересам США. В последние годы известные аналитики пытались найти претендентов-соперников. С.Хантингтон обратил внимание американцев на враждебные цивилизации. Э.Лутвак особенно активно ищет противников в Азиатско-Тихоокеанском регионе. С.Эмерсон сосредоточился на исламском фундаментализме. Р.Хаас видел угрозу в непредсказуемости мирового развития. В настоящее время, среди военных особой популярностью пользуется концепция «rogue state», предложенная экспертами Пентагона в замен коммунистической угрозы. Уже около 10 лет в основе национальной стратегии США лежит типологизация современных государств, позволившая военным сформировать доктрину «асимметричной угрозы». Одной из самых «перспективных» угроз может стать терроризм, борьба с которым может объединить американское общество и страны. Однако у терроризма есть один «недостаток» – отсутствие территории. Источник терроризма может быть как внутренний (взрыв в Оклахома-сити организовал, по данным расследования, американец, разделявший радикальные взгляды), так и внешний (герои-изгои – С.Хуссейн, Усама бен Ладен, может быть найден еще кто-нибудь). Борьбаться в такой угрозе придется новыми методами, армия, авианосные группы и стратегическая авиация в этом случае будут малоэффективны.

Четыре типа государств: ядро – демократические, рыночные государства Северной Америки, Западной Европы и Япония; переходные государства – Китай, Россия и Индия; государства, нарушители спокойствия – Северная Корея, Ливия, Ирак, Иран, Судан и некоторые другие; последняя группа – разрушенные государственные образования, без дееспособного легитимного центрального правительства. Две последние группы стран представляют угрозу безопасности США, но в том случае, если возникшие с их участием конфликты затронут жизненно важные коммуникации или будет угроза вовлечения оружия массового поражения.

Понятно, что адекватной военной, экономической и политической мощью обладают очень немногие субъекты мировой политики. Не все конкуренты станут реальными соперниками США. Тем не менее, в их число, представители внешнеполитической элиты иногда включают Германию, Японию, Китай и Россию. Мы не будем подробно разбирать региональные направления внешней политики США, отметим лишь большую активность прокитайского лобби в США (один из признанных лидеров считается Г.Киссинджер), которое всячески стремится убрать конфликтное начало в американо-китайских отношениях.

Прежний антагонист — Россия — слишком поглощена внутренними проблемами, однако рассматривается в качестве возможной угрозы в рамках сохранения режима сокращения и нераспространения оружия массового поражения. Особую обеспокоенность некоторой части экспертов вызывает перспектива сближения России Китая и Индии. Однако в реальность создания такой оси мало кто верит сегодня.

В целом, среди многих аналитиков, и особенно военных, сохраняется понимание того, что дружелюбность в отношениях с другими странами сегодня не обязательно сохранится и завтра. Намерения меняются, но потенциал остается. Именно поэтому в основе стратегического планирования США лежат два важнейших принципа: это асимметричные угрозы – асимметричная стратегия и акцент на решение внутренних проблем. Географический фактор, несмотря на популярность геополитики среди некоторой части экспертов, теряет свое былое значение. Не так важно откуда будет исходить угроза, куда важнее в принципе нейтрализовать угрозу попадания ядерного, химического или бактериологического оружия в руки фанатика, остановить поток нелегальной наркоторговли, не допустить технологического отставания США от кого бы то ни было. Не позволить ревизионистским странам третьего мира, чьи демографические показатели позволяют претендовать на доминирующие позиции, бросать вызов интересам США. Новая шкала угроз частично помогает военным и политикам определить основные направления будущей внешней политики. Однако она явно несет гегемонистский оттенок, перегружая силы и ресурсы Америки. Сегодня Соединенные Штаты на мировой арене защищают свое лидерство, возведенное в разряд национальных интересов. Это опасно, в первую очередь, для самих же американцев.

Примечания

- ¹ Prisms and Policy..., 1994.
- ² Bush. In Defense of Defense. P. 133.
- ³ Department of Defense Annual Report, Fiscal Year 1992. P. ix-x, 59.
- ⁴ Department of Defense Annual Report, Fiscal Year 1993. P. 45.
- ⁵ Ядерное нераспространение: Учебное пособие для студентов вузов/И.А.Ахтамзян и др. Под. общ. ред. В.А.Орлова, Н.Н.Сокова. М.:ПИР-Центр,2000. Гл. 7.
- ⁶ Strategic Assessment 1998. Engaging Power for Peace, Institute for National Strategic Studies, NDU., Washington, 1998. P. 199.
- ⁷ Challenges to U.S. Security in the 1990's. Hearing before the Subcommittee on International Security, International Organizations and Human Rights of the Committee on Foreign Affairs, House of Representatives, 103rd Congress, 2nd Session. Washington D.C.: U.S. GPO, 1994., p. 72-109.
- ⁸ Ibidem, p. 73.
- ⁹ В мае 1992 г. между четырьмя крупнейшими торговцами оружия на мировом рынке было подписано соглашение о запрете торговли такого рода технологиями. Washington Post, May 30, 1992.
- ¹⁰ Rebecca Graeves, Russia's Biological Weapons Threat, Orbis, Summer 1999. P.490.
- ¹¹ Strategic Assessment 1998. Engaging Power for Peace, p. 211.
- ¹² Почепцов Г.Г. Информационные войны. М.: Релф-бук, К.: Ваклер, 2000. С.206.
- ¹³ Цит. по: Почепцов Г.Г., Указ. соч., с.200.
- ¹⁴ Prisms and Policy: U.S. Security Strategy after the Cold War. Ed. by N.Levin. Santa Monica, Ca.: RAND, 1994. P. 20–22.
- ¹⁵ Setting National Priorities... P. 19–65.
- ¹⁶ Rethinking America's Security: Beyond Cold War To New World War Order. Ed. by G.Allison and G.Treverton. N.Y.: W.W.Norton & Co., 1992. P. 136–176.
- ¹⁷ From Globalism To Regionalism ... P. 218-222.
- ¹⁸ Defense Economic Adjustment Diversification, Conversion and Stabilization Act of 1990. Hearings Before the Subcommittee on Economic Stabilization of the Committee on Banking, Finance and Urban Affairs, House of Representatives, 101st Congress, 2nd Session, June 12 & 27, 1990. Wash.: GPO, 1990. 339 p., Defense Policy in the Post-Cold War Era. Hearing Before the Committee on Budget House of Representatives. 102nd Congress. 1st Session, July 31, 1991. Wash.: GPO, 1991. 65 p.
- ¹⁹ National Security Strategy of the U.S. 1991. P. 3.
- ²⁰ См.: E.Luttwak, The Endangered American Dream, N.Y.: Simon & Schuster, 1993; критику идеи американского декаданса см.: A.Balk, The Myth of American Eclipse, New Brunswick, N.J.: Transaction Publishers, 1990.
- ²¹ Pastor R. The Latin American Option // Foreign Policy. Fall 1992. P.107.
- ²² U.S. Domestic and National Security Agendas ... P. 5–12.
- ²³ Setting National Priorities ... P.145-185.; U.S. Congress, Office of Technology Assessment. Building Future Security. Strategies for Restructuring the Defense Technology and Industrial Base. Wash.: GPO, 1992. P. 157–159.
- ²⁴ Prisms and Policy ... P. 21.
- ²⁵ Цит. по: Пол Холландер. Антиамериканизм. СПб, 2000. С.95.
- ²⁶ Указ. соч. С.96.
- ²⁷ Council of Economic Advisors, Annual Report. PP. 97-99.; Miller D. A Domestic Agenda to Strengthen America // Washington Quarterly, 15. N. 15, Spring 1992. P. 217–221.

- ²⁸ Rethinking America's Security... P. 67.
- ²⁹ Council of Economic Advisors. Annual Report. PP. 91-97.
- ³⁰ Ibid.
- ³¹ "Who Is Us?" National Interests in an Age of Global Industry... Hearings, 1991. P. 39-41, 71; Peterson P. The Morning After // Foreign Policy, 87. Summer 1992. P. 3-24; Statement by Senator J.Lieberman // CR, 102d Congress, 2d session, September 18, 1992. P. S13997.
- ³² Carpenter T. Uncle Sam as the World's Policeman: Time for a Change? // U.S.A. Today Magazine, January 1991, PP. 21-22.; Calleo D. Beyond American Hegemony: The Future of the Western Alliance. N.Y.: Basic Books, 1990.
- ³³ Bergesten F. The Primacy of Economics // Foreign Policy, 87. Summer 1992. P. 13-24.
- ³⁴ Nye J. Soft Power // Foreign Policy, 80. Fall 1990. P. 153-171.;
- ³⁵ По английски данный подход называется "multilateral" ("многосторонний").
- ³⁶ CR, 102d Congress, 2d Session, June 29, 1992. PP. S9098-9102; July 1, 1992. P. S9496-9502.
- ³⁷ Kissinger H. What Kind of New World Order? // Washington Post, December 3, 1991, P.A21.
- ³⁸ Ibid.
- ³⁹ Prisms and Policy ..., 1994. P. 23-24.
- ⁴⁰ Ibid.
- ⁴¹ The Future of Europe. Hearings... P. 411-415.
- ⁴² AFP, 1991. P. 10-11.
- ⁴³ Ibid.
- ⁴⁴ The Impact of the Persian Gulf War and the Decline of the Soviet Union on How the U.S. Does Its Defense Business. Hearing Before the Committee on Armed Services. HR. 102d Congress, 1st Session, February - June 1991. Wash.: GPO, 1991. P. 247-248.
- ⁴⁵ U.S. National Security Strategy. 1990. P. 16.
- ⁴⁶ Ibid. P. 23.
- ⁴⁷ Ibid. P. 36-38.
- ⁴⁸ International Security Environment. Hearings ... 1989. P. 178-179. 488-489; The Future of Europe. Hearings ... 1990. P. 113-115; The Impact of the Persian Gulf War ... Hearings ... 1991. P. 244-248.
- ⁴⁹ The Impact of the Persian Gulf War... Hearings ..., 1991. PP. 244-246; National Military Strategy of the U.S. Wash.:GPO, 1992. P. 2.
- ⁵⁰ The Impact of the Persian Gulf War... Hearings ..., 1991. P. 283-285.
- ⁵¹ International Security Environment. Hearings..., 1989. P. 625.
- ⁵² The Impact of the Gulf War... Hearings..., 1991. P. 271.
- ⁵³ Согласно данным опроса 1992 г., 84% японцев поддерживали программу на создание собственных сил, способных защитить национальные интересы.
- ⁵⁴ Ibid. P. 283-287.
- ⁵⁵ National Military Strategy. P. 4.
- ⁵⁶ The Impact of the Gulf War... Hearings... P. 247.
- ⁵⁷ From Globalism to Regionalism, 1993. P. 57-73, 111-127.
- ⁵⁸ Cheney D. Speech delivered to the Council For International Relations. April 26, 1990.
- ⁵⁹ A.Cockburn, and K.Silverstein, Washington Babylon, N.Y.:Verso, 1996. P.168.
- ⁶⁰ C.Dunlap, Jr., How We Lost the High-Tech War of 2007//Weekly Standard, Jan. 29, 1996.
- ⁶¹ E.Luttwak. A Post-Heroic Military Policy // Foreign Affairs, July/August 1996. P.40-44.
- ⁶² A.Cockburn, The Threat, N.Y., 1984.

ГЛАВА 8

СТАРЫЕ СОЮЗНИКИ, НОВЫЕ ПАРТНЕРЫ НА ЕВРОПЕЙСКОМ КОНТИНЕНТЕ

Стратегия мирового преобладания, о которой говорит А.И Уткин, характеризует современную внешнюю политику США, требует особого подхода к построению союзнических и партнерских отношений. Официальные власти Соединенных Штатов никогда не скрывали, что считают жизненно важным интересом Америки не допустить доминирования на территории Евразии любой враждебной державы. Для этого Вашингтон готов взять на себя функции лидера¹.

Утверждение – «США – единственная сверхдержава» — достаточно прочно укрепилось в словаре как политиков, так и специалистов-американистов. В.А.Кременюк достаточно верно, на наш взгляд, определил значение «сверхдержавности Соединенных Штатов» для всей системы международных отношений². Нельзя не согласиться с тем, что концепция «единственной сверхдержавности» определяет объем и содержание функций США в мире и ответные «обязанности» этого мира перед ней³. США и их союзники взяли на себя ответственность за поддержание мирового порядка, отвечающего их интересам и задачам. Именно по этой причине у Вашингтона достаточно трудно складываются отношения с международными институтами и организациями, которые в той или иной степени получили от международного сообщества право поддерживать общую международную стабильность. В первую очередь это коснулось ООН, которая в двуполярный период холодной войны выступала в качестве дополнительного механизма согласования интересов двух сверхдержав – СССР и США. Сегодня нет основательных причин согласовывать с кем-либо свои интересы и тем более свои действия. Это полностью подтвердилось в ходе югославского кризиса, когда о Совете Безопасности ООН в Вашингтоне и не вспоминали. Ситуация с началом бомбардировок Афганистана в ответ на террористические акты, совершенные на территории США 11 сентября 2001 г., закрепила созданный несколько лет назад прецедент. Таким образом, Вашингтон стоит перед необходимостью разработки новой политики в отношении международных институтов.

В условиях «однополярного» мира «сверхдержавность» играет важную роль в процессе определения союзников, партнеров, врагов или нейтральных стран. От решения, принятого в Вашингтоне, все субъекты междуна-

родных отношений могут быть поделены на проамерикански и антиамерикански настроенные страны. С точки зрения теории международных отношений в этом нет ничего страшного, все страны вправе определять для себя потенциальных союзников и противников. Однако в условиях явного доминирования это деление может привести к дестабилизации обстановки.

Государства вступают в союзы для того, чтобы совместными усилиями решить общие задачи на заранее оговоренных условиях. "Союзы в биполярном мире, — по справедливому утверждению Д.Спэннера, — призваны отражать национальные интересы сверхдержав, четко фиксируя их внешние границы"⁴. Какие задачи решает США в новых условиях? Необходимо отметить, что не все коалиции, сформированные по инициативе США, существовали долго и имели одинаково важное значение. Тем не менее они однозначно выявили тенденцию, направленную на минимизацию роли других (потенциально враждебных) держав в стратегически важных регионах мира.

Поиск надежного союзника стал краеугольным камнем политики национальной безопасности США. Причем речь идет о таком союзнике, который смог бы самостоятельно нести бремя расходов по обеспечению взятых обязательств. Согласно планам Вашингтона, такие страны должны являться проводниками американских интересов в регионах, а также способствовать проникновению США на мировые финансовые рынки⁵. В конечном итоге безопасность союзника рассматривалась в качестве одной из приоритетных задач национальной стратегии Соединенных Штатов⁶.

Таким образом, союзническая политика Вашингтона базируется на двух принципах:

- военное присутствие (оно может быть широкомасштабным, как, например, в Западной Европе (113 тысяч военнослужащих), так и очень ограниченным);

- регулирование экономического развития стратегически важного региона через инвестиции, оказание экономической помощи, деятельность филиалов американских фирм и корпораций.

Такая ситуация наиболее ярко проявляется в странах Западной Европы, которые, по мнению консервативного аналитика И.Кристола, обречены «быть квазиавтономным протекторатом Соединенных Штатов»⁷. Однако в настоящее время в Европейском союзе идет активная подготовка к созданию европейской армии, которая позволит получить некоторую автономию от США. Однако важен не сам факт создания таких сил, а тот экономический эффект, который может последовать. Последние годы Западная Европа серьезно отставала от США, и по справедливому наблюдению Р.Мэдди, активизация военно-промышленного комплекса, которое последует за этим, позволит Европе совершить значительный технологический прорыв, создать новые рабочие места и дать толчок новому экономическому процветанию. «По крайней мере, Интернет изобрел не Алберт Гор, а Пентагон»⁸.

В настоящее время основные союзники США рассматриваются как потенциальные конкуренты. Западная Европа и Япония, оставаясь связанными военно-политическими обязательствами с Соединенными Штатами, имеют также стабильные экономические связи. Резкий технологический отрыв, в который ушли эти государства, обеспечивает им доминирование в мире на ближайшие десятилетия. Это объединяющий вектор трех центров силы. Однако, как показывает история, остаются споры и конфликты, которые вносят непредсказуемость как во взаимоотношения между названными центрами, так между ними и некоторым «догоняющими» их государствами. К последним часто относят Индию, Китай, Бразилию. Для минимизации возможных потерь, в случае появления открытого противника, Вашингтон всячески стремится перевести эти «переходные государства» в разряд стабильных, составляющих «ядро» новой системы⁹. Многолетний опыт взаимодействия США с другими странами приучил американских политиков к мысли, что соперничество, как и сотрудничество — неизбежны, ибо национальные интересы разных государств не могут быть идентичными. В этой связи особое значение приобретают механизмы и институты, позволяющие эти противоречия снимать. Особую роль здесь будет играть общность ценностей и идеологических установок. Страны Западной Европы чаще всего солидаризируются с Соединенными Штатами даже по самым щекотливым вопросам (например, использование вооруженных сил для разрешения конфликта в бывшей Югославии).

Одновременно с этим, в США есть эксперты, предупреждающие о хрупкости союзнических связей. «Вера в возглавляемые Соединенными Штатами союзы может быть подорвана, если такие ключевые союзники, как Германия и Япония, придут к заключению, что существующие соглашения неадекватны угрозам их безопасности», — считает эксперт «Рэнд Корпорейшн» З.Хализей¹⁰.

Основу союзнических обязательств США составляет Североатлантический союз. Принятое недавно решение о расширении НАТО свидетельствует о том, что политическая элита Запада придерживается «старой», так называемой атлантической концепции, которую активно поддерживали в начале 90-х гг. лидеры США и Великобритания. В рамках этой концепции важнейшим гарантом сохранения равновесия в трансатлантическом сообществе считается американское военное присутствие в Европе. Мир по-прежнему рассматривается как «опасное» место, где фактор военной безопасности сохраняет свое значение. Однако с каждым днем становится более понятным, что те, кто делают упор на преимущественно военные средства достижения политических целей, оказываются в невыигрышном положении. НАТО как институциональное выражение этих тенденций должно сохраниться, решая как традиционные, так о новые задачи по обеспечению баланса сил и безопасности в Европе, а согласно новой доктрине, и за ее пределами.

Следует отметить сильное влияние Маргарет Тэтчер на реформирование европейской системы безопасности в конце 80-х годов. Она, поддерживая позиции Вашингтона по основным вопросам будущего НАТО, одновременно предложила своего рода модернизированную концепцию «Единой Европы, состоящей из суверенных государств». По мнению Роберта Хатчингса, это своего рода неоголливская концепция, которая, кстати, не была поддержана Францией. В основе ее — сохранение главной роли в международных отношениях суверенного государства и традиционной дипломатии. Существующие многосторонние институты, такие, как НАТО, ЕС, ОБСЕ, будут функционировать дальше, могут даже принять и новые функции и изменить структуру, однако они по-прежнему будут служить интересам своих членов — суверенных государств¹¹.

Хотя этот комментарий относится к началу 90-х годов, анализ основных документов американского конгресса позволяет сделать вывод о сохранении верности основным положениям представленных выше концепций. Многочисленные социологические исследования как в США, так и в Европе показывают, что общество поддерживает идеи расширения НАТО. Хотя у американцев были обоснованные опасения по поводу ратификации договора Грецией и Турцией. Эти две страны вызвали наибольшее беспокойство Вашингтона. Чтобы убедить европейцев в необходимости быстрой ратификации договоров о принятии Венгрии, Польши и Чехии в НАТО, Вашингтон пошел на публичное ассоциирование положительного решения с национальными интересами США. «Они должны понять, что в случае отрицательного ответа, они отвергают не эти три страны, а отвергают США»¹². Вопрос о расширении альянса начал активно обсуждаться сразу же после победы «бархатных революций» в странах Центральной и Восточной Европы. Таким образом, уже администрация Дж. Буша заложила основы политики расширения НАТО на восток.

"Сильные альянсы имеют важнейшее значение для национальной стратегии, — заявил министр обороны Дик Чейни в 1991 г. Общие ценности, общие проблемы в области обороны, объединенный экономический потенциал дружественных стран создает прочную основу для коллективной безопасности, обеспечивающей мир и стабильность... Сильные союзы остаются важнейшим элементом постхолодного мира"¹³. Основное содержание союзов с участием США, как признал бывший министр обороны, исключительно стратегическое, не филантропическое¹⁴.

В качестве одного из основных компонентов всей "блоковой политики" США выступает Североатлантический союз, на деятельность которого Соединенные Штаты затратили в общей сложности 5 трлн. долл., что составляет примерно 50% всех оборонных расходов США, начиная с 1949 г.¹⁵

Главная миссия НАТО — создание и поддержание региональной системы безопасности, полное исключение возможности военного нападения¹⁶. Од-

новременно предполагалось усилить политическую составляющую союза, придав НАТО новую роль в качестве международного форума, "где страны могут вести переговоры, заключать, корректировать и проверять выполнение соглашений в рамках отношений Восток–Запад"¹⁷. В одном из своих выступлений госсекретарь в администрации Буша-старшего Дж. Бейкер высказал особую заинтересованность американской стороны в создании "консультативного механизма", способствующего расширению сотрудничества между странами — членами НАТО и другими государствами¹⁸. Таким образом, Североатлантическому союзу доверялось выполнение не только функции коллективной обороны, но и контроля за всем комплексом мероприятий и соглашений, имеющих отношение к вопросам безопасности. Членство объединенной Германии в НАТО, по мнению экспертов «РЭНД корпорейшен», позволит предотвратить появление враждебной Германии, способной стать новым центром в Европе¹⁹.

Объединенная Германия, которая вскоре займёт доминирующие позиции в регионе, потребует противовеса как в рамках отношений Запад–Восток, так и паневропейских институтов. К такому выводу пришли ведущие американские эксперты, размышляя о перспективах "блоковой политики" США²⁰. Однако одновременно высказывались справедливые опасения по поводу отказа конгресса финансировать "американское присутствие в Европе" при отсутствии реальной угрозы на европейском континенте²¹. Однако очень быстро появилось несколько поводов для демонстрации важности сохранения структур Союза. Если бы не было кризиса в Югославии, то его обязательно нужно было бы организовать.

В начале 90-х гг. Вашингтон еще рассчитывал иметь двух кандидатов на выполнение стабилизирующей роли в новой системе европейской безопасности: НАТО и СБСЕ. В декабре 1989 г. Дж. Буш говорил в Брюсселе о "новой Европе и новом атлантизме". Президент признал особую роль, которую может сыграть СБСЕ в строительстве европейской безопасности, однако очень скоро основной упор был сделан на триумф либерализма и особой роли НАТО как гаранта сохранения либеральных ценностей, демократии и свободы.

Влиятельный сенатор С. Нанн, который не верил в особые перспективы реформ в СССР, настаивал на сохранении американского лидерства в НАТО, правда, на более низком уровне. Одновременно он призывал к повышению эффективности СБСЕ. В ближайшей перспективе, по мнению главы сенатского комитета, Соединенные Штаты должны преследовать две эти цели одновременно²². Как заметил один из чиновников государственного департамента, странам — членам НАТО уже удалось через деятельность в структуре СБСЕ "влияться в экономику стран Восточной Европы, установить контроль за соблюдением прав человека, что в конечном итоге обеспечивает безопасность в Европе, а следовательно, и Соединенных Штатов"²³. Таким

образом, будущее НАТО находило поддержку как у республиканцев, так и видных демократов.

Для СБСЕ отводилась основная роль по защите прав человека и контролю за проведением свободных выборов в странах Восточной Европы. Бейкер видел в этой организации главный механизм легализации демократий во всей Европе²⁴. В то же время за СБСЕ признавалась важная роль и в укреплении безопасности в регионе. Однако ни Дж. Бейкер, ни Дж. Буш, ни сменившая их демократическая администрация У.Клинтон не представили конкретных предложений, какая именно. В дальнейшем официальный Вашингтон стал более сдержанно отзываться о перспективах СБСЕ, сконцентрировавшись на решении проблем НАТО²⁵. Более того, последние события в парламентской Ассамблее Европы свидетельствуют, что американцы с легкостью отдали контроль за соблюдением прав человека в руки этого института, который заметно потеснил на этом поле ОБСЕ.

В последнее время появилось много работ, проливающих свет на процесс принятия Вашингтоном решения о расширении НАТО. Р.Хатчингс, который в период администрации Дж.Буша-старшего курировал в СНБ восточно-европейское направление, подробно описал, как реагировали Дж.Буш и госсекретарь Д.Бейкер на тогда еще робкие просьбы новых лидеров Польши и Чехословакии о принятии их в альянс. Как ни удивительно, но уже в самом начале 90-х годов эти предложения серьезно рассматривались экспертами СНБ и государственного департамента. Пришедшие в 1993 г. в Белый дом демократы вынуждены были продолжить политику предшествовавшей администрации. О событиях, происходивших в то время в Вашингтоне, подробно написал профессор университета Дж.Вашингтона Д.Голдгейер²⁶.

Устремления американцев сохранить НАТО некоторые эксперты часто увязывают с одной из главных внешнеполитических задач США – сохранить присутствие в Европе вообще. Существует большое количество работ, анализирующих интересы США на европейском континенте. Однако многие из них, на наш взгляд, имеют два существенных недостатка. Во-первых, исследования отечественных авторов построены на принципах реалистической школы, что значительно сужает методологическую основу анализа. В целом складывается впечатление, что реализм неизмеримо более популярен сегодня в России, чем в Европе или США. В основе анализа – национальные интересы государств как суверенных субъектов международных отношений, играющих в игры «с нулевой суммой». Часто используется тезис о необходимости уравновесить соотношение сил в Европе, принимая во внимание возрастающую роль Германии.

Во-вторых, глубокое вовлечение США в европейские дела часто ассоциировалось с «европейским наследием». Иммиграция создала особые механизмы, влияющие на процесс принятия внешнеполитических решений.

Выходцы из Европы, доминировали последнее столетие. Иммигранты из Италии, Скандинавии, стран Центральной и Восточной Европы влияли на внешнюю политику США на протяжении XX века. В конце 90-х годов ситуация кардинально меняется. Сегодня, только по официальным данным, испаноязычное население США составляет 11 %, выходцы из Азии, в основном китайцы, являются серьезной силой в городах Западного побережья, заметными темпами увеличивается негритянское население. Демографические прогнозы в целом выглядят неутешительно для «белых». И если на внутригосударственном уровне ведущие эксперты не видят большой трагедии, ибо уверены, что возможные проблемы на расовой и национальной основе можно будет решить, запустив хорошо отлаженные механизмы открытого правового общества, созданного в США, то во внешнеполитической сфере следует ожидать серьезных изменений. Избиратель обязательно потребует (как это уже было с итальянской, польской, украинской и многими другими диаспорами) более пристального внимания к проблемам их исторической родины. Мы не уверены, что столь широко разрекламированные сегодня тенденции глобализации быстро нивелируют национальный элемент. Новый президент США вынужден будет не просто учитывать интересы испаноязычных избирателей (испанский язык уже получил особый статус в государственных учреждениях США), но и принимать конкретные меры по реализации этих требований в процессе принятия внешнеполитических решений, повторяя историю, когда требования этнических групп европейского происхождения влияли на формирование внешней политики США.

Чего опасаются в Вашингтоне относительно НАТО? Усиления европейской самостоятельности в области безопасности. В 1998 году произошли мало кем замеченные изменения в позиции Великобритании по вопросу европейской обороны. После многих лет несогласия даже обсуждать вопросы создания «европейской оборонной идентичности» британский премьер-министр Э. Блэйер в интервью европейским газетам высказал «крамольную» для Британии мысль. Он согласился с тем, что Европейский союз должен играть более существенную роль в решении оборонных вопросов. Премьер-министр Великобритании, по утверждению экспертов авторитетного «Джейнс Корпорейшен», вынужден был пойти на улучшение отношений с Францией и Германией, акцентировав внимание на проблемах обеспечения безопасности. Действительно, если как-то можно обойтись без Великобритании в создании единого валютного рынка, то никак нельзя игнорировать ее при выработке общей оборонной стратегии союза, хотя бы потому, что это один из членов ядерного клуба. Здесь можно наблюдать совпадение интересов трех ведущих европейских держав – Франции, Германии и Великобритании, причем каждая из них решает свои задачи²⁷. Однако столь неожиданное сближение позиций двух стран оставляет больше вопросов, чем ответов. Дело в том, что и Лондон, и Париж уверены, что НАТО будет играть

важнейшую роль в обеспечении безопасности, а, следовательно, Вашингтон останется основным игроком на этом поле. Однако сигнал был подан, и в Вашингтоне вынуждены искать новые подходы к решению старых задач. Таким образом, вопросы организации командования, коммуникаций и структуры вооруженных сил будущего, способных эффективно решать задачи обеспечения безопасности как союзников, так и отдельных государств, вышли на первый план.

В самих Соединенных Штатах нет единого мнения по вопросу о степени вовлеченности в дела других стран. Неоизоляционисты утверждают, что Америка уже выполнила свои обязательства перед другими странами (особенно теми, кто пострадал в годы Второй мировой войны) и должна предоставить им возможность самостоятельно обеспечивать свою безопасность. Логика сторонников этого подхода проста – американцы должны заняться модернизацией собственной мощи, с тем чтобы в случае необходимости действовать на международной арене независимо от мнения, помощи или интересов союзников и партнеров.

Выбирая новые региональные направления американской внешней политики, представители этой группы считают целесообразным сосредоточиться на строительстве нового азиатско-тихоокеанского сообщества. Заняв лидирующие позиции там (при сохранении его и в Европе), Вашингтон сможет успешно решать задачи обеспечения национальной безопасности.

Их оппоненты, представители либерально-институционалистского лагеря, выступают против ухода США из Западной Европы (к чему призывают неоизоляционисты). Они опасаются, что единая Европа, во-первых, пока не может решать серьезные международные проблемы, даже у себя под боком (кризис в Югославии), и, во-вторых, может сама отойти от США, взяв курс на сближение с Евразией. «США заинтересованы в том, чтобы Западная Европа, являющаяся в силу своего геополитического положения и ресурсов исключительно важным регионом, не попала в руки их глобального политического противника»²⁸, – считает немецкий профессор Ш.Бирлинг. Последняя администрация У.Клинтона, в большей степени склонялась ко второй группе, хотя и пошла на некоторое количественное сокращение своего военного присутствия. Новая республиканская администрация попытается проводить более взвешенную политику, хотя, в конечном итоге, будет обвинена в слишком глубоком вовлечении в европейские дела и невнимании к американским интересам в АТР. Сила инерции слишком велика, для того чтобы рационально выверенная политика возобладала. Для этого нужен новый харизматический лидер масштаба Ф.Д.Рузвельта или Р.Никсона.

В последние годы произошли серьезные изменения в трактовке идей коллективной безопасности и защиты территории. Изменился характер политической поддержки выполнения подобных миссий²⁹.

Государства, выстроившиеся в очередь для вступления в НАТО, ожидают получить традиционную гарантию от внешней угрозы. Причем речь идет о соблюдении уже не соответствующей требованиям времени функции защиты территории от военной угрозы, исходящей от России.

С распадом СССР европейские лидеры очень быстро вернулись к идеям Вильсона о коллективной безопасности. Альянс стал рассматриваться в качестве инструмента построения гармоничного и мирно развивающегося общего европейского дома, членами которого станет большинство государств – членов ОБСЕ. Лидеры НАТО почти сознательно пошли на замену принципа коллективной обороны на принцип коллективной безопасности, основанный на консенсусе великих держав.

Парадоксально, но по справедливому наблюдению Д.Йоста, радужные заявления о создании системы коллективной безопасности в Европе противоречат двум программам, которые уже реализуются в НАТО³⁰. Действительно, если анализировать суть программы партнерства во имя мира и расширения союза на восток, то замечаешь противоречие официально заявляемым целям. В обоих случаях государства, ищущие членства или партнерства (за исключением России), стремятся получить гарантию безопасности территории от возможной российской угрозы. А именно от возрождения фактора «угрозы с востока» хочет избавиться Брюссель.

Соединенные Штаты в ближайшем будущем столкнутся с большими трудностями, о которых предупреждали еще противники расширения НАТО. Переориентация НАТО на выполнение специальных операций по поддержанию мира противоречит той структуре сил, командования и коммуникаций, которые требуются для обеспечения коллективной обороны. Как сохранить лидерство США, одновременно продолжая политику расширения альянса, когда растут требования как республиканцев, так и многих демократов, разделить бремя финансовой и организационной ответственности. Если принять во внимание возобновление переговоров по созданию европейских сил обороны, то ситуация для washingtonских стратегов будет еще более сложной.

Как нам представляется, западные политики слишком торопятся разработать конкретные модели будущей системы международной безопасности. Слишком много факторов могут сформировать совершенно неожиданную шкалу угроз национальной и международной безопасности.

Реакция России на деятельность НАТО в последние годы во многом носит чисто пропагандистский характер. Это важный элемент внешней политики, но нельзя реальные интересы подменять риторикой, рассчитанной на публику. От чего должна зависеть наша реакция на изменение роли и функций НАТО?

Во-первых, от того, как мы видим будущую структуру системы международных отношений. Еще 3 года назад столичная интеллектуальная элита согласилась с тезисом о многополярности мира. Более того, это стало осно-

вой нашего внешнеполитического курса. Признавая многополярность (хотя и спорное утверждение, с нашей точки зрения), мы должны понимать, что центры силы, которых много, будут стремиться к упрочению своих позиций. И здесь нам необходимо принять следующее решение. Либо мы считаем, что наша безопасность зависит от безопасности других, и тогда мы ищем пути построения системы международной безопасности и идем на компромиссы, либо мы возвращаемся на традиционные позиции «национальной безопасности» и готовимся нести бремя финансовой ответственности за возникновение конфронтации. Но парадокс заключается в том, что тогда мы не должны слишком беспокоиться в долгосрочной перспективе о НАТО, ибо этот альянс развалится сам.

Если Россия строит свою концепцию на тезисе однополярности будущей структуры международных отношений (и здесь лучше отказаться от нереализуемых дорогостоящих амбиций), то и реакция на деятельность НАТО должна быть жесткой и адекватной. Не следует сбрасывать со счетов слова З. Бжезинского, который, обращаясь к американским законодателям и администрации Клинтона, призвал их сделать все, чтобы европейцы поняли — отказ ратифицировать договор о принятии новых членов в НАТО означает отказ Соединенным Штатам. Прекрасно понимая, что решение о расширении не найдет безоговорочной поддержки во многих европейских столицах, Вашингтон тем не менее увязал решение этого вопроса с национальными интересами США.

Если российский МИД готов разделить конструктивистское понимание процесса расширения НАТО и возьмет за основу «культурно-ценностную» составляющую альянса, то тогда возникает вопрос, какую цель преследует Россия? Либо безоговорочно принимаем известные западные либерально-демократические идеалы, ценности и нормы, и тогда выстраиваемся в (пусть и длинную) очередь в Брюссель. Либо мы отчетливо заявляем о приверженности своей особой ценностной шкале и прекращаем обманывать самих себя и четко определяем стратегию и тактику в отношении альянса. Сохраняя жизнь НАТО сегодня, США и Брюссель решают вполне конкретные краткосрочные задачи. К сожалению, пока трудно понять, какие задачи решает внешнеполитическое ведомство России, признавая возрастающее значение политического фактора в Североатлантическом блоке, отказываясь от работы в нем.

Примечания

¹ Bush G., and Scowcroft B., *World Transformed*. N.Y., 1998. P.566.

² См.: США: на рубеже веков. М.: Наука, 2000. С.26–28.

³ Там же.

⁴ Spanier. Op. Cit. P. 127.

⁵ The Future of Europe... Hearings. P. 205.

⁶ U.S. National Security Strategy. 1991. P. 7.

⁷ Цит. по: Уткин А.И. Указ. соч., С. 135.

⁸ R.Medley, *Europe's Next Big Idea*. Strategy and Economics Point to a European Military // *Foreign Affairs*, September/October 1999. P.22.

⁹ Strategic Assessment, 1998., Washington D.C., 1998. P.38–40.

¹⁰ Цит. по: Уткин А.И., Указ соч. С.26–27.

¹¹ Robert Hatchings *American Diplomacy and the End of the Cold War*. An Insider's Account of U.S. Policy in Europe, 1989-1992. Wash. D.C.: The Woodrow Wilson Center Press. P.150–151.

¹² *Managing NATO Enlargement*. Special Report. United States Institute of Peace, Wash.D.C., April, 1997.

¹³ Annual Report of the Secretary of Defense to the Congress for FY 1991., GPO, 1991. P. 53.

¹⁴ Secretary of Defense F.Carlucci text of Remarks Prepared for Delivery at the Foreign Policy Association. May 5, 1988. Federal Transcripts. Box 1. NSA

¹⁵ *Reshaping Europe: Strategies for a Post-Cold War Europe*. Ed. by K.Holmes, 1990. P. 99.

¹⁶ *American Foreign Policy*, 1989. P. 301.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Ведущим экспертам Фонда наследия видится в создании Североатлантической конференции (куда Россию предполагалось допустить только в случае продолжения демократических реформ) возможность плодотворного обсуждения проблем политического характера. Решение же экономических вопросов во взаимоотношениях между США, ЕС и странами Восточной Европы представлялось посредством участия в работе Североатлантического экономического сообщества, где не будет центрального бюрократического аппарата. *Reshaping Europe ...* P. 9.

¹⁹ *Prisms and Policy...* 1994. P. 26–27.

²⁰ *Europe After An American Withdrawal*. P. 23.

²¹ Ibid.

²² Sloan S. Congressional research Service. "The United States and a New Europe:Strategy for the Future"// CRS Report no.90-245 RCO. U.S. Library of Congress, 14 May 1990.

²³ *The Future of NATO*. Hearings, 1990. P.7.

²⁴ AFP, 1990. P. 16.

²⁵ Следует отметить тот факт, что Франция изначально скептически отнеслась к идеи политизации НАТО и к установлению институциональных связей между США и ЕС. *Financial Times*. 2 February 1990.

²⁶ James Goldgeier. *NATO Expansion: The Anatomy of a Decision*. Washington Quarterly 21, № 1. Winter 1998.

²⁷ Foreign Report. Jane's Information Group, London. Number 2525, December 17th, 1998.

²⁸ Цит. по: США: на рубеже веков. М., 2000. С. 43.

²⁹ См. подробнее David S.Yost. *NATO Tranformes: The Aliance's New Roles in International Security*. Wash.D.C.:US IPP, 1998.

³⁰ D.Yost. Op.cit. P.272.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ. США ПОСЛЕ 11 СЕНТЯБРЯ

Можно смело утверждать... что еще ни одному зарубежному критику не удалось поведать миру о таком пороке Америки, который не был бы отмечен ранее каким-либо его американским коллегой.

Пол Холландер

Международные отношения на рубеже XX–XXI веков характеризуются рядом вновь появившихся тенденций, которые заставляют политиков внести коррективы во внешнеполитические стратегии своих государств. Одной из первых стран, попытавшихся внести изменения в свою внешнюю и оборонную политику, стали Соединенные Штаты. Этому способствовали следующие причины.

Во-первых, к концу XX века они стали единственным центром силы, обладающим экономическим, политическим, военным, информационным преимуществами, а следовательно, имели объективную заинтересованность зафиксировать сложившееся положение. Обычно победители не меняют политики, приведшей на пьедестал. Однако в Вашингтоне правильно оценили необходимость скорейшего приведения в соответствие с новой структурой международных отношений внешнеполитической стратегии.

Во-вторых, в США традиционно сильные позиции занимали общественные науки, представители которых не только ведут активные научно-исследовательские и аналитические работы, предлагая политикам большое разнообразие аналитического материала, но и сами часто занимают ведущие государственные посты, на практике проверяя результаты своих разработок.

В-третьих, обладая мощными интеллектуальными, информационными и финансовыми ресурсами, США объективно выходят на качественно новый уровень существования – постиндустриальный. Американцы первые осознали радикальность происходящих перемен, а их политическая система пока способна реагировать на требования общества. США, таким образом, имеют самые лучшие шансы адаптироваться к новым факторам международных отношений.

Остается только один, смогут ли они им воспользоваться. Уже на протяжении 300 лет иммигранты, прибывающие на «новые земли», пытаются создать совершенный союз, способный защищать их права и не мешать их реализации.

На этом уровне и возникло одно из главных противоречий, которое характеризует современные дискуссии о будущем США в целом и ее внешней

политике в частности. Произошло обострение традиционных противоречий между изоляционистами и интернационалистами. Российские исследователи не очень много внимания уделяли этому вопросу, ошибочно считая, что время традиционных изоляционистов прошло.

Еще недавно политические и интеллектуальные элиты России и США соревновались в написании «современной» национальной стратегии. Однако, на наш взгляд, произошло гипертрофированное возвеличивание роли этих документов. В США появление «Стратегии национальной безопасности» стало закономерным ответом на требования общественности вывести проблемы национальной безопасности и внешней политики «на свет». С принятием закона о свободе информации, исполнительному ведомству необходимо представлять публике какой-либо документ, который не имел бы секретности, но, тем не менее, давал бы каждому заинтересованному человеку ощущение причастности к осуществлению внешнеполитического процесса страны. Однако если в США это было результатом многолетней эволюции взаимоотношений между военными и гражданским населением, то в России этот документ стал, с одной стороны, своего рода упражнением для представителей интеллектуальной элиты, с другой – символическим документом, ставшим предметом пустых споров между ведомствами, ответственными за реализацию военной и внешней политики и финансовыми ведомствами. В любом случае, документ больше похож на «констатацию намерений». Для России он еще является констатацией нереализуемых надежд.

Роль «гранд-стратегии» (высшая стратегия), как считает признанный авторитет истории военного стратегического анализа Лиделл Харт, координировать и управлять ресурсами нации (мобилизовать страну) для достижения политических целей войны, цель, которая обозначена фундаментальными политическими принципами¹.

Гранд-стратегия должна аккумулировать и способствовать развитию экономических, людских ресурсов для повышения эффективности вооруженных сил. Особое значение в этом документе должно придаваться укреплению морального потенциала нации, от которого зависит успех выполнения намеченных задач. Гранд-стратегия распределяет ресурсы между родами войск и службами, задействованными в решении оборонных вопросов. Соотношение между военным и гражданским секторами экономики также прописывается в этом документе. Таким образом, документ хоть и пишется «военным языком», тем не менее вбирает в себя и другие компоненты «силы»: экономический, информационный, психологический, политический и др.

Итак, изначально «гранд-стратегия» понималась как преимущественно военная стратегия, пусть на более высоком уровне, чем просто стратегия. Однако, являясь наиболее обобщенным видением государством своих целей, она может являться руководящим документом и в мирное время. По тради-

ции вооруженные силы используются для защиты государственных интересов за пределами национальных границ. Поэтому решение о том, каким родам войск отдается предпочтение, на проведение каких маневров выделяется больше средств и т.п., позволяет судить и о политических целях страны.

В США произошли определенные трансформации с понятием «гранд-стратегия». Большинство политологов любят рассматривать стратегию в качестве государственной доктрины обеспечения его безопасности. Эта теория определяет интересы государства на международной арене, угрозы этим интересам, возможные политические и военные средства их нейтрализации.

Одновременно стратегия должна фиксировать приоритеты среди интересов и угроз. В этом и заключается главная задача составителей, ибо ресурсы всегда ограничены и поэтому от решения вопроса приоритетности зависит успех реализации стратегии. Однако этого не достаточно. Стратегия должна давать четкие объяснения, почему была принята та или иная шкала ценностей и интересов, почему выбранные средства их защиты считаются наиболее приемлемыми.

Таким образом, гранд-стратегию можно рассматривать в качестве одной из форм аргументации при формулировании внешнеполитической стратегии страны. Она не обязательно является истиной в последней инстанции, и относиться к ней именно так и следует.

Не многие страны готовы решиться разработать и опубликовать документ, где так четко и логически обоснованно представлены те базовые принципы, на основе которых будет реализовываться военная доктрина и внешняя политика. Есть вполне обоснованные причины для такого подхода. По мнению профессора Б.Позена, когда страна пытается найти консенсус по структуре и содержанию гранд-стратегии, происходит обострение различных групп по интересам внутри страны, некоторые из которых могут проиграть, ибо в случае появления настоящей стратегии будет понятно, кому скажут «нет»².

Понятно что такая ситуация очень не удобна как для бюрократии, так и для политиков, поскольку вырабатывается определенная константа. Таким образом, всегда существуют влиятельные внутренние силы, которые препятствуют появлению стратегии с четко определенными целями, задачами, средствами и методами³.

В ходе анализа официальных документов России и США складывается впечатление, что нынешнее поколение аналитиков, экспертов и политиков очень трудно расстается с догмами, принципами и идеологемами, господствовавшими несколько десятилетий назад. Это характерно как для отечественных, так и для западных специалистов, которые с трудом расстанутся с прошлым.

Сегодня мы являемся свидетелями формирования новой структуры международных отношений, которая характеризуется наличием пока еще мало

понятными, но тем не менее уже сформировавшимися тенденциями. Среди основных характеристик этой структуры можно выделить следующие пары: глобализация и регионализация, интеграция и фрагментация, гуманизация и рост насилия и терроризма.

Некоторые исследователи предлагают рассмотреть другие факторы: информационная революция, растущая роль международных институтов, стремительное распространение оружия массового поражения и ряд глобальных проблем. В любом случае новые условия существования в окружающем мире требуют иных подходов к организации своего бытия. Причем перед государством стоят три задачи: во-первых, убедить своих граждан в том, что мир изменился и поэтому требуется новая стратегия. Если это удастся, то тогда появляется вторая задача – определить новые цели, и третья – найти пути решения этих задач в новых условиях. Готовы ли к этому те силы, которые заняли в 2000 г. овалный кабинет?

Новый президент вынужден будет принять такую национальную стратегию, которая, сохраняя существующее сегодня достаточно хрупкое равновесие между традиционными центрами сил – государствами, одновременно определила бы внешнюю политику США с учетом новых тенденций. Продолжение политики сдерживания Ирака или поддержание процесса расширения НАТО необходимы, в частности, для решения вполне традиционных задач внешней политики США – защиты американских интересов в стратегически важных регионах мира – Ближний Восток и Европа. Однако предстоит решить куда более сложную задачу – разработать стратегию, реализация которой будет осуществляться на двух новых уровнях системы международных отношений: государство – международные институты и государство – индивид. Глобальные финансовые структуры или такие люди, как Билл Гейтс, Ли Кашин или Усам бен Ладен, способны оказывать серьезное функциональное влияние на международную систему, что и заставляет государства вносить корректировки в свои внешнеполитические доктрины.

На наш взгляд, у многих аналитиков, активно комментирующих современные российско-американские отношения, еще не сложилось четкого представления о кардинально меняющейся их природе, причем началось это не 11 сентября, а раньше. С начала 90-х годов характер отношений между странами меняется. Мы порой либо преувеличиваем и демонизируем, либо недооцениваем роль существенных изменений, которые уже произошли в мире, в США и в России. Подходим к этому вопросу слишком формально и близоуко.

Приведем несколько примеров. Во-первых, несколько удивляет ситуация, которая складывается вокруг так называемой «информационной революции» в отечественной историографии.

Наглядный пример – это дискуссия о расширении НАТО. К большому сожалению, и в России, и в Америке она показала, что экспертам и полити-

кам проще мыслить и действовать на основе принципов вчерашнего дня. Один из важнейших постулатов китайской школы стратегического анализа говорит, что для достижения победы необходимо хорошо знать как врага, так и самого себя. Однако решить эту задачу сегодня отнюдь не просто. Как ни старались представители традиционных направлений в изучении международных отношений (реалисты, либералы, постмодернисты, конструктивисты, которые, на наш взгляд, с точки зрения чистоты теории были наиболее убедительными, объясняя, например, расширение НАТО) предсказать будущее международных отношений, их аргументы часто звучат не убедительно.

Разрабатывая будущую внешнеполитическую стратегию, необходимо четко представлять, какой будет структура международных отношений через десять – двадцать лет и какой будет собственная страна. Трудно говорить о нормальных взаимоотношениях, если мы изначально исходим из разных теоретических посылов. Среди российской интеллектуальной элиты совсем недавно утвердилось мнение, что современный мир – многополюсный, или же, если более точным, современная система международных отношений характеризуется наличием нескольких центров силы. Более того, этот тезис нашел отражение в официальных государственных документах. Однако данный тезис не только не отвечает современному положению дел, но и не признается на официальном уровне в США. Сегодня американцы строят свою национальную стратегию исходя из того, что Америка является единственным лидером. И это с их стороны вполне логично и правильно, ибо соответствует действительности⁴. Если национальная стратегия России работает на тезисе о многополярности мира, то для начала надо, как минимум, эту многополярность создать (если хватит ресурсов).

Не секрет, что официальная доктрина — это во многом публичный документ, выполняющий вполне определенные политические цели как на внутреннем, так и внешнем рынке. Официальная доктрина несет очень большую рекламно-пропагандистскую нагрузку, и поэтому надо осторожно подходить к представленным в ней формулировкам. Наибольшую ценность для прогнозирования будущей политики США представляет анализ структуры расходов на оборонные нужды, ибо это реальность с отсрочкой реализации на 5–10 лет. Эти цифры свидетельствуют о готовности США вести обычную войну в стратегически важных районах мира и о серьезной подготовке к ведению информационных войн, которые станут неотъемлемой характеристикой межгосударственных отношений в средней перспективе⁵. Однако они же говорят о том, что в самих США идет серьезная борьба между теми, кто считает, что революция в военном деле произошла, и теми, кто не хочет торопиться расставаться с привычными статьями расходов на оборонные нужды⁶. Таким образом, Соединенные Штаты продолжают готовиться к войне «вчерашнего дня».

Наивно ожидать от США одобрения действий Москвы на Северном Кавказе, если Вашингтон придерживается несколько иной шкалы ценностей. Мы мало говорим о том, что существуют большие различия в понимании базовых принципов международного права в США и в России, хотя эти страны и работают вместе в одних и тех же международных институтах. Именно поэтому некоторые наши эксперты не готовы работать на их поле международного гуманитарного права, которое для англосаксонской школы имеет очень важное значение. Мы по-разному смотрим на принцип использования силы в международных отношениях в случае нарушения прав человека или проявления антидемократических тенденций⁷. У нас разные позиции по вопросу вообще о роли вооруженных сил в международных отношениях. Даже только обозначив эти темы, мы приходим к пониманию реальных, а не виртуально-идеологизированных проблем взаимоотношений между США и Россией в рамках новой структуры международных отношений.

Различия на теоретическом уровне приводят к тому, что мы перестали понимать друг друга и при решении конкретных международных проблем (расширение НАТО, роль ООН и других международных организаций и институтов в разрешении конфликтов, конфликт в Югославии, чеченский конфликт и т.д.). Бесперспективно обвинять американцев и НАТО в бомбардировках Югославии, если с позиций их понимания международного права это «законно». Политики просто озвучили и реализовали господствующие концепции в этой отрасли гуманитарных знаний. Однако после 11 сентября неожиданно наступило «внезапное понимание» и политики заговорили о «стратегическом сотрудничестве».

События 11 сентября в США – преступление, которое должно быть расследовано, и виновные наказаны. Другое дело, что сегодня у многих появились сомнения, что у этого дела будет какое-либо юридическое продолжение. Большинство аналитиков, экспертов и политиков не удержались от эмоциональных оценок (что вполне объяснимо) и объявили о «начале нового этапа в международных отношениях». Наконец-то у западных специалистов появилась угроза, которая может занять вот уже 10 лет пустующее место. По мнению либеральных американских исследователей, существование угрозы служит собственным политическим и психологическим целям Соединенных Штатов⁸, таким образом, ее наличие может рассматриваться в качестве важнейшего элемента, определяющего содержание как внутренней, так и внешней политики США. По всей видимости, следует ожидать появления нового текста стратегии национальной безопасности, военной доктрины, полевого устава армии США. Они будут ориентированы на борьбу с «новым» старым врагом, о котором, кстати, эксперты говорили и писали давно, в том числе и самих Соединенных Штатах.

Новая администрация Дж.Буша-младшего еще несколько месяцев назад пугала либералов своими международными планами. Участники программы

PONARS (Program on New Approaches to Russian Security) критически воспринимали инициативы республиканцев ужесточить позицию США в отношении России⁹. Теперь руководители США готовы выйти на новый уровень взаимоотношений. Одно пугает, основой для сотрудничества могут стать те интересы, которые работают на внутреннего потребителя, международный терроризм не совсем подходит на эту роль. Для борьбы с ним мало кто согласится жертвовать какими-либо важными интересами. Есть более важные ценности, которые, судя по всему, несколько отличаются у граждан США и граждан России.

До 11 сентября многие эксперты соглашались, что базовое представление, на котором будет строиться политика США, состоит в том, что Россия слаба и в течение некоторого времени будет оставаться таковой. На протяжении ближайших лет она будет бороться со своей слабостью. Россия более не рассматривается как полновесная великая держава¹⁰.

Нераспространение оружия массового уничтожения (ОМУ) и ракетных технологий представляло приоритетную сферу российской внешней политики США и стран ЕС. Однако администрация Дж. Буша-младшего не рассматривает российское ядерное оружие в качестве угрозы американской безопасности, как ранее советский ядерный потенциал, поэтому логика ядерных балансов и соперничества более не является определяющей для двусторонних отношений США и России. Режимы и соглашения по контролю над вооружениями полезны лишь до тех пор, пока они защищают национальные интересы США (это мнение новой администрации). Именно поэтому новая администрация пошла на односторонние сокращения как наиболее эффективный и менее затратный механизм решения проблем разоружения. Несколько иная позиция стран ЕС. Общественность этих стран более озабочена наличием ОМУ на территории России. Именно в странах ЕС тезис о «международной безопасности» (а не «национальная безопасность») воспринимается более благосклонно, чем в США. Основной настрой как общественности, так и политиков Запада – прекратить распространение ОМУ.

Администрация Буша уже объявила о сокращении помощи России по «ядерным программам», несмотря на то, что двухпартийная комиссия конгресса США высказывалась против этого. Новая администрация считает, что Россия в состоянии выполнить свои обязательства по предотвращению распространения ОМУ, принимая во внимание российские-иранские контакты по строительству атомных объектов в Бушере. Однако министерство энергетики США заинтересовано в увеличении (или хотя бы сохранении) прежних объемов финансирования. Клинтон планировал выделить на обеспечение безопасности российских ОМУ 872 млн. долл., новая администрация предлагает сократить до 800 млн. долл. (включая государственные и частные источники).

Тем не менее можно заметить, что после некоторого охлаждения (1999–2000) намечилось потепление в оценках России. Россия не рассматривается ни в качестве врага, ни в качестве союзника. Большинство же американцев по-прежнему считает Россию важным фактором в политике национальной безопасности США. Абсолютное большинство американцев поддерживает инициативы по нераспространению ОМУ, однако и национальная противоракетная программа находит поддержку у многих граждан США. Большинство поддерживает расширение НАТО на восток, но хочет видеть этот процесс в рамках создания системы коллективной безопасности. Большинство американцев поддерживает программы финансовой помощи России, однако против их увеличения.

После трагических событий 11 сентября произошло временное улучшение российско-американских отношений. Основой этого процесса стала поддержка Россией контртеррористической операции США и Англии против Афганистана. Однако, по нашему мнению, борьба с терроризмом не может быть стержнем долговременного сотрудничества, ибо в основе ее – старые геополитические императивы. У терроризма нет общепринятого в международном сообществе определения. Более того, силы, осуществляющие операции, которые часто квалифицируются как террористические, сами так не считают. Таким образом, определение врага достаточно условно, им может стать любая организация или страна, которая, по оценкам западных политиков, дестабилизирует обстановку. Терроризм не имеет географических границ. Очень скоро может быть указана другая мишень, причем выбор ее будет зависеть от геополитических стратегических интересов. Многие страны и территории сегодня могут быть названы «базами террористов». Таким образом, терроризм может стать заменой «советской угрозы» или «американской угрозы», которую заинтересованные стороны находили в любых событиях и явлениях периода холодной войны. Настораживает также сдержанная реакция Китая на события в Афганистане. Видимо, у будущего центра силы есть свои причины не вливаться в «единый фронт борьбы с исламским экстремизмом в Афганистане».

Сегодня нас пытаются убедить, что борьба с международным терроризмом станет основой нового стратегического партнерства. Но никто не объясняет – почему. На протяжении последних 10 лет США, уже в «постхолодный» период, тратили большие средства на строительство армии. Они готовились не к борьбе с разрозненными и малочисленными группами террористов (для этого есть спецслужбы). И поэтому, когда эмоции улягутся, избиратель спросит, зачем мы тратили миллиарды на ВПК, какой эффект это дает, как это помогает защищать наши национальные интересы? Маловразумительными картинками из бедного и разоренного Афганистана отделаться будет не просто. Даже в годы Второй мировой войны союзники имели

разные интересы, которые и пытались защитить любыми средствами. После 1 сентября 1945 г. пришло 6 сентября.

Другой вопрос, который требует серьезной проработки сегодня – это роль военной силы в новой системе международных отношений. События последнего десятилетия характеризуются продолжением военно-политического соперничества государств и ростом национализма. Чтобы перевести международные отношения преимущественно на невоенное регулирование, требуется кардинально иная структура отношений. Уже стало хрестоматийным утверждение, что как ядерная, так и обычная война перестали быть сколько-нибудь рациональным средством достижения политических или любых иных целей. Завоевание вооруженной силой территории другой страны стало нецелесообразным, ибо «современная экономика — это тончайший финансовый, промышленный, сельскохозяйственный, торговый механизм, который не может производить продукцию, отвечающую стандартам рынка высокоразвитых стран, в условиях грубого принуждения»¹¹. Трудно спорить с тем, что экономика становится более наукоемкой, требующей высококвалифицированного рабочего. Высокий интеллект, высокие технологии и высокая квалификация (В-3) – становятся основой экономики западных государств. Завоевать эти качества с помощью военной силы не реально.

Однако, говоря об этом, мы должны учитывать, что имеем в виду ограниченное количество стран, имеющих доступ к В-3. Если ты не являешься членом этого клуба, то стоишь перед необходимостью защитить свои интересы. Технологический отрыв ведущих западных государств, и в первую очередь США, бесспорен. Любой, кто возьмет старт сейчас, будет отставать от лидера. Встает вполне закономерный вопрос — как лидеры и аутсайдеры будут защищать свои позиции и интересы. Какую форму может принять конфликт, который является нормальной характеристикой существования любой системы. Ответы на эти вопросы имеют важнейшее значение для будущего российско-американских отношений. Очень важно понять, какое оружие будет использоваться в конфликте как в ближайшее время, так в долгосрочной перспективе. Любое оружие должно соотноситься со стратегией, и любая стратегия должна соотноситься с политикой. Сторонники нового подхода, который в США принято обозначать как IT-RMA (информационные технологии – революция в военном деле)¹², стараются убедить общественность в необходимости кардинального изменения структуры военных расходов, ибо традиционные войны ушли в прошлое. В этой связи возникает один вопрос – действительно ли мы являемся свидетелями революционных изменений в военной области или же перед нами очередная кампания некоторых корпораций, борющихся за государственный оборонный заказ?

Итак, пока США имеют наилучшие стартовые позиции, чтобы подгото-

дения новой дистанции во многом будет зависеть от того, как американское общество переживет изменения в мире и, в большей степени, изменения в самих США. Антиамериканизм становится все более популярным, причем для самих США опасен не столько внешний, сколько внутренний антиамериканизм. Более совершенный союз должны построить «новые американцы», идеалы, ценности и кровь которых отличается от тех, кто писал и принимал Конституцию Соединенных Штатов Америки

Примечания

¹ B.N. Liddell Hart, *Strategy*, 2nd ed., N.Y.: Penguin Book, 1991. P.322.

² *The Use of Force in the Post-Cold War Era. Hearings. Committee on Armed Services, House of Representatives, 103 rd Congress, 1st Session, 1993. P.8.*

³ Ibid.

⁴ Richard J.Harknett *The Risks of a Networked Military. Orbis, Vol. 44. № 1. Winter 2000. P.127–130.*

⁵ *The Military Balance 1998/99/ IISS, Oxford University Press. 1998. P.15–16, 18.*

⁶ Andrew P.N.Erdman *The U.S. Presumption of Quick, Costless Wars. Orbis. Volume 43, number 3, Summer 1999. P.366.*

⁷ Угроза силой остается важнейшим инструментом американской дипломатии, что четко просматривается в заявлении государственного секретаря в подкомитете Сената США: «... американское лидерство требует, чтобы мы были готовы поддерживать нашу дипломатию реальной угрозой применения силы» (цит. по: Лукашук И.И. *Международное право. Общая часть. М., 1999. С. 251*).

⁸ Холандер П. *Антиамериканизм. СПб., 2000. С.87.*

⁹ См. <http://www.ponars@csis.org>

¹⁰ См. подробнее доклад Селест Уаландер на конференции PONARS в Москве 29 мая 2001, источник: <http://ponars@csis.org>

¹¹ Кортунов С.В. *Контроль за вооружениями и интересы России. М.:МОНФ, 1998. С.35.*

¹² Richard J.Harknett *The Risks of a Networked Military. Orbis, Vol. 44. № 1. Winter 2000. P.127.*

USA IS LOOKING FOR A MORE PERFECT UNION

BY MIKHAIL I. RYKHTIK

This book deals with domestic and foreign policy of the United States of America during last decade of XX century. There is lots of research dealing with American foreign policy. However there are no comprehensive work analyzing interrelations of domestic historical, political, ethnic, cultural, military and international factors influencing the process of formulation not only American foreign and security policy, but the structure and life of American society in nearest future. The author focuses on different domestic factors, such as new ethnic and racial structure of American society, new elements of strategic culture, role of business elite on US foreign policy. We've used original sources and documents from American libraries and archives, interviews with leading American and Russian scholars and experts. This book, is an attempt to predict what kind of Union should be on the current territory of United States of America.

It is tempting for all of us – scholars and ordinary observers alike – to consider September 2001 as the turning of an important political page not only for US-Russian relations, but also for general international relations as well. America returned back to work very quickly after tragedy. As President Bush said a few days after attack: "Today millions of Americans mourned and prayed, and tomorrow we go back to work." Russia also began engaging in the same work, but the question is for how long.

Back to work means rewriting National Strategy and revising Foreign Policy. Those who like paradoxes can find similarities between the presidencies of Bush Sr. and Bush Jr. Both Bushes had to start their presidency facing new international realities without "traditional" threats to American society. George Bush Sr. had to deal with a dead Warsaw Pact. George Bush Jr., on the other hand, had to face a "new" old threat – terrorism, which has shown itself to be all too real and all too close to the lives of ordinary American citizen.

With the transfer of political power in the U.S. and in Russia two years ago, we have received two new teams (both in Kremlin and in White House) looking for new approaches to the issues facing both countries in general and US-Russian relations in particular. This political fact assures some experts and analysts in the existence of a fresh start in relations between the two countries. Some analysts, however, have doubts about this new start in relations. These analysts are not saying that we will see a continuation of past tension and conflict, but they also do not see a real basis for partnership, strategic or tactical. The main basis for these new relations is primarily psychological.

In geopolitical terms, US interests are directed primarily at North and South America while Russian interests concentrated more on Europe. Russia wants to be a Pacific power, but there are strong competitors in the region that do not wish to see Moscow in a strong position in the Pacific. The interests of the US in the Western Hemisphere have grown dramatically in the last decade. This does not mean that the US will become more of a regional power and less of a global one, but taking into account the Republican presence in White House, some sort of isolationism would not be entirely unexpected. Instead, this means that Washington, despite its status as an omnipotent superpower, will resist acting unilaterally due to domestic forces.

Despite a number of disagreements, the US and Russia have been working successfully in the area of disarmament and non-proliferation for over 30 years. The treaties in place and the effectiveness of complicated verification systems testify to this success.

Now, two leaders – Presidents Bush and Putin - want to create a new sphere of partnership between our two countries – counter-terrorism. But terrorism is a very specific threat. Up to now the international community has had problems defining of terrorism. Our world remains one of conflicted interests. The best we can hope for is a definition of terrorism that is acceptable to both social science analysts and the politicians, lawyers, human rights activists, and those who consider themselves the defenders of freedom and civil. Terrorists rarely use the word terrorism at all when referring to their own activities. An undefined enemy is inappropriate base for cooperation from legal point of view.

Another aspect raising concern is that terrorism has no territory. What is happening in Afghanistan should not be a precedent. It is not difficult to imagine a future scenario in which members of the international community, provided with top secret information, begin bombing a third country supposedly accused of harboring or training terrorists. That is dangerous trend, as bases for terrorism can "be found" in many countries depending upon your definition of terrorism. Without an international standard defining and terrorism, terrorism could divide the world as it once did 50 years ago. If countries have different geopolitical interests, they look for threats in different places. The only question, do countries view fighting terrorism as an instrument to achieve "old" goals in a "new" world?

If we agree that we currently have a multi-polar world, then the US will sometimes be a partner with Russia and sometimes an adversary. Although our two countries have become closer psychologically, both countries still carry wounds from the past. Current geopolitical and economic interests, as well as the change in the balance of power, may still yet produce conflict. Both sides need to be realistic in their expectations. A fresh start in US-Russian relations is unlikely if the two sides continue to speak in different languages and define key issues differently. Apparently, we are not quite ready yet for the mutually advantageous and sustainable partnership that recent events and statements have encouraged.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава 1 Влияние идеологии на внешнюю политику США	17
Глава 2 Поиск новых стратегических ориентиров	33
Глава 3 Американское общество: традиции и новации в развитии	49
Глава 4 Воздействие внутривнутриполитических факторов на внешнюю политику США	69
Глава 5 Начало структурной перестройки американских вооруженных сил и значение данного процесса для других стран	84
Глава 6 Военная сила во внешнеполитической стратегии США на рубеже веков	107
Глава 7 Пределы американской гегемонии	118
Глава 8 Старые союзники, новые партнеры на европейском континенте	133
Вместо заключения США после 11 сентября	144

М.И. Рыхтик США В ПОИСКАХ БОЛЕЕ СОВЕРШЕННОГО СОЮЗА

Как живут американцы сейчас,
к чему они готовятся,
и что из этого может получиться

Исторические очерки

Подписано в печать 22.02.2002. Формат 60×84 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 9. Зак. 1617. Тир. 300.

Типография Нижегородского госуниверситета
603000, Н. Новгород, ул. Б. Покровская, 37.

Рыхтик Михаил Иванович - доцент, докторант кафедры международных отношений Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, кандидат исторических наук.

Сфера научных интересов: история внешней политики США, российско-американские отношения, проблема безопасности в современных международных отношениях. В 1993 г. закончил исторический факультет ННГУ им. Н.И. Лобачевского, в 1997 г. - аспирантуру ННГУ (тема кандидатской диссертации: «История эволюции стратегии национальной безопасности США в 1989-1993 гг.: администрация Дж.Буша»). С 1997 г. - исполнительный директор Программы американских исследований ННГУ. Автор более 30 научных работ на русском, английском языках.

